

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАЙ — ИЮНЬ

3

1971

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Клеванский.</i> К 50-летию создания Коммунистической партии Чехословакии	3
<i>Душан Живкович</i> (СФРЮ). Некоторые вопросы создания нового югославского государства	22
<i>Л. Б. Валеv.</i> Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и Болгария	37
<i>Стефан Кеневич</i> (ПНР). Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г.	55
<i>М. М. Кучинко.</i> Население бассейна верхнего Сана и Вислока в IX—XIII веках	65
<i>А. Липатов.</i> Проблемы периодизации литературы польского Просвещения	73
<i>Л. П. Жуковская.</i> Рукопись № 9 из собрания Григоровича	83

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Е. Л. Немировский.</i> К историографии польского перепечатника	92
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Н. Ф. Филоненко-Алексеев.</i> «Советское славяноведение»	94
<i>Елена Георгиева</i> (НРБ). Новый вклад в болгаристику	98
<i>Г. И. Чернявский, В. Т. Вытяжков.</i> «Герои на антифашистской борьбе»	103
<i>Надежда Иванович</i> (СФРЮ). «Токови революции»	106
<i>Ю. Смирнов.</i> О народной культуре Чехословакии	107

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1970 г.	108
---	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1970 г. (продолжение)	112
Содержание иностранных журналов	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. И. Демина.</i> Сорок лет в советском славяноведении	121
<i>А. О. Встреча</i> советских и польских историков в Познани	123
<i>В. Мокиенко.</i> Летний семинар славистов в Брно	124
<i>Т. В. Попова, К. И. Ходова.</i> VIII международный летний семинар по болгар- скому языку и литературе в Софии	125
<i>В. Т. Пашута.</i> Памяти Ежи Автоновича	126
<i>В. П. Гудков.</i> <u>Мате Храсте</u>	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
редактора), И. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

А. КЛЕВАНСКИЙ

К 50-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

«Мы больше чем политическая партия. Мы авангард новой жизни. Создавая новые условия, мы хотим создать и новых людей».

Б. Шмераль. Доклад на Учредительном съезде КПЧ, 15 мая 1921 г.

«Мы добровольно вступили в ряды Коммунистической партии Чехословакии и возложили на себя ответственность перед собственным народом и перед всеми прогрессивными силами мира. Эту нелегкую задачу коммунистов мы стремимся выполнить с честью. Мы видим свою святую обязанность в том, чтобы бороться и работать с народом, для народа, ради его блага и мирной жизни».

«Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ». Документ, принятый на пленарном заседании ЦК КПЧ 11 декабря 1970 г.

Коммунистическая партия Чехословакии, сплотившая под знаменем марксистско-ленинского учения лучших представителей трудового народа страны, была создана в период могучего революционного подъема, охватившего мир под влиянием Великой Октябрьской революции.

Явившись главным международно-политическим фактором, содействовавшим возникновению в 1918 г. независимого чехословацкого государства, Октябрьская социалистическая революция в России одновременно послужила мощным ускорителем развития борьбы пролетариата против строя, установленного в только что возникшей буржуазной республике. Классовые противоречия, осознание которых трудящимися долгие годы неизменно осложнялось существованием чужденационального гнета, лишь в самостоятельном государстве постепенно проявились во всей своей неприимности.

Однако сила натиска пробудившегося к активной политической жизни более чем трехмиллионного рабочего класса республики была ослаблена идейным разбродом, порожденным оппортунизмом, и существовавшей еще со времени австро-венгерской монархии национальной и организационно-политической разобщенностью его рядов.

Достаточно сказать, что наряду с двумя чешскими социал-демократическими партиями (Чехославянская социал-демократическая рабочая

партия — так называемые автономисты или сепаратисты — и Чешская социал-демократическая рабочая партия Австрии — так называемые централисты) существовали словацкая, немецкая, мадьярская, украинская, польская и другие национальные социал-демократические партии и организации. В декабре 1918 г. объединились Чехословацкая и Словацкая социал-демократические партии. Лишь в марте 1919 г. в Чехословацкую социал-демократическую рабочую партию, как она стала теперь называться, влились бывшие чешские централисты. Довольно значительная часть рабочих республики шла за другими партиями, выступавшими под социалистической вывеской, в частности, за Чехословацкой социалистической и Немецкой национально-социалистической. Каждая из этих партий имела свои профессиональные, молодежные, кооперативные, просветительные, женские и другие организации.

Кристаллизация, идейное и организационное оформление революционного направления в рабочем движении Чехословакии проходили несколько более замедленными темпами, чем в ряде других европейских государств. Объясняется это прежде всего тем, что восстановление национальной государственности, происшедшее в результате буржуазно-демократической революции, гегемоном которой явилась национальная буржуазия, на первых порах объективно способствовало распространению националистических настроений в широких слоях населения. Упоение национальной победой захлестнуло и чешский пролетариат, пролетариат господствующей нации нового многонационального государства. «Национальное освобождение, — констатировал Б. Шмераль на Учредительном съезде Коммунистической партии Чехословакии, — использованное буржуазией, стало тормозом классовой активности нашего пролетариата...»¹. Оппортунистическое руководство Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, самой крупной и влиятельной партии того времени, стояло на позиции необходимости и неизбежности сотрудничества с буржуазными партиями в «упрочении республики». Его главными аргументами для оправдания вступления социал-демократов в коалиционное правительство служили ссылки на возможность утраты добытой в тяжелой борьбе национальной независимости и утверждение, что только так, дескать, можно будет постепенно «социализировать» возникшую республику. Проповедая теорию классового мира, изображая национальную буржуазию носительницей идеалов суверенитета и демократии, правые социал-демократические лидеры пытались затормозить развитие революционной активности пролетариата.

Однако «национальное единство» тех лет, когда создалась реальная угроза существованию чешской и словацкой наций, не сразу, но неуклонно разлагалось, создавались реальные условия для претворения в жизнь самостоятельной пролетарской политики. Под воздействием объективных условий послевоенного развития неизбежно обострялась классовая борьба. Рост забастовочного движения, голодные волнения в начале 1919 г. были первыми признаками начинающегося освобождения трудящихся от националистического угара и социал-реформистских иллюзий. Передовые элементы чехословацкого рабочего класса искали действительных путей для претворения в жизнь социалистических идеалов.

Основным центром, вокруг которого шло объединение всего истинно революционного, что было в чехословацком рабочем классе и народе, стало левое крыло Чехословацкой социал-демократической рабочей партии. Пропагандистом революционных идей стал еженедельник «Социаль-

¹ «Protokoly sjezdů KSČ», sv. I, Praha, 1958, s. 109.

ни демократ» — «газета для воспитания классового сознания рабочих», как гласил его подзаголовок.

Наряду с критикой оппортунистической практики правого руководства, в «Социальной демократ» и других печатных органах, издаваемых левой оппозицией, сразу же появляются статьи, освещающие важнейшие теоретические вопросы научного социализма. Именно в области идеологической работы, совершенно запущенной старой социал-демократией, левые берут в свои руки инициативу, приступив к широкому обсуждению вопросов о роли классов и классовой борьбы, о движущих силах революции, государственных формах пролетарской власти, буржуазном парламентаризме. Газеты левых широко публиковали сообщения об общественно-политической, культурной и экономической жизни Советской России, статьи с изложением выступлений ее руководящих деятелей, важнейшие документы Советского правительства.

В условиях, когда, как указывал Ленин, «капиталисты заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской республике вообще, официальных ее документов в особенности»², борьба с клеветой и дезинформацией, развернутая левой рабочей печатью Чехословакии, имела большое революционное значение. Борьба за правду о новой России с самого начала была неразрывно связана с борьбой за создание революционной партии чехословацкого рабочего класса.

Разочарование направлением развития республики, недовольство коалиционной политикой лидеров, постепенное изживание иллюзий и поиски действительных путей осуществления социалистических идеалов — отмечались не только в рядах социал-демократии, но и в Чехословацкой социалистической партии, ускорив отход от нее передовых рабочих и интеллигентов и сближение их с левыми социал-демократами. Основное ядро левого крыла Чехословацкой социалистической партии составляли члены бывшей Федерации чешских анархо-коммунистов. В Чехословакии, как и в других капиталистических странах, шел процесс распада анархизма. В. И. Ленин писал летом 1920 г., что «среди анархистов после войны во всем мире происходит глубокое идейное разделение по вопросу об отношении к диктатуре пролетариата и Советской власти. При этом, именно среди пролетарских элементов, которых часто толкала к анархизму совершенно законная ненависть к оппортунизму и реформизму партий II Интернационала, заметно в особенности правильное понимание этих принципов, и притом тем более распространяющееся, чем ближе знакомство их с опытом России, Финляндии, Венгрии, Латвии, Польши, Германии»³.

В феврале 1919 г. состоялся съезд бывшей анархо-коммунистической федерации, который показал, что по сути дела она организационно осталась самостоятельным целым, несмотря на формальное слияние в феврале 1918 г. с социалистической партией. Делегаты съезда потребовали самостоятельного представительства федерации во всех руководящих органах партии, в парламенте, создания собственного печатного органа. Однако бывшие анархо-коммунисты не представляли собой идейно единого целого. Та их часть, которая группировалась вокруг Б. Врбенского, в основном продолжала оставаться на реформистских позициях. Трибуной революционного крыла анархо-коммунистов вскоре стал журнал «Червен», редактируемый С. Нейманом. По его страницам можно проследить тот чрезвычайно характерный процесс крушения иллюзий,

² В. И. Ленин. Полн. соб. соч., т. 38, стр. 301—302.

³ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 41, стр. 200—201.

разочарования «демократической республикой», отказа от достижения идеалов «свободного коммунизма» путем эволюционного развития, постепенного перехода на позиции марксизма, который переживали передовые представители левого крыла Чехословацкой социалистической партии. И здесь искреннее стремление узнать правду о Советской России, изучить ее революционный опыт сыграло решающее значение.

Важную, однако, до сих пор во всем ее значении не раскрытую роль в идейном развитии, активизации и объединении революционных сил в республике сыграли чехословацкие коммунисты, вернувшиеся на родину из Советской России. В горниле пролетарской революции и гражданской войны в России, в ожесточенных классовых битвах, равных которым не знала история, освобождение заброшенных сюда судьбой чешских и словацких пролетариев от реформистских и националистических предубеждений шло неизмеримо быстрее и интенсивнее, хотя, конечно, организационное становление и идейное созревание чехословацкого коммунистического движения в России было далеко не простым и гладким процессом. На нем сказались объективные и субъективные трудности и противоречия развития российской и европейской революций. Поставив перед собой цель — перенести «революционный факел, зажженный русским пролетариатом», на родину, чехословацкие революционеры в России объединились в рядах Чехословацкой коммунистической секции РКП(б).

Обращаясь к товарищам на родине, делегаты съезда, собравшегося в мае 1918 г. в Москве, заявили, что лишь осуществление программы III Интернационала принесет чешским и словацким трудящимся социальное и национальное освобождение. В резолюции съезда было подчеркнуто, что основывая свою организацию в России, чехословацкие коммунисты вовсе не хотят противопоставить ее организованному чехословацкому пролетариату, а лишь делают необходимый шаг к созданию первого отряда будущей коммунистической партии на родине.

В уставе, принятом на съезде, указывалось, что организация стремится практически и теоретически подготовить своих членов к борьбе за достижение целей, провозглашенных «Коммунистическим манифестом» и осуществленных Октябрьской революцией. В уставе подчеркивалась решимость чехословацких коммунистов действовать в тесном контакте с другими коммунистическими организациями в России и за границей. Важнейшей задачей членов партии устав объявлял установление связей с товарищами на родине, содействие их трудной борьбе и подготовку к тому, чтобы в решительный момент выступить вместе с ними.

Среди чехословацких коммунистов в России не существовало двух мнений по вопросу о том, следует ли организационно и идейно размежеваться с оппортунистами, необходимо ли создавать массовую революционную партию на родине. Однако в разное время, в зависимости от оценки степени зрелости революционной ситуации в Европе вообще и в Австро-Венгрии, а затем Чехословакии в частности, высказывались различные точки зрения по поводу методов, форм и темпов борьбы за создание такой партии. В конце 1918 — начале 1919 г., когда вся Европа бурлила, когда создание советских республик в Венгрии, Словакии, Баварии воочию показало, что диктатура пролетариата является вовсе не «чисто русским» явлением, а обязательным условием перехода от капитализма к социализму, сторонники «ускоренных темпов», «бескомпромиссных методов» создания партии были особенно многочисленны и среди чехословацких революционеров в России. Эта «революционная нетерпеливость» объяснялась и тем, отмечал В. И. Ленин, что тогда «... у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империа-

листической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада⁴.

Не было единого мнения среди чехословацких коммунистов и по вопросу о том, следует ли сразу создавать массовую революционную партию рабочего класса или первоначально можно ограничиться пусть небольшой, но сплоченной «партией руководителей». При этом сторонники создания небольшой и, как они выражались, «чистой» партии утверждали что-де и у большевиков вначале партия была не велика, но в ходе борьбы быстро превратилась в массовую. Между тем в России, как подчеркивал В. И. Ленин⁵, в момент свершения пролетарской революции за большевистской партией, тогда действительно небольшой, шло большинство народа, на ее стороне были такие массовые организации как советы, почти половина армии. Всего этого не было в большинстве государств послевоенной Европы. Однако стремление как можно быстрее пойти по стопам России зачастую не давало возможности чехословацким революционерам оценить реально обстановку в стране и в мире, вело к шаблонизированию тактики. Заметное влияние на чехословацких революционеров оказывал также пример венгерских, австрийских и германских коммунистов, вместе с которыми они действовали в России. Думается, именно поэтому со страниц газет чехословацких коммунистов в России звучали нетерпеливые призывы к чешскому пролетариату «немедленно организовать в коммунистическую партию»⁶.

Однако, вернувшись на родину, чехословацкие коммунисты поняли, что условия для этого далеко не так благоприятны, как предполагалось. С другой стороны, в социал-демократии в это время происходила консолидация левой оппозиции и существовала реальная возможность объединения с ней, воздействия на нее, а через нее и на всю массу социал-демократических рабочих. Они убедились в справедливости ленинского высказывания о том, что в условиях Западной Европы вообще и Чехословакии в частности, где значительная часть рабочего класса была политически организована, немедленное создание партии, противопоставляющей себя массовой и влиятельной социал-демократии, могло бы привести к изоляции коммунистического авангарда, превращению его в узкую, оторванную от масс секту. Чехословацкие коммунисты избрали другой, единственно верный в тех условиях путь. Объединившись с левыми социал-демократами, они создали мощную революционную фракцию в недрах старой партии.

Осенью 1919 г. процесс дифференциации рабочего движения в Чехословакии вступил в новую фазу. 5 октября 1919 г. на заседании Исполкома социал-демократической партии левые выступили с заявлением, в котором констатировали, что результаты коалиционной политики «... даже отдаленно не отвечают надеждам, которые возлагали на нее не только массы рабочих, но и товарищи, которые были главными инициаторами этой политики»⁷. Левые указывали далее, что «участие социал-демократов в правительстве имело весьма скромное влияние на достижение минимальных требований рабочего класса», но зато «оглядка на единство действий с буржуа ослабляет внутренние позиции рабочих представителей, усиливает буржуазию в ее сопротивлении и ведет к

⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 40, стр. 203.

⁵ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 44, стр. 26.

⁶ «Průkopník svobody», Moskva, 23 II 1919.

⁷ «Založení Komunistické strany Československa», Praha, 1954, s. 34.

компромиссным результатам, при помощи которых буржуазия хочет сохранить свое господство»⁸.

Поставленное на голосование предложение левых внести на рассмотрение правительства предложение о национализации, а в случае отказа буржуазных партий принять его выйти из правительственной коалиции — было отвергнуто 64 голосами против 36. Правое руководство не собиралось изменять своей политики.

Тогда левые сделали первый серьезный шаг вперед на пути идейного и организационного размежевания с оппортунистами. 7 декабря 1919 г. в Праге была созвана конференция сторонников левого революционного крыла. «Марксистской левой» стали отныне называть революционную фракцию внутри социал-демократической партии.

«Марксистская левая, — говорилось в „Программном заявлении“, принятом на конференции, — создается как переходная организация в Чехословацкой социал-демократической рабочей партии..., первоначально созданной на принципах учения Маркса, с той целью, чтобы в теории и практике партии вновь осуществлять эти принципы»⁹. Конференция решительно высказалась за признание выдвинутого Марксом и подтвержденного всем ходом истории принципа диктатуры пролетариата, отвергла коалиционную политику и попытки вернуть партию в лоно потерпевшего крах II Интернационала.

«Программное заявление» левых явилось крупным вкладом в идеологический фундамент создающейся революционной партии. В нем отразились новые мысли, новые идеи, являющиеся следствием более глубокого знакомства с опытом большевистской партии, с ленинскими работами, широкое распространение которых в Чехословакии началось именно в эти первые послевоенные годы. Внимание чехословацких революционеров прежде всего привлекала ленинская постановка вопроса о классовой сущности диктатуры пролетариата и буржуазной демократии, их государственной формы (система советов, буржуазный парламентаризм), провозглашенные Лениным задачи и принципы деятельности нового Коммунистического Интернационала, ленинская аргументация необходимости идейного и организационного размежевания с реформистами и оппортунистами.

Марксистская левая стала действительным выразителем настроений большинства организованного рабочего класса республики. В ее деятельности нашли отражение как сильные, так и слабые стороны чехословацкого рабочего движения тех лет. Полные революционного энтузиазма, горячей веры в силу рабочего движения и неминуемую победу социализма, левые стремились к коренному изменению политического курса партии. Однако не только стихийно левеющим и одновременно инстинктивно опасаящимся раскола массам социал-демократических рабочих, но и руководителям Марксистской левой нужно было время и собственный политический опыт, чтобы понять, что достижение успеха в их борьбе невозможно без полного, в том числе и организационного, разрыва с правыми и создание революционной партии нового типа. Именно поэтому они были далеко не всегда последовательны в борьбе против оппортунистического крыла партии, против центристов и верили в возможность «путем товарищеской критики» убедить правых лидеров в ошибочности их политики. Наряду с этим в Марксистской левой сохранялось еще левацкое пренебрежение к кропотливой и трудной повседневной работе по сплочению революционных сил, что также ограничивало возможности воз-

⁸ Ibid., s. 36.

⁹ Ibid., s. 39.

действия революционных чешских социал-демократов на массы. И все же весь ход общественного развития наглядно свидетельствовал, что будущее за Марксистской левой. В течение нескольких недель 15 из 26 краевых организаций партии высказались за присоединение к «Программному заявлению».

В первой половине 1920 г. вслед за наиболее сознательной и активной частью чешского пролетариата, объединившегося вокруг программы Марксистской левой, начинается все убыстряющийся процесс организационного выделения революционной оппозиции в других национальных социал-демократических и социалистических организациях Чешских земель, Словакии и Закарпатской Украины.

Правому руководству Немецкой социал-демократической рабочей партии Чехословакии, основанной в конце августа — начале сентября 1919 г., первоначально удалось увлечь за собой основную массу немецких социал-демократов Чешских земель, убедить их в необходимости совместных действий с национальной буржуазией, демагогически использовавшей лозунг самоопределения для удержания своих привилегий. Левые, радикальные элементы социал-демократии при этом руководствовались глубоким убеждением, что они выступают против присоединения к империалистической Чехословакии, входившей в контрреволюционный блок государств-победителей, за объединение с революционной Германией.

В дальнейшем, поскольку лидеры немецкой правой социал-демократии формально не несли ответственности за политику коалиционного правительства, подобно чешским, а даже находились в оппозиции к нему, их разоблачение осложнялось, тем более, что националистические предрассудки, пустившие глубокие корни, преодолевались медленно и с большим трудом. Лишь к концу 1919 г. одна из крупнейших местных организаций партии — Либерецкая, ставшая с этого времени основной опорой левых, начинает решительно выступать против блока с национальными буржуазными партиями за самостоятельную классовую политику, одновременно налаживая первые контакты с чешскими левыми социал-демократами. 31 января 1920 г. либерецкий «Форвертс» опубликовал «Программное заявление» Марксистской левой. Главное значение этого документа редакция газеты видела в том, что чешские левые открыто и ясно высказались за революционную диктатуру пролетариата. «Поэтому мы от всего сердца, — писала газета, — присоединяемся к заявлению чешских товарищей и желаем, чтобы оно имело полный успех не только у чешских, но и у немецких рабочих»¹⁰.

9 мая 1920 г. в Либерце собралась конференция немецких левых социал-демократов Чешских земель. Она приняла программное заявление «Принципы и ближайшие задачи социал-демократической партии». В этом документе подчеркивалось, что немецкие социал-демократы едины во взглядах на политическую обстановку с товарищами из чешской левой, категорически выступают против коалиционной политики, за вступление в III Интернационал, за установление диктатуры пролетариата. В заявлении отмечалось, что в многонациональном чехословацком государстве объединение пролетариев всех наций является неизбежной предпосылкой взятия ими политической власти.

В апреле конференция анархо-коммунистов в г. Ломе принимает решение о выходе из Чехословацкой социалистической партии. Анархокоммунисты, группирующиеся вокруг журнала «Червен», пропагандируют среди горняков Северной Чехии, где они пользовались наибольшим влиянием, идею создания временных коммунистических групп. В конце мая 1920 г.

¹⁰ K. K r e i b i c h. Těsný domov — širý svět. Liberec, 1968, s. 271.

возникшие в ряде мест небольшие коммунистические группы (по некоторым данным к лету их насчитывалось до 40) временно, до создания компартии, объединяются в «Союз коммунистических групп»; центральным органом этого Союза становится журнал «Червен». Летом 1920 г. коммунистические группы создаются и среди немецких рабочих Северной Чехии. В августе состоялась краевая конференция немецких коммунистических организаций и вскоре после этого вышел первый номер их печатного органа «Коммунистиче арбайтерцайтунг».

Формирование революционной оппозиции в Словакии и Закарпатской Украине имело свои особенности, вытекавшие из сложившихся в этих районах социально-политических условий и традиций.

Словацкая буржуазия из-за своей экономической и политической слабости даже при поддержке оппортунистического руководства социал-демократии не могла собственными силами затормозить бурную активизацию социальной борьбы городского и особенно многочисленного в этих районах республики сельского пролетариата. Центральное правительство, введя сюда войска, попыталось сразу же прервать революционный процесс установлением открытой военной диктатуры. Именно поэтому в среде словацких трудящихся упоение национальной победой было не только кратковременным, но и вообще не получило широкого распространения. Мало того, политика классового сотрудничества по сути дела никогда не пользовалась здесь массовой поддержкой ни в политических, ни в профессиональных организациях социал-демократии. Наоборот, значительно более тяжелое, чем в Чешских землях социально-экономическое положение трудящихся создавало здесь более широкую базу для радикальных настроений. Наконец, рабочий класс всех национальностей Словакии и Закарпатья за время недолгого существования Венгерской и Словацкой Советских республик приобрел такой практический опыт политических действий, которого рабочее движение Чешских земель не имело.

Вместе с тем на весь процесс формирования левой оппозиции налагали свой отпечаток общая организационная и теоретическая слабость, традиционная несамостоятельность словацкой социал-демократии, не преодоленное национальное недоверие. Сказывался также военно-политический террор властей после подавления Венгерской и Словацкой коммун.

Характерно, что в отличие от Чешских земель процесс становления революционного направления начался здесь с ликвидации прежде всего национальной разобщенности рабочего движения. Объединение словацких, украинских, мадьярских и немецких социал-демократических профсоюзных, а затем и партийных организаций интенсивно и главным образом снизу началось уже с августа 1919 г.

Состоявшаяся в марте 1920 г. в Жилине конференция представителей немецких и мадьярских профессиональных союзов Словакии высказалась за принципы III Интернационала и за объединение на этих принципах немецких, мадьярских и чехословацких социал-демократических профессиональных и политических организаций. Центром формирующейся левой оппозиции в Словакии стала с этого времени Кошицкая партийная организация, объединявшая словацких, мадьярских и украинских социал-демократов и находившийся под ее влиянием краевой совет профсоюзов.

В конце июня на конференции в Кошице 102 делегата, представлявших левые социал-демократические организации, приняли решение временно, до созыва общегосударственного съезда революционной социал-демократии, создать Интернациональную социалистическую партию Чехословакии для руководства рабочим движением в Словакии и Закарпатье. Конференция высказалась за присоединение к III Интернационалу,

за безотлагательное создание рабочих, крестьянских и солдатских советов. Это решение было поддержано всеми крупными местными социал-демократическими организациями, за исключением Братиславской.

Под натиском левой оппозиции, под влиянием растущего сочувствия ее принципам со стороны рядовых социал-демократов, настаивавших на созыве общегосударственного съезда для решения важнейших вопросов дальнейшей партийной политики, расширенный Исполком Чехословацкой социал-демократической рабочей партии вынес решение созвать очередной XIII съезд 25 сентября 1920 г. В местных организациях развернулась острая борьба между левой оппозицией и сторонниками правых по основным вопросам политической линии, за представительство на съезде.

Предстоящий съезд партии должен был решить ее будущую судьбу. Это понимали и лидеры правых и руководство Марксистской левой. Результатом выборов делегатов на XIII съезд партии свидетельствовал о возросшем влиянии Марксистской левой. Кандидаты левых получили преобладающее число голосов в партийных организациях Брненского, Кладненского, Оломоуцкого, Годонинского, Пардубицкого краев, а также в Словакии и Закарпатской Украине.

В такой обстановке правое руководство решило пойти на раскол, ибо видело в этом единственную возможность предотвратить переход основной массы членов партии на позиции революционного крыла.

8 сентября в летней резиденции президента республики Т. Масарика — замке Глубожи близ Пржибрама — состоялось тайное совещание лидеров чехословацкой и немецкой правой социал-демократии, на котором было принято решение о выходе социал-демократических министров из правительства и о создании «нейтрального», чиновничьего кабинета. Выход социал-демократов из правительства являлся предложением для того, чтобы отложить съезд, состав делегатов которого был явно неблагоприятен для правых. Это давало также возможность утверждать, что спор о коалиционной политике становится теперь беспредметным. Одновременно можно было отсрочить дискуссию и по другим опасным для правых вопросам: о дальнейшей тактике, о присоединении к III Интернационалу.

14 сентября на заседании расширенного Исполкома партии, в котором правые имели большинство, была принята резолюция, констатировавшая, что «сторонники коммунистического направления не могут далее оставаться членами социал-демократической партии и, в частности, не могут принимать участия в решении ее дальнейшей судьбы»¹¹. Съезд откладывался до конца декабря, мандаты всех избранных на съезде делегатов признавались недействительными. Это был путч руководящего меньшинства, самовольно изгнавшего из партии большинство ее членов. Левые приняли вызов. Вопреки правым раскольникам съезд был созван в ранее намеченный срок. На нем присутствовало более двух третей первоначально избранных делегатов и он мог с полным правом решать дела всей партии. Съезд ознаменовался решительной победой левой оппозиции над оппортунистическим руководством партии. Хотя на нем и не было проведено голосования о принятии 21 условия приема в Коммунистический Интернационал, делегаты в заключительной части принятой съездом Программы действий заявили о своем согласии с его принципами и предложили новому Исполкому, в состав которого вошли Б. Шмераль, Д. Гавлин, Й. Гибеш, А. Запотоцкий, Ф. Добровольный и другие руководители Марксистской левой, подготовить вступление партии в Коминтерн. Новому руководству было передано и все имущество партии. Правые и их сторонники не признали решения съезда. Отныне в стране фактически было

¹¹ «Akademie», č 12, Praha, 1920, s. 584.

две социал-демократические партии со своими руководящими центрами, различными программными и тактическими установками.

11 ноября 1920 г. Исполком Коминтерна, обсудив положение, сложившееся в чехословацком рабочем движении после XIII съезда партии, принял резолюцию, в которой указывалось, что окончательное решение по вопросу о принятии партии в Коммунистический Интернационал будет принято после переговоров с чехословацкой делегацией. Вместе с тем Исполком считал нужным сразу же высказать свое мнение по некоторым вопросам. Он, в частности, придерживался той точки зрения, что братская чехословацкая партия должна изменить свое название и именоваться коммунистической. Далее в резолюции Исполкома указывалось на необходимость создания единой партии из чехов, немцев, словаков, мадьяр и чтобы до объединения все национальные партийные организации действовали сообща. И, наконец, Исполком высказался за то, чтобы как можно быстрее был созван новый съезд для окончательного выяснения положения в чехословацком рабочем движении¹².

Развитие событий, однако, не позволило Марксистской левой до конца года ни развернуть в партии широкую дискуссию о 21 условии приема в Коминтерн, как это предусматривало решение XIII съезда, ни созвать новый съезд для конституирования Коммунистической партии.

Расколом в социал-демократическом рабочем движении Чехословакии, а также изменением международной обстановки к концу 1920 г., характеризовавшимся некоторым ослаблением революционного движения в Европе, началом, как указывал В. И. Ленин, периода известного равновесия классовых сил, борющихся в международном масштабе, воспользовались чехословацкие господствующие классы и правые оппортунисты для перехода в наступление. Призвав на помощь буржуазную юстицию, правые раскольники попытались отобрать у левых приобретенный на средства рядовых членов партии Народный дом в Праге.

Это была сознательная провокация, согласованная с буржуазным правительством и президентом Масариком. Его интервью корреспонденту одной из венгерских газет, опубликованное 2—3 декабря чехословацкой буржуазной печатью, было фактически сигналом к открытому переходу сил реакции в наступление. «Европе уже надоела политика равнодушия (по отношению к Советской России и революционному движению. — А. К.), и она полагает, — заявил Масарик в этом интервью, — вступить на путь твердости»¹³. В ответ на захват полицией Народного дома Исполком левых призвал рабочих начать всеобщую стачку протеста. «Рабочие! — гласило воззвание Исполкома от 10 декабря 1920 г. — кровь пролита, насилие совершено и наша честь велит нам протестовать!»¹⁴

Ввиду того, что левое руководство не сумело определить и указать на наиболее целесообразные формы и методы борьбы, дать ей четкие и действенные лозунги, сигнал к забастовке, в которую включилось более 800 000 чешских, словацких, немецких, мадьярских и украинских рабочих республик, был воспринят как призыв не только к остановке работы, но и к немедленному введению в одних местах рабочего контроля над производством, в других — к изгнанию владельцев и управляющих и экспроприации заводов, шахт, имений, домов буржуазии. Реакционные силы, долго готовившиеся к решительной схватке и сами спровоцировавшие ее в удобный для себя момент, не ожидали такого мощного взрыва

¹² «Коммунистический Интернационал» № 15, М., 1920, стр. 3361—3362.

¹³ «Коммунистический Интернационал», 1921, № 17, стр. 4196.

¹⁴ «Sborník dokumentů k prosincové stavce 1920». Praha, 1954, s. 25.

революционной энергии масс. Оправившись от первого испуга, правительство отдало приказ войскам и жандармерии «действовать энергично и решительно», не останавливаясь перед применением оружия. Буржуазная демократия, та самая, о которой Масарик любил говорить, что суть ее — «это дискуссия», сбросила маску и показала свое истинное лицо. В Праге, Мосте, Ославанах, в селах и городах Словакии была пролита кровь десятков рабочих — мужчин и женщин, 13 из них поплатились жизнями, а более трех тысяч были брошены в тюрьмы. Стачка была подавлена. Революционный авангард, понесший серьезный урон, вступил в ответственную полосу собирания сил, критического анализа уроков движения, неизбежно вытекавших из опыта двухлетних классовых битв. Начался период поисков новых, более высоких организационных и политических форм борьбы трудящихся за социальное освобождение. Необходимость создания марксистско-ленинской партии нового типа, способной подготовить и возглавить социалистический переворот, была подтверждена всем ходом общественного развития республики.

В начале января 1921 г. в Праге была созвана общегосударственная конференция расширенного Исполкома Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (левой), в числе 96 делегатов которой были представители как немецких левых социал-демократов, так и левых из Словакии и Закарпатской Украины, Конференция приняла решение о проведении широкой внутрипартийной дискуссии по вопросу об условиях приема в Коминтерн, которая должна была быть завершена общенациональным плебисцитом. Из его результатов и должен исходить будущий съезд, решая вопрос о создании коммунистической партии и вступлении ее в Коминтерн. Одновременно конференция предложила Исполкому установить контакт с левыми социал-демократами всех национальностей республики с тем, чтобы в дальнейшем объединить всех чехословацких революционеров в рамках единой партии.

В январе 1921 г. на съезде в городе Любохне левые социал-демократы Словакии и Закарпатской Украины заявили о согласии с принципами Коммунистического Интернационала и приняли все условия вступления в него (обсуждение вопроса об изменении названия партии было отложено до общегосударственного съезда). Съезд принял решение о создании временного Комитета действия из представителей пролетариата всех наций для проведения необходимых организационных мероприятий и связи с руководством партии в Праге, а также единых, интернациональных организаций на всей территории Словакии и Закарпатья.

В марте в Либерце на съезде немецких левых социал-демократов, исключенных правым руководством из социал-демократической партии за их решительную поддержку декабрьского выступления чешских и словацких трудящихся, была создана временная немецкая секция Коммунистической партии Чехословакии и принято решение о вступлении в III Интернационал. Совершая этот важный шаг, немецкие коммунисты Чехословакии сознавали, что в конце концов успех революционной борьбы в республике будет зависеть от такого же шага левых чешских и словацких социал-демократов и высказали свое согласие с мнением Исполкома Коминтерна, который в послании съезду немецких левых заявил, что не скрывает того, что с большей радостью приветствовал бы инициативу создания единой Коммунистической партии в Чехословакии, если бы она исходила из рядов чешских и словацких рабочих, ибо с международной точки зрения «... в массах чешских и словацких рабочих лежит не только центр тяжести революции в Чехословакии, но и центр тяжести революции во всей юго-восточной Европе, а с точки зрения внутренней

было бы для дальнейшей борьбы полезней, чтобы инициатива исходила из рядов рабочего класса господствующей нации»¹⁵.

14 мая 1921 г. в Праге был созван Учредительный съезд Коммунистической партии Чехословакии, 569 делегатов которого представляли 350 000 чехов, словаков, мадьяр и украинцев. После длительной и острой дискуссии съезд единодушно принял решение о переименовании партии в коммунистическую и о вступлении в Коммунистический Интернационал. Однако вопрос об объединении с немецкими коммунистами и создании единой централизованной интернациональной партии на съезде не был окончательно решен. Опасаясь, что немедленное объединение окажется формальным из-за неизжитого национального недоверия, различных традиций и условий борьбы, психологической неготовности к нему и чешского и тем более немецкого рабочего движения, съезд высказался за сохранение на известное время организационной самостоятельности партий.

Учредительный съезд стал важнейшей вехой в истории чехословацкого рабочего движения. Им было положено начало массовой политической партии, базирующейся на марксистско-ленинских теоретических и организационных принципах и ставящей своей целью ликвидацию капитализма и построение нового социалистического общества.

Состоявшийся летом 1921 г. III конгресс Коминтерна принял КПЧ в свои ряды с условием, что в ближайшее время, в течение трех месяцев, будет создана централизованная, интернациональная Коммунистическая партия Чехословакии.

Решение III конгресса Коминтерна, личные беседы В. И. Ленина с руководителями чехословацкого и немецкого коммунистического движения ускорили процесс консолидации революционных сил в республике.

17 июля Исполком Коминтерна принял «Воззвание к пролетариату всех наций Чехословакии», в котором сердечно приветствовал чешских, словацких, немецких, мадьярских, польских, украинских рабочих и крестьян Чехословакии, нашедших дорогу к Коммунистическому Интернационалу. Исполком выражал твердую уверенность, что, несмотря на трудности, которые предстояло преодолеть чехословацкому пролетариату на пути к победоносной социалистической революции, победа в решающем бою останется за ним. «Завоевав политическую власть,— указывалось в воззвании,— и установив пролетарскую диктатуру, вы создадите для свободы и национального существования чехословацкого народа гарантии более прочные, чем Версальский мир и шаткие, на насилии основанные взаимоотношения капиталистических государств». Однако ближайшей и важнейшей задачей, подчеркивал Исполком, является уничтожение последних национальных перегородок, разделяющих коммунистов страны, объединение их в единый, прочный блок. Чешские и словацкие трудящиеся должны оказать самое упорное сопротивление буржуазии в ее тенденции к национальному угнетению. В свою очередь немецкие, польские и мадьярские рабочие должны воспрепятствовать тому, чтобы их буржуазия использовала обстановку в республике для националистической агитации, решительно выступить против всех тенденций к отделению от чехословацкого государства и на всех этапах пролетарской революции бороться бок о бок с чешским и словацким пролетариатом. «Спаянный в духе международного революционного коммунизма,— говорилось в заключении Воззвания,— союз революционного пролетариата всех наций

¹⁵ «Založeni...», s. 96.

Чехословакии станет, в лице единой коммунистической партии, непоколебимой организацией пролетарской революции»¹⁶.

30 октября 1921 г. в Смихове, тогдашнем пригороде Праги, собрался Объединительный съезд КПЧ, где полностью объединились все национальные коммунистические организации республики.

Объединение всех революционных сил Чехословацкой республики в составе единой, интернациональной Коммунистической партии, являющейся одной из самых массовых партий Коммунистического Интернационала, открыло новый период в истории чехословацкого рабочего движения.

Полувековая история КПЧ — это годы и годы самоотверженной борьбы против капиталистической эксплуатации, против фашизма и войны, за коренные интересы трудящихся, за национальную независимость, за победу социализма. В ходе этой борьбы партия закалилась идейно и организационно, приобрела огромный политический опыт, превратилась в авторитетный авангард рабочего класса, сумевший повести за собой значительную часть непролетарских слоев города и деревни.

Молодая, массовая коммунистическая партия, естественно, не сразу смогла избавиться от последствий долголетнего идеологического воспитания в недрах старой социал-демократии, окончательно сорвать пути ее мертвящих традиций. Это было тем более не легко, что во второй половине 20-х годов оппортунистические взгляды находили питательную среду и в самой обстановке временной и частичной стабилизации капитализма.

Важнейшей исторической вехой на пути превращения в боевую, революционную организацию нового типа стал V съезд партии (февраль 1929 г.). На этом съезде последовательные марксисты-ленинцы решительно разошлись с теми, кто не желал или в силу различных причин не смог до конца порвать с грузом социал-демократического прошлого. Партия, воплотившая в своей деятельности единство революционной теории и практики, совершившая коренной поворот от оппортунистической пассивности к большевистской активности, вступила в период своей политической зрелости. Именно в последующее двадцатилетие, завершившееся установлением народной власти, коммунисты сумели доказать, что они являются не только последовательно интернациональной, но и могучей патристической силой, что их партия достойна доверия и поддержки народа.

В дни величайшей национальной трагедии, когда чехословацкая буржуазия капитулировала перед германским фашизмом, КПЧ встала во главе героической борьбы народов республики за свободу и независимость. Коммунисты были организаторами и руководителями антифашистского движения Сопротивления внутри страны, по их инициативе был создан Чехословацкий армейский корпус, сражавшийся против гитлеровцев плечом к плечу с Советской Армией. Коммунисты явились ведущей политической силой героического Словацкого национального восстания и восстания чешского народа, ставших кульминационным пунктом антифашистского Сопротивления и началом национально-демократической революции в Чехословакии.

Весной 1945 г. одновременно с разгромом фашистской Германии, этой ударной силы международной реакции, была возрождена национальная государственность чешского и словацкого народов. Это был закономерный результат освобождения Чехословакии Советской Армией, активно поддержанной боевыми действиями чехословацких антифашистов. История подтвердила правоту коммунистов, от имени которых более чем за шесть

¹⁶ «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума ИК Коммунистического Интернационала (от 13 июля 1921 г. до 1 февраля 1922 г.)». Петроград, 1922, стр. 43—47.

лет до этого К. Готвальд заявил, что история чешского и словацкого народов не закончилась в трагические мартовские дни 1938 года.

Вновь возникшая в центре Европы Чехословацкая республика была одним из государств того типа, возможность возникновения которых предвидел В. И. Ленин еще в 1917 г., когда в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» указывал, что борьба за глубокие демократические преобразования может привести к созданию революционно-демократического государства, в котором основы господства крупного капитала будут в корне подорваны и созданы предпосылки для победы социализма. «Это еще не социализм,— писал тогда Ленин,— но это уже не капитализм. Это — громадный шаг к социализму»¹⁷.

Создание такого государства весной 1945 г. было обусловлено тем, что в Чехословакии еще в ходе ее освобождения начался глубокий революционный процесс преобразования старых социально-экономических и политических отношений. Господствующие классы буржуазной республики, их политические партии, как и партии социал-реформистские, за двадцать лет продемонстрировали полную неспособность решить насущные социально-экономические проблемы, сохранить добытую в многолетней борьбе национальную независимость. В годы второй мировой войны они глубоко дискредитировали себя сотрудничеством с оккупантами. В то же время рабочий класс и его революционная партия завоевали авторитет единственно последовательных борцов за национальное и социальное освобождение, стали руководящей силой широкого объединения всех действительных демократов и антифашистов. Для коммунистов схватка с фашизмом была борьбой, в которой цели национального освобождения и восстановления самостоятельной государственности органически сливались с борьбой классовой, с борьбой за социалистические идеалы. 25 тысяч коммунистов, почти треть партии, погибли в этой борьбе. Возросший авторитет и влияние партии, вступление в страну Советской Армии-освободительницы, являвшейся классовым союзником чехословацких трудящихся, обеспечили и ускорили победу национально-демократической революции.

Принятие всеми партиями и организациями Национального фронта чехов и словаков Кошицкой правительственной программы, программы широких демократических преобразований, открывавших путь к социализму, фактически явилось признанием руководящей роли коммунистов в национально-демократической революции, в новом государстве. Деморализованная национальная буржуазия не смогла воспрепятствовать национализации крупных предприятий, банков и страховых обществ. Одновременно с этим более трех миллионов гектар земли и лесов перешло в руки чехословацких крестьян. Но реакция не сложила оружия, ее сопротивление возрастало по мере углубления революции. Весь трехлетний период вплоть до февраля 1948 г. шла острая и бескомпромиссная борьба рабочего класса с буржуазией «за душу нации», как говорил К. Готвальд, борьба идеологическая, политическая, административная, экономическая. Борьба за власть, за социалистическую альтернативу дальнейшего развития республики. Творчески разрабатывая и применяя марксистско-ленинскую теорию в конкретных условиях своей страны, КПЧ выдвинула лозунг «За большинство нации!», воплотивший в себе курс на мирное развитие и углубление революции.

Однако компартия не оказалась застигнутой врасплох, когда лидеры буржуазных и реформистских партий, очутившись перед перспективой полной политической изоляции, попытались осуществить контрреволю-

¹⁷ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 34, стр. 194.

ционный путь и создать правительство без коммунистов. В февральские дни 1948 г. партия сумела сплотить вокруг себя подавляющее большинство народа и, верная заветам Ленина, умело используя новое, благоприятное соотношение классовых сил, традиционные парламентские институты и методы, отстранила от власти выступивших против народа заговорщиков. Февральские события завершили процесс перерастания национально-демократической революции в социалистическую. Рабочий класс при поддержке трудящегося крестьянства и прогрессивной интеллигенции нанес решительное поражение буржуазии, взял власть и расчистил путь для развернутого социалистического строительства.

Кратчайший исторический срок потребовался трудящимся Чехословакии для ликвидации частнособственных производственных отношений, эксплуатации человека человеком, утверждения новых, социалистических форм жизни в городе и деревне, значительного подъема материального благосостояния народа, науки, просвещения, культуры. Опыт строительства нового общества, приобретенный народами Чехословакии, подтвердил, что общие принципы социализма в полном объеме действительны и для страны, вступившей на путь социалистического строительства в стадии промышленно развитой экономики.

Одним из важнейших результатов социалистического строительства явилось коренное изменение социальной структуры чехословацкого общества. Вслед за ликвидацией крупных капиталистов и землевладельцев, вытеснением средних и мелких предпринимателей из сферы производства и обмена, кооперированием мелких кустарей и торговцев, в результате осуществления политики ограничения и вытеснения кулачества был постепенно ликвидирован и этот последний эксплуататорский класс.

Численно выросший рабочий класс занял ведущее положение в хозяйственной и политической жизни страны. Появился новый класс — кооперированное крестьянство, политически активный, материально обеспеченный, высококультурный. Возросла роль трудовой рабоче-крестьянской интеллигенции в организации общественного производства, в управлении, в сфере обслуживания, во всех областях науки, просвещения и культуры.

Темпы развития чехословацкой экономики за последние четверть века превышали как среднемировые показатели, так и показатели развитых капиталистических государств¹⁸. В течение 1948—1969 гг. валовой объем общественного продукта увеличился более чем в 4 раза. Национальный доход в расчете на одного жителя страны возрос за этот же период втрое. Значительные успехи были достигнуты в развитии чехословацкой промышленности. Общий объем промышленного производства по сравнению с довоенным уровнем (1937 г.) возрос более чем в 6 раз, при росте производительности труда почти в 4 раза. Это поставило Чехословакию в ряды наиболее развитых в промышленном отношении стран мира. Линия КПЧ на изменение старой, не соответствовавшей новым условиям и задачам структуры промышленного производства, на развитие тяжелой промышленности обеспечила расцвет всей экономики страны.

За эти годы была решена сложнейшая задача общественно-экономической перестройки сельского хозяйства, превращения его в крупное социалистическое производство. По сравнению с уровнем 1948 г., в 1969 г. общий объем сельскохозяйственного производства возрос наполовину, а по сравнению с довоенным — на 20,6%.

Интенсивность сельскохозяйственного производства (сельскохозяйственная продукция на 1 гектар земельных угодий) выросла в три раза

¹⁸ Приведенные ниже статистические сведения о развитии чехословацкой экономики даны по «Rudé právo», 13 IV 1970.

по сравнению с уровнем 1936 г. С начала 60-х годов Чехословакия относится к тем государствам Европы, в которых рост сельскохозяйственного производства идет самыми быстрыми темпами.

Выдающимся успехом социалистического строительства является быстрый экономический и культурный прогресс некогда отсталой аграрной Словакии. С 1948 г. промышленное производство в Словакии выросло более чем в десять раз. Если в 1937 г. промышленное производство на душу населения в Чешских землях было в 4 раза больше, чем в Словакии, то в 1968 г. разница составляла лишь 50%.

Успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства создали условия для быстрого подъема жизненного уровня трудящихся. С 1948 г. личное потребление возросло почти в три раза, а расходы государства на социальное обеспечение — в пять раз. Важнейшим условием успешного развития хозяйства Чехословакии явилось установление широкого экономического и научно-технического сотрудничества с другими социалистическими государствами. Оно позволило Чехословакии ликвидировать зависимость от капиталистического рынка, расширить рынок сбыта, сосредоточить силы на производстве тех видов продукции, для которых существуют наиболее благоприятные условия, получая остальные изделия и сырье из других государств социалистического содружества.

В эти годы укрепилось и внешнеполитическое положение страны, ее международный авторитет. Чехословакия выступила инициатором ряда акций, направленных на укрепление мира и безопасности народов, оказывала всемерную помощь освободительному движению и экономическому развитию стран, вырвавшихся из колониального рабства.

Героическими трудовыми усилиями народа, целенаправленными действиями партии в Чехословакии было построено новое общество, обеспечившее всестороннее развитие человеческой личности, высокий материальный уровень жизни, безопасность государственных границ. Весь опыт последующего развития страны еще раз подтвердил ту непреложную истину, что, если коммунисты проводят правильную политику, то никакие объективные обстоятельства и причины сами по себе, автоматически, не могут подорвать прочности социалистического строя. Строительство нового общества требует неустанных поисков новых средств и методов хозяйственного, политического и идеологического руководства, строгого учета общих объективных закономерностей и коренных принципов общественного развития. В этих поисках не исключены промахи и ошибки. Задача состоит в том, чтобы вовремя их обнаружить и решительно устранить. «Ошибок, недостатков и трагических промахов, — констатировало письмо ЦК КПЧ ко всем коммунистам в феврале 1970 г., — не избежало и наше социалистическое развитие»¹⁹. На рубеже 50—60-х годов строительство социализма в стране замедлилось из-за серьезных просчетов в экономике, связанных с необходимостью обеспечить бесперебойный переход от экстенсивного к интенсивному развитию народного хозяйства в условиях развертывающейся научно-технической революции. Не были решительно устранены нарушения социалистической демократии и норм партийной жизни. Тормозилось последовательное разрешение национального вопроса, что осложняло взаимоотношения чешского и словацкого народов. Была резко ослаблена политико-массовая и идейно-воспитательная работа в партии и обществе.

Дискуссия перед XIII съездом партии в 1966 г. указала на многие из этих недостатков и ошибок, однако, руководство партии не сумело сде-

¹⁹ «Rudé právo», 3 II 1970.

дать из этого необходимые выводы. Склонность тогдашнего партийного руководства к самоуспокоенности, администрированию, субъективистскому перескакиванию через необходимые этапы развития, недостаточный учет и обобщение результатов практической деятельности и опыта, накопленного массами, забвение классового подхода к общественным явлениям — все это использовали праворевизионистские силы в партии и антисоциалистические силы вне ее, содействуя превращению возникших вопросов и проблем в открытые противоречия и конфликты.

Смысл нового курса, выработанного январским пленумом ЦК в 1968 г., состоял в том, чтобы устранить ошибки и недостатки прошлых лет, подрывавшие авторитет партии, ее связь с массами и ослаблявшие ее руководящую роль, создать условия для решения назревших политических, экономических и национальных проблем, полностью использовать все объективные преимущества социалистического общественного строя. Однако новое руководство партии оказалось неспособным использовать для укрепления и развития социализма могучий потенциальный заряд энергии народа, вызванный к жизни решениями январского пленума. Мало этого, оно дало возможность правым и антисоциалистическим силам использовать в своих целях стремление партии к устранению прошлых ошибок и недостатков. В руководстве партии не было единства ни в оценке положения, ни в программных вопросах, ни в области проведения конкретных практических мероприятий. Руководство не дало ответа ни на один из поставленных жизнью вопросов, ибо оказалось политически разнородным, ослабленным правыми ревизионистами. Опираясь на сформировавшееся еще до января фракционное ядро правооппортунистической оппозиции, эти, как они величали себя, «мужи января» с мелкобуржуазных, социал-демократических, а то и анархистских позиций критиковали и отвергали весь прошлый теоретический и практический опыт международного коммунистического движения и КПЧ, пропагандировали некую «новую модель» социализма, «социализма с человеческим лицом», а по сути дела старую реформистскую и националистическую идею «демократического социализма» из арсенала правой социал-демократии. Национализм и антисоветизм стали главным идейным оружием правых оппортунистов внутри партии. Именно на этой основе они постепенно сближались с контрреволюционными элементами вне ее. Постепенно сформировался политический блок праворевизионистских и антисоциалистических сил. Его составные части, хотя и расходились в идеологических и тактических вопросах, однако, выступали единым фронтом в борьбе против партии и союза с СССР. Социальной средой, питавшей как праворевизионистские, так и антисоциалистические настроения и течения, была относительно многочисленная в чехословацких условиях бывшая мелкобуржуазная прослойка, не расставшаяся ни со старыми представлениями, ни с мечтой о возвращении к старому «доброму времени», а также потерпевшие поражение в феврале 1948 г. представители бывших привилегированных классов, члены когда-то влиятельных буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций, в 1968 г. получившие возможность вновь выйти на политическую арену. Их действительной целью являлась реставрация буржуазного общественного строя, классовая месть за февраль, прикрывавшаяся демагогическими лозунгами абстрактной свободы, демократии, гуманизма, патриотизма.

Многое в обстановке 1968 г. напоминало канун событий двадцатилетней давности — февральских событий 1948 г. Как и тогда, основные усилия реакции были направлены на раскол рабочего движения, на ослабление руководящей силы общества и государства, коммунистической партии, на подрыв дружеских связей с СССР и социалистическими странами,

переориентацию внешней политики республики. Недаром на тайных собраниях прямо говорилось о грядущем «антифеврале».

Мутный поток дезинформации обрушился на партию и население страны, вызывая рост националистических, антикоммунистических, антисоветских настроений и эмоций, создавая в стране обстановку неустойчивости, растерянности, истерии.

Объективный анализ, проведенный пленумом ЦК КПЧ в декабре 1970 г., свидетельствует, что к августу 1968 г. блоку праворевизионистских и антисоциалистических сил удалось подорвать идейное и организационное единство партии, расшатать политическую структуру социалистического общества, экономику страны. Идеологическая борьба переросла в борьбу за власть. Республика оказалась на грани гражданской войны. В то же время внутренние силы, преданные социализму, парализованные действиями представителей правых в руководстве партии и государства, не были в состоянии мобилизоваться и отразить фронтальный натиск контрреволюции ни путем политической борьбы, ни с помощью собственных средств власти. В этих условиях должен был вступить в действие высший принцип интернациональной солидарности, зафиксированный в братиславском коммюнике шести братских партий, принцип, гласящий, что защита социализма является общим делом всех социалистических государств. Необходимо было предотвратить неизбежную кровавую трагедию, гибель тысяч людей даже ценой того, что вступление союзнических войск государств Варшавского договора на территорию Чехословакии первоначально встретится с непониманием как внутри страны, так и за ее рубежами.

«Этот интернациональный акт, — констатирует документ, принятый декабрьским пленумом ЦК КПЧ, — спас жизни тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны»²⁰.

Здоровое интернационалистское ядро партии в трудной и сложной обстановке послеавгустовских дней постепенно разворачивало все более решительную политическую борьбу за завоевание на свою сторону всех честных членов партии и граждан республики, за разоблачение и изоляцию ревизионистских, националистических и антисоциалистических элементов.

Целенаправленные усилия марксистско-ленинских сил создали предпосылки для кардинальных перемен в партийном руководстве в апреле 1969 г. и решительного поворота в политике партии. На майском пленуме ЦК КПЧ в 1969 г. это руководство выступило перед партией и чехословацкой общественностью с четкой концепцией конкретных действий, исходящих из марксистско-ленинских принципов партийного и государственного строительства.

Новое руководство партии и государства в короткие сроки осуществило идейно-политический и организационный разгром праворевизионистских и антисоциалистических сил и их центров, приняло решительные меры для очищения и упрочения государственного аппарата. Было укреплено плановое руководство народным хозяйством, стабилизирован внутренний рынок, созданы все предпосылки для нового подъема экономики страны.

Важнейшим условием преодоления кризисных явлений в общественно-политической и экономической жизни страны и гарантией дальнейшего

²⁰ «Poučení z krizového vývoje ve straně a společnosti po XIII. sjezdu KSČ». Příloha «Rudého práva», 15 I 1971, s. 11—12.

успешного строительства социализма явилось восстановление идейного и организационного единства партии, ее боеспособности, очищение всех ее звеньев от носителей ревизионистских взглядов. Вместе с тем партия избавилась и от многих своих пассивных членов, являвшихся потенциальным резервом правооппортунистических сил.

Одновременно с процессом консолидации внутренней жизни партии и государства было упрочено международно-политическое положение республики. Коммунистическая партия Чехословакии вновь стала прочным звеном международного коммунистического движения.

«Вся пятидесятилетняя история Коммунистической партии Чехословакии, опыт международного коммунистического движения, уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ подтверждают,— записал в своей резолюции декабрьский пленум ЦК КПЧ,— что партия может выполнить свою историческую роль, вести революционный пролетариат, свергнуть при поддержке трудящихся эксплуататорские классы, являться ведущей политической силой строительства социализма, предвидеть развитие общества, вырабатывать верную политическую линию и последовательно ее осуществлять лишь при условии марксистско-ленинского политического, идейного и организационного единства. В этом единстве источник ее силы, выражение ее ответственности перед рабочим классом и всеми трудящимися и предпосылка ее прочной связи с народом»²¹.

²¹ «Rudé právo», 14 XII 1970.

ДУШАН ЖИВКОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ НОВОГО ЮГОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Четырехлетняя освободительная борьба народов Югославии, которую организовала, возглавила и довела до победного завершения Коммунистическая партия Югославии, как по условиям, в которых она происходила, так и по ее окончательным результатам представляет собой сложное историческое явление, отдельные стороны которого до настоящего времени исследованы еще не в одинаковой мере.

Настоящая статья представляет собой изложение взглядов автора на один из важнейших вопросов югославской революции — вопрос о характере и этапах развития народной власти и создания нового государства в ходе освободительной войны народов Югославии против фашистских захватчиков (1941 — 1945 гг.)¹.

6 апреля 1941 г. фашистские агрессоры, возглавляемые гитлеровской Германией, напали на Югославию. В двенадцатидневной «апрельской войне» югославская армия потерпела поражение, страна была оккупирована и разделена между захватчиками. Одной из причин этого разгрома была неспособность (а в ряде случаев и нежелание) многочисленных буржуазно-национальных и мелкобуржуазных партий и групп организовать сопротивление врагу. Лишь партия рабочего класса — КПЮ, — отражавшая коренные интересы народа, с первых дней войны заняла последовательную патриотическую позицию. Несмотря на то, что до войны КПЮ неизменно выступала против всех буржуазных правительств королевской Югославии и вела борьбу против реакционного режима, олицетворением которого были эти правительства, с начала войны она выразила свою готовность содействовать правительству в деле защиты родины от фашистских агрессоров, сознавая, что фашизм является злейшим врагом демократии вообще и рабочего движения в особенности. На заседании Центрального комитета КПЮ, состоявшемся в Загребе 10 апреля 1941 г., было принято решение об активном участии партии в защите родины, партия призвала своих членов оказать энергичное сопротивление фашистским захватчикам².

¹ В связи с ограниченным объемом статьи автор считает возможным не касаться военных аспектов Народно-освободительной войны в Югославии, достаточно хорошо известных советскому читателю по общим и специальным трудам. См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945.», т. 1—6. М., 1960—1965; «История Югославии», т. 2. М., 1963; Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии (1941—1945). М., 1965; «Белградская операция». М., 1964 и др.

² «Коммунисты и весь рабочий класс Югославии, — говорилось в воззвании ЦК КПЮ от 15 апреля 1941 г., — будут вплоть до окончательной победы неуклонно стоять в первых рядах народной борьбы против захватчиков. Не падайте духом и тогда, когда в этой борьбе вы потерпите временные неудачи, ибо в огне этой кровавой империалистической бойни родится новый мир». («Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda», т. V, knj. 1. Beograd, s. 5—9)

Сразу же после капитуляции югославской армии и раздела королевской Югославии в стране начался процесс глубокой дифференциации общественно-политических сил. Многие политические группы и отдельные буржуазные политические деятели примирились с оккупацией, ожидая развязки событий в международном масштабе; другие ради сохранения своих личных и классовых привилегий сразу же и беспрекословно перешли на службу к оккупантам, большая же часть населения, особенно в областях, где начался неслыханный террор, проводились денационализация и физическое истребление целых наций, не желала примириться с подобным положением и была готова вести борьбу против установленного оккупантами режима террора и насилия.

В этой обстановке единственной общественной силой, способной поднять угнетенные народные массы Югославии на решительную борьбу, была КПЮ. В период подготовки к восстанию партия неутомимо разъясняла массам сложившуюся обстановку, вскрывала причины национальной катастрофы и убеждала их, что только с помощью вооруженной борьбы можно добиться победы над оккупантами и изменниками родины, а также над всеми реакционными силами, приведшими Югославию к гибели³. Подчеркивая, что именно реакционные правители привели страну к гибели, КПЮ разъясняла народным массам, что только ведя борьбу за национальное освобождение, они смогут добиться и освобождения от гнета капитала. Такой курс партии целиком отвечал объективным условиям, сложившимся после нападения Германии на СССР, и способствовал вызреванию революционной ситуации на большей части территории Югославии. Последнее сыграло решающую роль для принятия партией решения поднять народ на вооруженное восстание против оккупантов, которое одновременно стало началом революции в Югославии.

Учитывая развитие международных событий и революционные настроения значительной части угнетенного югославского народа, 4 июля 1941 г. КПЮ приняла решение о развертывании вооруженного восстания, считая, что наступил самый благоприятный момент для вовлечения в борьбу широких народных масс⁴. Организуя вооруженную борьбу против оккупантов, КПЮ также выполняла и свой интернациональный долг, отвечая на призыв Коминтерна помочь справедливой борьбе Советского Союза⁵.

Реакционной военно-политической силой, противостоящей КПЮ в стране (помимо оккупантов и их открытых пособников — квислинговцев) явился Дража Михайлович, вокруг которого как представителя эмигрантского правительства начали группироваться сторонники возрождения королевской Югославии, занявшие позицию пассивного выжидания и «собрания сил» с целью захвата власти в стране к моменту военного краха фашистского блока под ударами западных союзников и восстановления старого реакционного монархического режима, что неизбежно делало их противниками КПЮ и ее национально-освободительной программы. Такая политика сил, группировавшихся вокруг Михайловича, неиз-

³ В заключительном документе известного майского совещания ЦК КПЮ подчеркивалось, что борьбу надо вести не только против оккупантов, но и против сотрудничающей с ними «капиталистической клики» в стране и против буржуазного правительства в эмиграции, намеревающегося, вернувшись на английских штыках, восстановить «старое положение, оказавшееся гибельным для народов Югославии». (См. «Zbornik...», t. II, knj. 2, s. 12)

⁴ E. K a r d e l j. Put Nove Jugoslavije. Beograd, 1946, s. 28—29.

⁵ В телеграмме Коминтерна, направленной 1 июля 1941 г. ЦК КПЮ, в частности, говорилось: «Пробил час, когда коммунисты должны поднять народ на открытую борьбу против оккупантов. Создавайте, не теряя ни минуты, партизанские отряды и раздувайте пламя партизанской войны во вражеском тылу». (Arhiv radničkog pokreta. Beograd, fond Depesa СК—КІ, № 1.)

бежно способствовала их компрометации в глазах народа как пособников оккупантов, несмотря на то, что они пытались выставить себя перед массами в роли борцов «за свободу», «за короля и родину» и т. д. Успехи освободительной борьбы под руководством КПЮ все более и более принуждали их к сотрудничеству с оккупантами, а тем самым и к дальнейшей компрометации перед народом, разоблачали их контрреволюционную сущность.

Восстание быстро разрасталось почти во всех областях Югославии, его размах зависел от влияния партии в данном районе, от настроения масс, а также от степени зрелости революционной ситуации, неодинаковой в различных областях страны. С самого начала восстания руководство КПЮ исходило из того, что для успешного развития и завершения народно-освободительной борьбы и революции партия в процессе борьбы должна решить два основных вопроса — об армии и о власти. Ибо революция, в какой бы форме она ни осуществлялась, влечет за собой коренные общественно-политические перемены, приводит к изменению существующего строя и уничтожению средств угнетения масс, которыми пользовались эксплуататорские классы. К. Маркс на основе опыта Парижской Коммуны пришел к выводу, что пролетариат, совершив революцию, не может просто-напросто взять существующую государственную машину и поставить ее себе на службу, а он должен эту машину разрушить и вместо нее создать новую⁶.

Югославской революции присущи известные особенности в деле разрушения старой и создания новой государственной машины, однако ее основное содержание является подтверждением положений Маркса и Ленина о создании государства нового типа. Освободительная борьба югославских народов имела ряд общих черт с движениями Сопротивления в Европе в годы второй мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. в России и одновременно в ряде моментов отличалась от них. Ее своеобразие как раз и заключается в этом двойственном характере. Это была борьба за национальное освобождение и изгнание чужеземных оккупантов и в то же время борьба за коренное изменение общественно-политических отношений, существовавших в довоенной королевской Югославии. Так, в движениях Сопротивления в Европе (Франция, Бельгия, Голландия и др.) участвовали все антифашистски настроенные силы общества, и их основной задачей была борьба за изгнание оккупантов и освобождение своей страны. При этом, за исключением коммунистов, имевших свою особую программу, у всех остальных антифашистских сил в этих странах не было иной программы, кроме освобождения родины от оккупантов, т. е. их программы не предусматривали изменения общественно-политического строя. В Югославии, в отличие от этих стран, освободительную борьбу подготовила, организовала и возглавила КПЮ, к которой присоединились все прогрессивные силы. Они одобрили ее политическую платформу и признали ее руководящую роль. В отличие от Великой Октябрьской социалистической революции, осуществленной в классической форме путем уничтожения старого строя и установления революционной власти пролетариата, в Югославии социалистическая революция совершалась в условиях освободительной борьбы против оккупантов⁷.

Организуя восстание, руководство КПЮ не упускало из виду, что основной вопрос всякой революции — вопрос о власти. Но своими

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. 17, стр. 339.

⁷ D. Živković. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969, s. 522—524.

конкретными тактическими действиями в той крайне сложной политической обстановке она стремилась не оттолкнуть ни одного из своих потенциальных союзников. Поэтому в первых документах ЦК КПЮ (июль — август 1941 г.) нигде прямо не ставится вопрос о будущем государственном устройстве, вопрос о создании новой революционной власти. Несмотря на то, что КПЮ никогда не отступала от своей программы-максимум, — одновременно с борьбой против оккупантов вести борьбу за установление нового общественного строя, — в первые дни восстания, да и позднее она не выдвигала лозунга «борьбы за социалистическую власть» (хотя в некоторых областях страны это и имело место), так как этот лозунг означал бы сужение фронта народно-освободительной борьбы. Призыв КПЮ к борьбе против оккупантов за национальное освобождение был лозунгом, объединявшим вокруг руководства народно-освободительного движения все прогрессивные и патриотические силы страны и разоблачавшим все замаскированные и колеблющиеся элементы, которые были или могли стать потенциальными врагами народно-освободительной борьбы. Открыто не выдвигая лозунга борьбы за установление новой революционной или социалистической власти, руководство КПЮ, однако, нигде не подавляло инициативы создания новых органов власти, появлявшейся на местах с самого начала восстания.

Обобщая опыт, накопленный в областях, охваченных восстанием, учитывая политические сдвиги в массах и развитие военно-политических событий, руководство народно-освободительного движения после совещания в Стóлицах, состоявшегося 26 сентября 1941 г., разработало инструкцию, определявшую функции народно-освободительных комитетов, т. е. органов новой народной власти, причем тогда политически было целесообразнее толковать их не как зародыши будущего нового общественного строя, а как органы, необходимые для успешного развития освободительного движения. В этой инструкции народно-освободительные комитеты именовались «временными органами народной власти», хотя с самого начала восстания они были зародышами и основой новой революционной власти и нового нарождающегося государства⁸. Именно подлинная сущность народно-освободительных комитетов, возникших на территории Сербии уже в 1941 г., явилась одной из главных причин коренного расхождения между руководством КПЮ и Михайловичем, которое позднее вылилось в открытую борьбу, продолжавшуюся вплоть до окончательной победы над оккупантами и их пособниками, среди которых был и Михайлович.

Являясь представителем эмигрантского правительства и монархии, Михайлович старался обеспечить восстановление после войны монархии и существовавшего ранее общественного строя, а чтобы выполнить эту задачу, он организовал движение и создал вооруженные организации, которые по его замыслу, к моменту освобождения страны должны были взять в свои руки власть в Югославии. К восстанию, организованному КПЮ, и созданию новой народной власти Михайлович относился с величайшим недоверием, так как понимал, что народно-освободительное движение и новая народная власть представляют собой самую большую угрозу для дела реставрации монархии. Поэтому в своих директивах он часто подчеркивал, что для движения четников КПЮ и руководимая ею освободительная борьба являются более опасным врагом, чем оккупанты, в связи с чем он и приказывал вести борьбу только против партизан⁹.

⁸ D. Živković. Op. cit., s. 155—161.

⁹ D. Živković. Boka i Paštrovići u NOB-u. Beogr ad, 1964, s. 358—366.

Несмотря на то, что руководство освободительного движения в 1941 г. (сентябрь — октябрь) неоднократно пыталось наладить сотрудничество с четниками Михайловича, — был установлен непосредственный контакт между Тито и Михайловичем, были заключены известные соглашения и установлено некоторое взаимодействие, — до настоящего сотрудничества дело не дошло и не могло дойти, так как стороны придерживались противоположных взглядов как в отношении методов ведения борьбы против оккупантов, так и по вопросу о целях этой борьбы. Поэтому для освободительного движения Михайлович был после оккупантов наиболее серьезным врагом — олицетворением внутренней контрреволюции, в то время как освободительное движение было для Михайловича первым и главным врагом, ибо оно в ходе освободительной борьбы разрушало старую государственную машину, представителем которой он был в стране, и создавало новую. И в этом также проявилось своеобразие освободительной борьбы югославских народов, в числе противников которой неумолимой логикой событий оказались и буржуазное эмигрантское правительство и король, интересы которых в стране защищал ставший в конечном счете коллаборационистом Михайлович, в то время как сами они находились в Лондоне и пользовались всесторонней поддержкой западных союзников¹⁰.

Так в ходе вооруженной борьбы против оккупантов, начавшейся в 1941 г., появились первые зародыши новой социалистической государственности, характеризующиеся следующими основными признаками: партизанское войско, которое в 1942 г. превратилось в Народно-освободительную армию Югославии, и народно-освободительные комитеты, как основа демократической власти, которую народ воспринял как свою собственную и которая в течение 1942 и 1943 гг. полностью утвердилась и конституировалась.

Во время первой русской революции 1905 г. В. И. Ленин писал, что «революционная армия и революционное правительство, это — две стороны одной медали» и «два учреждения, одинаково необходимых для успеха восстания и закрепления плодов его»¹¹. Связи между частями народно-освободительной армии и органами народной власти в Югославии, особенно в первые два года войны, были очень тесными и проявлялись во всех сферах жизни и деятельности на освобожденной и даже на неосвобожденной территории, так что их функции поначалу не были четко разграничены. В отдельных районах командование рот, батальонов и отрядов назначало первые народно-освободительные комитеты, заботилось об органах порядка и безопасности, решало вопросы питания бойцов и неимущего населения, в других — народно-освободительные комитеты занимались всеми перечисленными вопросами, организовывали разведывательную службу, народную стражу, милицию и суды. Общность интересов и единство целей, а также одна политическая сила, руководившая и армией и комитетами, сделали эти два института главными рычагами югославской революции.

Важным фактором, способствовавшим успешному развитию революции, и одной из особенностей освободительной борьбы в Югославии было решение вопроса о равноправии народов, населявших страну. Проблема признания отдельных наций и предоставления им права на свободное развитие была одним из наиболее жгучих вопросов во внутриполитической жизни довоенной Югославии, а война и оккупация эту проблему обострили настолько, что возникла угроза братоубийственной войны

¹⁰ См. подробнее: V. S t r u g a r. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1967, s. 56—62, 130—131, 208—211.

¹¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 343.

между такими близкими и родственными нациями, какими являются югославянские. Оккупанты и местные коллаборационисты всеми возможными средствами разжигали шовинизм, а в так называемом Независимом Государстве Хорватии (территория Хорватии, Боснии и Герцеговины) хорватскими фашистами-усташами проводился настоящий геноцид в отношении сербов, евреев и цыган. Усташскую идеологию восприняла и активно поддерживала часть католического клира. В качестве ответной реакции на злодеяния усташей начались «акты возмездия» со стороны четников, зверски расправлявшихся без всякого разбора с хорватским и мусульманским населением. Все это совершалось под покровительством и с благословения оккупантов, пытавшихся, каждый для себя, извлечь политические и другие выгоды из создавшейся ситуации.

В обстановке крайне острых национальных противоречий КПЮ как пролетарская партия, воспитанная в духе интернационализма и выработавшая еще до войны правильную позицию по национальному вопросу в Югославии, действовала смело и энергично. Еще во время апрельской войны она осудила создание Независимого Государства Хорватии, а его руководство заклеймило как прислужников фашистских угнетателей. В период подготовки к восстанию и особенно на майском совещании 1941 г. в Загребе указывалось на намерения оккупантов развязать братоубийственную войну, чтобы облегчить задачу порабощения и эксплуатации всех югославских народов. Политике шовинизма и братоубийственной войны партия противопоставила политику братства и единства, которая была единственным залогом успешной борьбы против оккупантов, залогом освобождения и объединения всех народов на равноправной основе, полного уничтожения национального гнета. Наряду с борьбой против оккупантов, которую партия всегда выдвигала на первое место, КПЮ подчеркивала важность борьбы за социальное и национальное освобождение. В дни войны и революции для претворения в жизнь этих лозунгов, для восстановления доверия между братскими народами, которые в результате разгула шовинизма и кровавых преступлений фашиствующих групп грозили стать кровными врагами, было недостаточно одной только пропаганды. Во имя этой высокой цели отдали свои жизни многие видные коммунисты и патриоты из Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Словении и Македонии. Совместная борьба и совместно пролитая кровь так прочно спаяли народы Югославии, что против них оказались бессильными оккупанты и их прислужники. Поэтому вполне справедливо подчеркивается, что решение национального вопроса в ходе освободительной борьбы, наряду с победой народной власти, является одним из самых крупных завоеваний югославской революции.

Конституирование народной власти в Югославии в первые годы войны (1941 — 1942 гг.), как и вообще развитие освободительного движения и создание нового Югославского государства, были тесно связаны с военно-политическими событиями во всем мире и с развитием военно-политической обстановки в стране. Осенью 1941 г., особенно после совещания в Стóлицах, развернулась интенсивная политическая деятельность на всей освобожденной территории Югославии, прежде всего в Западной Сербии, Черногории, Боснийской Крайне, в Лике, Кордуне и Бании, в Словении и некоторых других областях. Народно-освободительные комитеты, которые первоначально кое-где рассматривались как вспомогательные органы освободительной борьбы, постепенно становятся самостоятельными, обретают свои настоящие контуры и все больше утверждают себя как подлинные органы власти. В некоторых повстанческих районах, где партийные организации были более многочисленными, эти комите-

ты уже с момента своего возникновения приобретали все характерные черты органов власти и принимали на себя все прерогативы, принадлежащие организованной власти на освобожденной территории. Формируются сельские, общинные и уездные комитеты; в середине ноября 1941 г. был создан Главный народно-освободительный комитет Сербии, ставший высшим органом власти освободительного движения на территории Сербии. Его основной задачей было оказание помощи низшим инстанциям и координация их деятельности в так называемой «Ужицкой республике».

Хотя партизанские силы и руководство освободительным движением в конце 1941 г. в связи с крупным наступлением немецко-фашистских войск и предательством Михайловича были вынуждены отступить с обширной освобожденной территории в Западной Сербии, освободительная борьба в целом не ослабевала. Главный очаг восстания переместился на другую территорию, в освобожденные районы Восточной Боснии, Черногории, Санджака и Герцеговины. Освобожденные территории в это время имелись также и в Западной Боснии, Хорватии и Южной Сербии. Развитие новой народной власти в этот период характеризовалось постепенным конституированием ее органов как на территории, находящейся под непосредственным влиянием Центрального комитета КПЮ, так и в других районах. В Хорватии 6 декабря 1941 г. были изданы специальные директивы о создании народно-освободительных комитетов, определявшие также их права и обязанности. Подобную же инструкцию издало партийное руководство в Черногории. Еще 16 сентября 1941 г. был образован Народно-освободительный комитет Словении, а в течение октября — ноября были даны указания о работе комитетов Освободительного фронта, которые в тот период наряду с чисто политическими функциями обладали и определенными компетенциями органов власти в связи с тем, что тогда в Словении не было больших освобожденных территорий, на которых процесс становления новой власти мог бы принять более законченные формы.

Такое развитие военно-политических событий в стране и решительное контрнаступление Красной Армии под Москвой в конце 1941 г., оказавшее сильное влияние на освободительное движение в Югославии, содействовали дальнейшему развитию освободительной борьбы и укреплению авторитета новой народной власти. Учитывая быстрое развитие событий на международной арене и ожидая, что 1942 г. будет переломным в войне союзников против держав «оси», а может быть, даже станет и годом окончательной победы над фашизмом, а также учитывая, что силы контрреволюции в стране, возглавляемые четниками Михайловича, используют все возможности и средства, включая прямое сотрудничество с оккупантами в целях уничтожения освободительного движения и обеспечения реставрации старого режима, руководство КПЮ, и далее не отступая от платформы борьбы против оккупантов за национальное освобождение, приняло все необходимые меры для закрепления достигнутых успехов и создания условий для претворения в жизнь своей программы-максимум — установления нового общественного строя, к чему стремились угнетенные трудящиеся массы и во имя чего они были готовы следовать за политикой КПЮ. При таком соотношении политических сил одним из самых важных вопросов, требовавших своего решения, был вопрос о конституировании и укреплении народной власти¹².

Сразу по прибытии в Фочу Центральный комитет КПЮ приступил к работе в этом направлении, и уже 2 февраля 1942 г. появились два важных документа: «Задачи и организация народно-освободительных

¹² D. Ž i v k o v i ć. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji, s 213—231.

комитетов» и «Пояснения и инструкции о деятельности народно-освободительных комитетов в освобожденных районах». В этих документах, получивших в литературе название «Фочинских предписаний», обобщался уже накопленный опыт и были использованы имевшиеся к тому времени опубликованные материалы (статья Э. Карделя «Народно-освободительные комитеты должны стать временными истинными носителями народной власти», Циркуляр № 4 Центрального комитета КП Хорватии, ряд документов из Черногории и т. д.). Фочинские документы отражали фактическое положение дел, отвечали требованиям данного момента и были выражением осознанной политической необходимости. Во введении к первому документу со всей определенностью подчеркивалось, что народно-освободительные комитеты это — «органы, служащие народно-освободительной борьбе», что они не должны быть «органами отдельных политических партий и организаций», что в комитеты должны избираться демократическим путем честные и уважаемые патриоты, независимо от их «политических убеждений, вероисповедания и национальности», но в то же время преданные делу освободительной борьбы и «непоколебимые в борьбе против фашистских оккупантов и их местных прислужников»¹³. Из этого видно, что руководство освободительного движения осталось верным принципам политической платформы Народно-освободительной борьбы и принципам своей программы. При этом все патриотические силы, стоявшие за борьбу против оккупантов, за национальное освобождение, неизбежно выступали и против внутренних реакционных и контрреволюционных сил, впрягшихся так или иначе в колесницу оккупантов, а это в конечном счете означало, что они были за программу партии.

Основные задачи народно-освободительных комитетов были сформулированы в 10 пунктах Фочинских документов, где, наряду с конкретными задачами деятельности комитетов, говорилось также об их сути. Помимо задач по проведению политической работы, заботы о снабжении армии и населения, обеспечения порядка и безопасности, организации труда в тылу (оживление хозяйственной жизни, регулирование транспорта и т. д.), в задачу народно-освободительных комитетов входили также функции, свойственные административным и исполнительным органам, ибо они занимались также судебной, налоговой и другой финансовой деятельностью. Компетенции народно-освободительных комитетов были столь обширными в связи с тем, что на освобожденной территории были ликвидированы старые органы власти (общинные управы, полиция, жандармерия, суды, налоговые управления, финансовые учреждения и т. д.)¹⁴. В этих документах было проведено разграничение функций между народно-освободительными комитетами и воинскими частями и штабами. Это было необходимо потому, что до сих пор, несмотря на указания высших партийных органов, в некоторых областях военные органы (штабы частей и соединений) присваивали себе роль главных арбитров по всем вопросам жизни на освобожденной территории, а народно-освободительные комитеты ошибочно рассматривались как органы армии, а не как органы народной власти¹⁵.

«Фочинские предписания», являясь законодательными актами, зафиксировавшими предшествующий опыт и практику, обобщившими этот опыт, имели огромное значение, поскольку были первой серьезной попыткой высшего руководства освободительного движения в области конституирования новой революционной власти. Их значение заключается еще и в

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

том, что они создавали необходимую базу для дальнейшего строительства системы народной власти и во многом способствовали утверждению единых принципов в деятельности народно-освободительных комитетов почти на всей территории Югославии¹⁶.

Новый этап в развитии народной власти, начавшийся во второй половине 1942 г., связан с изменениями во внутренней и внешней военно-политической обстановке и явился логическим продолжением усилий и устремлений народно-освободительного движения, направленных на укрепление позиций освободительной борьбы и дальнейшее укрепление народной власти как важнейшего завоевания революции.

Весной и летом 1942 г. оккупанты и коллаборационисты оказывали сильное давление на партизан и предприняли ряд наступательных операций на обширную освобожденную территорию с центром в Фоче, которую им удалось временно захватить. Тем временем Верховный штаб и Центральный комитет КПЮ, проведя реорганизацию ряда партизанских отрядов и создав новые пролетарские и ударные бригады, совершили с ними знаменитый марш в западные области страны. Тем самым была сохранена живая сила партизан, были укреплены и расширены освобожденные территории в Боснийской Крайне, Далмации и Хорватии, где освободительное движение уже имело прочную базу и где существовали большие освобожденные территории. Утраченную территорию в восточных областях заменила освобожденная территория на западе страны, так что освободительное движение не ослабевало, а лишь территориально перемещалось.

Важным фактором в расстановке сил на внутривосточной сцене, повлиявшим на дальнейшее развитие народной власти, была позиция Михайловича и его влияние в массах, а также влияние и авторитет эмигрантского правительства и всех реакционных сил, группировавшихся вокруг них. Дальнейшие успехи освободительного движения, его утверждение в массах и его революционная программа, всесторонне принятая и поддержанная большей частью населения, дальнейшая дискредитация четнического движения из-за его сотрудничества с оккупантами, серьезно обеспокоили эмигрантское правительство и его министра Михайловича. Поэтому они, пользуясь поддержкой самых реакционных сил Запада, пытались всеми возможными путями заполучить у западных союзников исключительное право на решение судеб Югославии, разумеется, не считаясь с настроениями и желаниями народов Югославии. Большое беспокойство и нервозность в действиях эмигрантского правительства посеяло обнародование Резолюции патриотов Черногории, Боки и Санджака, собравшихся 16 июня 1942 г. в Тьентиште, переданной радиостанцией «Свободная Югославия» 6 и 7 июля и агентством ТАСС — 19 июля 1942 г.¹⁷

Исходя из сложившейся обстановки внутри страны и на международной арене, руководство освободительного движения в сентябре 1942 г. предпринимает новые шаги в целях дальнейшего повышения политической роли народной власти и ее укрепления. В сентябрьских директивах Верховного штаба и Центрального комитета КПЮ были даны указания о проведении выборов в народно-освободительные комитеты от сельских

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Об отношении советской общественности к народно-освободительной борьбе в Югославии см. V. Z e l e n j i n. Odnos sovjetske javnosti prema narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma (1941—1942). U zborniku «Prvo zasiedanje AVNOJа». Bihać, 4—6 X 1966; о дипломатической поддержке Советским Союзом борьбы народов Югославии в годы второй мировой войны см. Л. Я. Г и б и а н с к и й, В. В. З е л е н и н. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945). «Советское славяноведение», 1970, № 6, стр. 7—26.

до окружных, при этом коренным образом изменилось их официальное толкование. Хотя в сентябрьских документах повторяются многие прежние задачи народно-освободительных комитетов, их оценка существенно меняется. Они рассматриваются теперь уже не как «временные органы народной власти», как указывалось в прежних документах, а как «зародыши и основа будущей власти». Это означало, что с подчеркиванием их временного характера, что не соответствовало их действительной оценке, но что делалось исключительно по политическим соображениям, было покончено, и с этого времени народно-освободительные комитеты рассматривались и воспринимались как единственные органы власти, как зародыши и основа нового государства.

Дальнейшее утверждение народной власти и ее политическое конституирование произошло на Первой сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в Бихаче 26—27 ноября 1942 г. Крупные победы народно-освободительной армии в западных областях страны, а особенно в Боснийской Крайне и Хорватии, преобразование партизанских отрядов в Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ), формирование дивизий и корпусов в ноябре 1942 г., образование обширной освобожденной территории площадью свыше 50 тыс. км² внутри европейской фашистской крепости, что свидетельствовало о наличии значительных сил, не признающих «новый порядок» и противопоставляющих себя ему, а также общая расстановка политических сил во всем мире и внутри страны, — все это позволило руководству освободительного движения созвать представителей из всех областей страны и образовать на освобожденной территории первый югославский народный парламент. Этот форум сыграл значительную роль, как в создании новой народной власти, так и в укреплении авторитета освободительного движения в стране и во всем мире.

Хотя на сессии в Бихаче не было создано правительство освободительного движения, а из политических соображений, и прежде всего, чтобы не осложнять отношений с западными союзниками, она ограничилась лишь созданием верховного политического представительства, эта сессия явилась важной вехой в развитии народной власти. Исполнительный комитет АВНОЮ, избранный на сессии, хотя *de jure* и не являлся правительством, *de facto* играл роль революционного правительства, осуществляющего все важнейшие функции, кроме ведения иностранных дел, и совместно с Верховным штабом выступал перед иностранными государствами как законный представитель освободительного движения¹⁸.

Создание АВНОЮ и его Исполнительного комитета означало новый важный рубеж в развитии югославской революции. Об этом событии Иосип Броз Тито на Второй сессии АВНОЮ сказал следующее: «... Впервые собралось народное представительство, которое возникло в недрах самого народа, и притом в самые тяжелые минуты его истории, и перед которым Верховный штаб смог отчитаться за свою предыдущую деятельность. Создание Антифашистского веча народного освобождения Югославии является одним из важнейших завоеваний нашей освободительной борьбы за этот период. Заложены фундамент, на котором будет строиться новый более справедливый строй в югославских землях, заложены фундамент подлинного братства и равноправия всех народов Югославии, фундамент справедливой, подлинно демократической, народной формы правления»¹⁹.

¹⁸ D. Ž i v k o v i ć. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji, s. 357—370.

¹⁹ T i t o. Izabrani članci. Knj. 1. Zagreb, 1959, s. 168.

Период между Первой и Второй сессиями АВНОЮ заполнен событиями внутри страны и на международной арене. Оккупанты и местные коллаборационисты организовали два хорошо подготовленных наступления на освобожденную партизанскую территорию, стремясь полностью уничтожить освободительную армию, военное и политическое руководство освободительного движения и покончить с «балканским фронтом», угрожавшим стратегическим планам оккупантов и сильно пошатнувшим авторитет верно служивших им местных квислингов. Благодаря настойчивым усилиям Исполнительного комитета АВНОЮ и Верховного штаба, в этот период правда о борьбе югославских народов начала быстро распространяться на Западе, и демократическая общественность этих стран стала проявлять все больший интерес к событиям в Югославии. На фронтах мировой войны силы антифашистской коалиции день за днем добивались все новых побед. 8 сентября 1943 г. капитулировала фашистская Италия — главный гитлеровский союзник в Европе.

Несмотря на вражеские наступления, НОАЮ добилась больших успехов и после капитуляции Италии увеличилась на 80 тыс. новых бойцов. В политическом плане также были достигнуты значительные успехи. Несмотря на непрерывные бои, почти во всех национальных землях состоялись скупщины, на которых были избраны высшие политические представительные органы. Так после предварительной подготовки 13 — 14 июня 1943 г. была проведена Первая сессия Антифашистского вече земли Хорватии, 1 — 3 октября состоялось собрание народных представителей Словении в Кочевье, затем последовали скупщины в Черногории — 15—16 ноября, в Санджаке — 20 ноября и в Боснии и Герцеговине — 25—26 ноября 1943 г.²⁰

Этот период имел большое значение еще и потому, что в ходе революционной практики были сделаны первые шаги по решению вопроса о национальном равноправии народов Югославии. В заявлении, сделанном для мировой общественности АВНОЮ и Верховным штабом 8 февраля 1943 г., подчеркивалось, что «Народно-освободительное движение полностью признает национальные права хорватов, словенцев, сербов, а также македонцев, черногорцев и других» и что «это движение является в равной степени как хорватским, так и сербским и словенским» и поэтому «оно представляет собой гарантию того, что будут завоеваны национальные права всех народов Югославии». Образование национальных антифашистских вече или скупщин еще до Второй сессии АВНОЮ привело к возникновению качественно новых отношений между югославскими народами, создало базу для восстановления сильно поколебленного доверия между нациями, укреплялось братство и единство как важнейший залог успешного ведения освободительной борьбы²¹.

За два с половиной года освободительной борьбы народов Югославии были достигнуты большие успехи в военном и политическом отношениях. Вопреки всем закулисным интригам эмигрантского правительства, обману и клевете со стороны различных открытых и скрытых врагов, освободительное движение изо дня в день добивалось все новых побед, а правда о борьбе народов Югославии под руководством КПЮ широко распространялась и в стране и за рубежом. Эмигрантское правительство и его министр Михайлович потеряли и то небольшое число сторонников, которых им удалось с помощью лжи привлечь на свою сторону, и в их рядах остались лишь закоренелые преступники. Народ презирал их как предателей и прислужников оккупантов.

²⁰ V. S t r u g a r. Jugoslavija 1941—1945, s. 203—217.

²¹ Ibid.

В такой политической обстановке были созданы все необходимые условия для того, чтобы придать достигнутым успехам не только политическую форму, что было сделано на скупщине в Бихаче, но и законодательную. Это содействовало бы лучшей мобилизации масс на дальнейшую борьбу и успешное завершение народной революции. Поэтому руководство освободительного движения приняло решение о созыве Второй сессии АВНОЮ в Яйце 29 ноября 1943 г. Из 268 делегатов от всех областей страны, приглашенных присутствовать на этом заседании, в связи с военной обстановкой в Яйце смогло прибыть 143 делегата, которым народ оказал свое полное доверие.

В докладе на второй сессии АВНОЮ Тито, в частности, подчеркнул: «Теперь у нас есть Антифашистское вече народного освобождения Югославии, созданное год назад. В этом Антифашистском вече представлены все народы Югославии. В нем представлены все слои общества. Впервые в своей истории наши народы посылают в этот орган представителей, вышедших из их среды, свободно избранных ими и пользующихся их полным доверием»²².

После доклада и прений, в ходе которых делегаты высказывали свои мнения по всем существенным вопросам, были приняты Декларация и Решения АВНОЮ, означавшие законодательное закрепление достигнутых успехов. Декларация АВНОЮ, как акт конституционного характера, отражала сложившееся положение в Югославии: она осудила антинародное эмигрантское правительство и провозгласила основные принципы, характеризующие процесс возникновения новой народной власти в условиях народно-освободительной войны и революции. В Декларации констатировалось, что «народы Югославии для своей борьбы против оккупантов не нуждались в предварительных соглашениях о равноправии и т. д. Они взяли за оружие, начали освобождение своей страны и тем самым не только заслужили, но и обеспечили себе право на самоопределение, включая право на отделение и объединение с другими народами»²³.

Вторая сессия АВНОЮ явилась переломным моментом в развитии освободительной борьбы, так как на ней были заложены основы государственности новой Югославии и осуществлено юридическое закрепление достигнутых результатов борьбы. Перерастание АВНОЮ из общеполитического и партийного органа в высший законодательный и исполнительный представительный орган и его превращение в носителя суверенитета Югославии, означало полный крах старой буржуазной власти и установление власти трудового народа, это было осуществление давних чаяний всех прогрессивных сил югославского общества.

Решения, принятые на сессии в Яйце, закрепили достигнутые в ходе народно-освободительной борьбы успехи, факт создания государственного образования нового общественного типа, законным образом гарантировали равноправие всех народов Югославии в этом новом государстве. Благодаря этим решениям были созданы основы, обеспечившие, разумеется, в сочетании с остальными факторами освободительной борьбы, все необходимое для разрешения основных противоречий, отравлявших отношения между народами Югославии, а именно — вопрос о национальном гнете и социальной эксплуатации.

Постановление о верховном законодательном и исполнительном народном представительном органе Югославии и Национальном комитете освобождения Югославии, как о временных высших органах народной власти в Югославии на период войны, решение о лишении прав законно-

²² «Prvo i Drugo zasedanje AVNOJa». Beograd, 1953, s. 141—250.

²³ Ibid.

го правительства Югославии так называемого югославского правительства за границей и о запрещении возвращаться в страну королю Петру II Карагеоргиевичу до окончания войны, имели большое значение с государственно-правовой точки зрения, так как перед лицом всего мира они являлись не только формальным актом, но были и отражением действительности, отражением настроений и чаяний огромного большинства югославского народа, доказательством силы и мощи народно-освободительного движения.

Решение о строительстве Югославии на федеративном принципе, предусматривавшее право каждого народа на самоопределение, включая и право на отделение, было логическим продолжением политики КПЮ по национальному вопросу. Это решение юридически гарантировало народам Югославии то, чего они уже добились в предшествующей борьбе. Общая опасность и единые стремления объединили братские народы Югославии, а социалистический характер освободительной борьбы способствовал еще более тесному сплочению народов на общей платформе борьбы за национальное и социальное освобождение. Поэтому представители всех земель и всех наций на исторической сессии в Яйце единодушно приняли решение о праве наций на самоопределение, ясно сознавая, что данное решение не только целиком и полностью отвечает политическим настроениям масс в текущий момент, но и является шагом на пути коренных изменений общественной системы.

Постановления АВНОЮ и дальнейшие успехи освободительного движения, а также победы союзников на всех фронтах, содействовали дальнейшему росту авторитета народно освободительной борьбы на внешнеполитической арене. Западные союзники были вынуждены менять свою тактику по отношению к Национальному Комитету Освобождения Югославии, опирающемуся на поддержку Президиума АВНОЮ и Верховного штаба НОАЮ, а также всех массовых организаций, окончательно оформившихся в 1944 г. в широкую политическую организацию — Народный фронт, и начать оказывать материальную помощь народно-освободительному движению, учитывая вклад НОАЮ в общие усилия союзников в борьбе против фашизма. Михайлович и эмигрантское правительство, которое он представлял в стране, потерпели не только крупное военное и политическое поражение в стране, но и лишились авторитета у официальных кругов на Западе, которые их ранее всесторонне поддерживали.

Принимая во внимание все растущее значение освободительного движения в Югославии в общих планах борьбы против держав «оси» и мощную поддержку, которую это движение имело в стране, а также дискредитацию Михайловича и его четников, западные союзники, меняя свою тактику по отношению к освободительной борьбе югославских народов, стремились максимально использовать этот огромный потенциал для совместной борьбы против Гитлера и в то же время сделать возможным реставрацию монархии и буржуазного строя в Югославии. В силу указанных обстоятельств, а также ввиду необходимости полного международного признания освободительной борьбы, руководство освободительного движения приняло предложение о переговорах с западными союзниками и новым эмигрантским правительством (возглавленным д-ром Иваном Шубашичем). Хотя соглашение Тито—Шубашич, заключенное 16 июня 1944 г., являлось определенным компромиссом, оно не угрожало завоеваниям освободительной борьбы, поскольку как в самом тексте соглашения, так и во всех позднейших документах, решения Второй сессии АВНОЮ полностью сохраняли свою силу. Руководство освободительного движения пошло на создание объединенного правительства (7 марта 1945 г.) и согласилось с рекомендациями Ялтинской конференции союзников,

но при этом оно ни в чем не отступало от основных завоеваний, законодательно закрепленных в Яйце. Поэтому с полным правом можно утверждать, что хотя соглашение Тито — Шубашич и представляло собой известную уступку западным союзникам, оно было не выражением слабости народно-освободительного движения на данном этапе развития, а как раз наоборот, отражением его силы и полного превосходства, так как, помимо мощной освободительной армии и единства огромного большинства югославских народов, за этим соглашением стояли решения народных представителей в Яйце, подтвержденные в течение 1944 г. и всеми национальными скупщинами.

Попытки короля и наиболее реакционных кругов внутри страны и за рубежом, опиравшихся на помощь международной реакции на Западе, сразу после освобождения страны поставить под угрозу завоевания революции, успеха не имели. Югославия вышла из войны с сильной армией, насчитывавшей около 800 000 бойцов, готовой на любые жертвы во имя защиты революции. Эта армия была лучшим гарантом достигнутых завоеваний. На всей освобожденной территории страны существовала новая революционная власть, пользовавшаяся всесторонней поддержкой народа, а во всех национальных областях имелись народные правительства, которые на основе решений АВНОЮ и Национального комитета осуществляли суверенную власть в пределах данной национальной области (земли). Решения Второй сессии АВНОЮ о строительстве Югославии на демократическом федеративном принципе и образовании национальных республик были претворены в жизнь. Тем самым осуществились стремления югославских народов освободиться от национального гнета и жить в единой братской семье равноправных народов — в новой социалистической Югославии.

Следуя рекомендациям союзников, руководство освободительного движения непосредственно после освобождения начало подготовку к созыву III сессии АВНОЮ, которое предстояло преобразовать во Временную народную скупщину (ВНС). В АВНОЮ были кооптированы депутаты, избранные на парламентских выборах 1938 г., не скомпрометировавшие себя сотрудничеством с оккупантами (таких было 36), и представители ряда партий, вошедших в Народный фронт. 7 августа 1945 г. АВНОЮ в расширенном составе собралось в Белграде на свою III сессию и спустя три дня было преобразовано во Временную народную скупщину. Однако 8 августа король Петр II попытался сорвать работу временного парламента и аннулировать все прежние соглашения между эмигрантским правительством и Национальным комитетом освобождения Югославии, чтобы воспрепятствовать признанию новой Югославии и сохранить монархию. Но этот маневр не удался. На первом заседании ВНС Эдвард Кардель от имени правительства заявил, что считает действия короля неконституционными, поскольку король своими заявлениями, сделанными им 29 января и 2 марта 1945 г., передал власть регентству и поэтому власть может вернуться к нему только в том случае, если народ примет такое решение в результате свободных выборов. ВНС одобрила это заявление и продолжила свою работу. Тем самым маневры короля и его союзников на Западе провалились.

В ходе заседания скупщины буржуазная оппозиция попыталась еще одной уловкой поставить под сомнение завоевания освободительной борьбы, заявив, что все происшедшее во время войны, а следовательно, и решения АВНОЮ в Яйце, имеет временный характер и на выборах нужно поставить вопрос о будущей форме государственного устройства. Это означало непризнание коренных перемен, совершившихся в ходе освободительной войны. Оппозиция особенно яростно боролась против феде-

ративного принципа. Отвечая оппозиции, Эдвард Кардель как министр по делам Учредительного собрания, защищая во ВНС Закон об Учредительной скупщине, подчеркивал тот факт, что в стране совершилась народная революция, что народ уже взял власть в свои руки и принял решение о создании нового государства. Временная народная скупщина, принимая Закон об Учредительной скупщине, не имеет права пренебрегать решениями Второй сессии АВНОЮ, а должна исходить только из них, поскольку они имеют конституционный характер и могут быть отменены только самим народом через Учредительную скупщину. Таким образом, и последние маневры буржуазной оппозиции провалились, а решения, принятые на Второй сессии в Яйце, остались фундаментом, на основе которого народ получил возможность отдать свой голос за новую Югославию — за Республику, которая была провозглашена 29 ноября 1945 г. 30 января 1946 г. была принята Конституция, закрепившая завоевания народно-освободительной борьбы и социалистической революции, гарантировавшая условия для построения в Югославии социалистического общества²⁴.

²⁴ Подробнее об этом см. В. Петрановић. *Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ*. Beograd, 1964; е г о ж е. *Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslaviji za vreme obnove*. Beograd, 1969; В. Стругар. *Jugoslavija 1941—1945*. Beograd, 1969.

Л. Б. ВАЛЕВ

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И БОЛГАРИЯ

Подготовка гитлеровской агрессии против СССР и, в частности, сосредоточение немецких войск близ советских границ весной 1941 г. приняли такой широкий размах, что это не могло остаться незамеченным общественностью стран Юго-Восточной Европы. В мае гитлеровское командование начало усиленную переброску на северо-восток ряда дивизий, незадолго до того участвовавших в балканской кампании¹. Движение этих войск по территории Болгарии было столь интенсивным, что на отдельных железнодорожных линиях пришлось полностью прекратить перевозки пассажиров и гражданских грузов. Это даже вызвало перебои в снабжении ряда болгарских городов.

Признаки подготовки фашистской Германии к нападению на Советский Союз, становившиеся известными несмотря на широкие дезинформационные и маскировочные мероприятия гитлеровцев, вызывали глубокую тревогу у болгарских патриотов. Движимые чувством братской симпатии к советскому народу, они всеми доступными им средствами старались предупредить советских людей о нависшей над ними громадной опасности.

Известие о том, что 22 июня 1941 г. бронированные полчища гитлеровцев вероломно вторглись в пределы СССР, глубоко потрясло болгарский народ. Начавшаяся Великая Отечественная война Советского Союза внесла коренные изменения во всю общественно-политическую жизнь страны. Болгарские патриоты понимали, что целью чудовищной агрессии гитлеровцев против СССР являлся не только захват территории и материальных ресурсов Советской страны. Для них стало ясно, что начался бешеный поход ударных сил империалистической реакции против первого в мире социалистического государства, острейший классовый конфликт на международной арене, от исхода которого зависело будущее всех трудящихся.

Представители самых различных слоев населения Болгарии осознали, что от результатов гигантской битвы, разгоревшейся на советско-герман-

¹ Правящие круги Болгарии еще в 1940 г. получили достоверные сведения о подготовке нападения гитлеровской Германии на СССР. Эти сведения некоторое время спустя были подтверждены рядом новых данных, в частности, донесениями болгарского офицера связи при штабе 12-й немецкой армии в Афинах генерала Жилкова. В начале июня 1941 г. он сообщал, что бронетанковые дивизии 12-й армии отведены из Греции и направлены к границам СССР, а часть штаба 12-й армии во главе с начальником штаба ген. Грейфенбергом сразу же после овладения немцами Критом выехала в Польшу, чтобы включиться в предстоящие операции против Советского Союза. Централен държавен исторически архив. София (далее — ЦДИА), ф. 1077; Ген. И. К. Попов. Политиката и стратегията на България през втората световна война 1939—1945. Исторически очерк, стр. 118 (рукопись).

ском фронте, будут зависеть судьбы всего человечества, в том числе и судьба болгарского народа.

Резко усилился процесс поляризации политических сил внутри страны. В зависимости от отношения к этому невиданному доселе по своим масштабам и значению столкновению сил прогресса и реакции, отчетливее, чем когда бы то ни было раньше, определились два противоположных лагеря: лагерь мракобесия и национальной измены во главе с монархо-фашистской диктатурой, с одной стороны, и лагерь демократии и подлинно патриотических сил, возглавляемый коммунистами, с другой.

Болгарская реакция давно ждала этой войны и с первых же дней гитлеровской агрессии с откровенным цинизмом и нескрываемой злобой обрушилась на Советский Союз, пророча его «неминуемый разгром». Стремясь выслужиться перед берлинскими хозяевами, руководители правительственной Дирекции печати и редакторы реакционных газет систематически перепечатывали лживую информацию немецко-фашистской пропаганды, которая сдабривалась изрядной дозой их собственной лжи. Лексикон этих журналистов изобилует выражениями, заимствованными из арсенала Геббельса. Болгарские журналисты и публицисты типа Тодора Кожухарова (выступавшего в газете «Слово» под псевдонимом «Штабс-капитан Копейкин»), Христо Брзицова (автора передовиц в официозе «Днес»), Петра Джидрова и других ежедневно заполняли страницы реакционной печати клеветой о Красной Армии и Советском Союзе, кричали о «коммунистической опасности», призывали болгарское правительство объявить войну СССР.

Уже 23 июня газета «Нова вечер» выступила с передовой статьей, где разбой фашистских орд преподносился как «небывалый в истории рыцарский поход» «друзей Болгарии». 25 июня главный редактор черносотенной газеты «Зора» Данаил Крапчев поместил передовую статью, в которой пророчил скорый развал советского многонационального государства. Заверяя своих читателей, что братский союз народов СССР представляет собой не что иное как «фикцию», он возлагал особые надежды на то, что между этими народами скоро начнется драка и что каждый из них «будет тянуть в свою сторону».

«В ближайшие недели, — писал этот гитлеровский приспешник, — мы воочию убедимся в том, что советский конгломерат не устоит перед ударом армий Третьего рейха». Вслед за тем полосы реакционной буржуазной прессы стали заполняться измышлениями об «агонии» и «предстоящей капитуляции» Москвы и Ленинграда (который эта пресса стала именовать не иначе как «Петербург» или даже «Санкт-Петербург»), о «слабости советского тыла» и т. п. Ко второй неделе июля новоявленные «специалисты» вроде военного обозревателя Александра Ганчева уже безапелляционно заявляли, что «война фактически выиграна» гитлеровцами, которым остается только заняться «очисткой территории» от разгромленных советских войск.

Неимоверное раздувание временных успехов германских фашистов, достигнутых ими ценою огромных потерь, сопровождалось безудержным восхвалением Гитлера и его разбойничьих банд болгарской фашистской пропагандой.

Несмотря на то, что болгарское правительство Филова поддерживало официальные дипломатические отношения с СССР, высшие правительственные чиновники активно присоединились к хору антисоветской лжи и клеветы. Верхом цинизма явилось следующее заявление министра внутренних дел Габровского: «Победа держав оси, которая более чем обеспечена ... является основой нашей завтрашней политической, культурной и государственной мощи. Поэтому не только официально, но и всенародно

мы должны считать дело оси нашим собственным делом, ее судьбу — нашей собственной судьбой»².

Территория Болгарии, ее порты и аэродромы были превращены в плацдарм для военных операций гитлеровцев против СССР. 11 июля фашистский парламент одобрил дополнительный бюджет на сумму 4,3 млрд левов, из которой 2,5 млрд предназначались на военные нужды. Хотя монархо-фашистское правительство, опасаясь решительного противодействия болгарского народа, и не посмело объявить войну Советскому Союзу³, 25 ноября 1941 г. по требованию гитлеровцев оно присоединилось к так называемому «Антикоминтерновскому пакту»⁴. Эта акция, являвшаяся открытым выпадом против Советского Союза, была встречена болгарским народом с негодованием.

Осенью 1941 г. в отношении советской миссии в Болгарии был организован ряд провокационных актов, свидетельствовавших о том, что болгарские власти всячески стремятся выслужиться перед Гитлером. Советское правительство было вынуждено в специальной ноте, врученной болгарскому посланнику в Москве Стаменову, заклеить эти провокационные действия, противоречащие нормальным отношениям между двумя странами. В ноте указывались конкретные факты содействия правящих кругов Болгарии гитлеровской Германии в ее войне против СССР⁵.

Антисоветские выступления официозной прессы и враждебные, провокационные действия монархо-фашистского правительства Болгарии в отношении СССР сопровождалась разнузданной антикоммунистической кампанией, направленной против демократических сил страны. Была принята серия правительственных циркуляров и распоряжений в отношении «антигосударственных элементов», на основе которых развернулось жестокое преследование всех, кто осмеливался критиковать политику правительства. Уже 25 июня 1941 г. был издан приказ министра внутренних дел, предусматривавший строжайшие меры наказания в отношении «нарушителей порядка» и «распространителей слухов». По его же распо-

² «Зора», 20 IX 1941.

³ Впрочем болгарское правительство вполне отчетливо сознавало, что своей антисоветской политикой и действиями оно провоцирует Советский Союз на разрыв с Болгарией. Более того, в июле 1941 г. премьер-министр Филев предлагал царю Борису разорвать эти отношения. 13 июля 1941 г. мужественный болгарский патриот и поборник дружбы с Советским Союзом Владимир Займов передал советским друзьям полученную им достоверную информацию следующего содержания: «Царь Борис в принципе согласился, чтобы болгарская армия участвовала на стороне Германии в войне против Советского Союза. 8 июля об этом согласии сообщено германскому правительству». (Цит. по кн. Г. Г о ч е в. Бюро «Д-р Делиус». Второ преработено и допълнено издание. София, 1969, стр. 131). О том, что и позднее болгарское правительство в целом не было чуждо мысли о подобном развитии хода событий, свидетельствует, например, следующий факт. В ответ на шифрованную телеграмму болгарской миссии в Москве от 3 октября 1941 г. с запросом относительно того, как ей поступить с имеющимися в ее сейфах ценными материалами в случае разрыва советско-болгарских дипломатических отношений и отъезда миссии из СССР, Совет Министров на своем заседании 7 октября принял специальное постановление, разрешавшее миссии уничтожить эти материалы «дабы они не попали в руки русских» (ЦДИА, ф. 284, протокол заседания Совета Министров № 166 от 7 X 1941 г., л. 6). Однако правящим кругам Болгарии и руководителям фашистской Германии пришлось воздержаться от открытого вовлечения страны в войну против Советского Союза. Боязнь народных масс при этом играла первостепенную роль. Вместе с тем важное значение имело и то обстоятельство, что в планах гитлеровского командования болгарским вооруженным силам отводилась роль жандарма на Балканах, роль заслона на случай высадки на Балканский полуостров англо-американского десанта или вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 9, ед. хр. 2862, л. 53.

⁵ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 159—161.

ряжению было запрещено Болгаро-советское общество культурной связи, а члены правления этого общества были брошены в концентрационный лагерь.

В стране поспешно вводился суровый режим. 6 сентября 1941 г. были приняты изменения и дополнения к «Закону о защите государства», являвшемуся важнейшей юридической основой реакционного режима еще со времен кровавого Цанкова. Рядом новых статей предусматривалась смертная казнь⁶. 12 сентября правительство приняло постановление о введении в действие всех относящихся к военному времени статей военно-судебного кодекса законов, «Закона о гражданской мобилизации», «Закона о защите государства» и других драконовских законов фашистского режима⁷. Это означало по существу введение военного положения на всей территории страны.

В первые же дни после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР были взяты под домашний арест члены парламентской группы Болгарской рабочей партии. 10 июля созванный на чрезвычайную сессию фашистский парламент без всяких прений утвердил решение о лишении их парламентской неприкосновенности. Три дня спустя они были брошены в концентрационный лагерь «Гонда-Вода» (в районе г. Асеновграда), а затем часть из них переведена в концлагерь «Крысто-Поле» близ села Еникьой (ныне Ставрополис, в Западной Фракии), где условия содержания были особенно тяжелы⁸. 9 октября в лагере «Гонда-Вода» скончался 70-летний депутат-коммунист Аврам Гачев.

В июле 1941 г. полиция предприняла повальные аресты антифашистов. Согласно докладу начальника Отдела государственной безопасности от 1 июля 1941 г., в первую очередь следовало арестовать наиболее видных коммунистов, деятелей революционного молодежного и профсоюзного движения, прогрессивно настроенных представителей интеллигенции и студентов⁹. Первый же большой список подлежащих аресту, представленный министром внутренних дел на утверждение премьер-министру Филову, насчитывал около 300 деятелей революционного движения. Среди них были: Петр Ченгелов, Трайчо Костов, Васил Мавриков, Тодор Павлов, Раденко Видински, Иван Пашев, Алипи Андреев, Екатерина Аврамова, Кирил Драмалиев, Титко Черноколев, Йорданка Николова, Адалберт Антонов, Апостол Колчев, Эмил Марков, Любомир Барымов, Лиляна Димитрова, Живко Живков, Владимир Топенчаров, Сава Гановски, Эмил Шекерджийски, Крум Кюлявков, Тодор Самодумов и др.¹⁰. Совет министров чуть ли не на каждом заседании утверждал длинные списки лиц, подлежащих аресту и отправке в концентрационные лагеря «Гонда-Вода», «Крысто-Поле», на о. Святой Анастасии в Бургасском заливе и др.¹¹. Только на основании постановления правительства от 1 сен-

⁶ «Държавен вестник», 12 IX 1941.

⁷ «Държавен вестник», 19 IX 1941.

⁸ В числе арестованных были депутаты Д. Захариев, д-р Л. Дюгмеджиев, П. Митев, А. Гачев, А. Кыдрев, Т. Поляков, К. Божилков и Б. Алексиев. Одновременно с депутатами-коммунистами был лишен парламентской неприкосновенности и брошен в концлагерь депутат от левого крыла Земледельческого союза («Пладне») Н. Джанков ЦДИА, ф. 284. Протокол заседания Совета министров № 122 от 17 VII 1941. См. также: Л. Дюгмеджиев. Комунистическата парламентарна група в XXV ОНС. Сб. Героично минало. Спомени на партийни дейци. София, 1965; К. Божилков. В концлагера «Гонда-Вода». «Известия на Института по история на БКП», т. 22. София, 1969, стр. 357—375.

⁹ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 788, л. 22.

¹⁰ Там же, л. 7—19.

¹¹ Согласно информации из страны, полученной Георгием Димитровым в начале декабря 1941 г., в Болгарии было организовано 13 концлагерей, включая так называемые «рабочие группы» для политических заключенных. Централен партийен архив (далее ЦПА), ф. 147, оп. 3, ед. хр. 187, л. 2

тября 1941 г., принятого по докладу министра внутренних дел, в концентрационные лагеря были отправлены 788 человек¹². Тысячи болгарских патриотов были брошены в тюрьмы или в камеры при полицейских участках, направлены в так называемые «рабочие группы» специальных «трудовых лагерей д. о.» (для «государственно опасных»). Режим в них мало чем отличался от режима других лагерей. Тысячи людей были высланы на принудительное местожительство в глухие районы страны (так называемое «интернирование в провинции»)¹³. По распоряжению правительства была проведена «проверка благонадежности» служащих государственных, муниципальных и общественных учреждений¹⁴. В результате чистки с работы было уволено значительное число служащих, признанных фашистскими властями «неблагонадежными»¹⁵. Во многих районах страны проводились повальные обыски, сопровождавшиеся большими жестокостями. Достаточно было малейшего подозрения в сочувствии Советскому Союзу и Красной Армии, чтобы человека подвергли допросам и зверским пыткам. В немилость к фашистским властям попали даже некоторые болгарские дипломаты (например, болгарские дипломатические представители в Москве и Стокгольме), рекомендовавшие своему правительству воздержаться от участия в войне на стороне Германии, не увлекаться оказанием ей помощи, не верить ложным заявлениям гитлеровской печати и болгарским продажным журналистам, побывавшим на восточном фронте по приглашению гитлеровского командования¹⁶.

Уже одни масштабы репрессивных мер, к которым прибегли фашистские власти, являлись свидетельством истинных настроений болгарского народа. Конечно, массовые репрессии болгарских властей, пропаганда правительственной печати и временные успехи гитлеровцев на советско-германском фронте первоначально не могли не вызвать некоторой подавленности в настроении масс и известных колебаний у части населения, особенно среди мелкобуржуазных слоев, интеллигенции. Болгарской рабочей партии пришлось бороться с настроениями неуверенности и малодушия и среди некоторой части левых сил. Однако даже в самые тяжелые дни суровых испытаний и временных неудач Красной Армии болгарских патриотов не покидала уверенность в победе советского народа, ведущего

¹² ЦДИА, ф. 284, протокол № 145-бис заседания Совета Министров от I IX 1941 г. Уже с начала июля арестованные в Шуменской, Плевенской и Бургасской областях направлялись в концлагерь на острове Святой Анастасии, а те, кого арестовывали в Пловдивской, Старозагорской, Врачанской, Софийской областях, а также задержанные в полицейской комендатуре гор. Софии — в концлагерь «Гонда-Вода» (см. Г. Георгиев. 2194 дни. Хроника на една победа. 1939—1945. София, 1969, стр. 97); В. Филипова. Документи за положението на интернираните антифашисти през 1940—1941 г. и борбата за освобождаването им. «Известия на Държавните архиви», кн. 17, 1969, стр. 155—184; М. Мичев и Р. Ханджиева-Тасева. Фашистският терор в България (1941—1944). Там же, стр. 291—315.

¹³ По имеющимся данным, к концу 1941 г. в концентрационных лагерях находилось около двух тысяч заключенных, в так называемых «рабочих группах» — три тысячи, свыше четырех тысяч было выслано на принудительное местожительство в провинцию, около шести тысяч человек было заключено в тюрьмах и несколько тысяч — в камерах при полицейских участках (ЦПА, ф. 147, оп. 2, ед. хр. 310, л. 152).

¹⁴ ЦДИА, ф. 284. Протоколы заседаний Совета министров № 156 и 157 от 19 IX. 1941, л. 9—12; Окръжен държавен архив (далее ОДА), Варна, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 57, л. 6.

¹⁵ Достаточно сказать, что только в одной Плевенской области, согласно докладу областного полицейского управления за 1941 г., направленного департаменту полиции, было заведено 13 тысяч досье на лиц, признанных «неблагонадежными» (ОДА-Плевен, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 29, л. 37).

¹⁶ ЦПА, ф. 147, оп. 3, ед. хр. 187, л. 1. В телеграмме от 10 сентября 1941 г. болгарский посланник в Москве Иван Стаменов открыто заявил, что позиция и действия болгарского правительства по отношению к СССР являются нелояльными, что они идут вразрез с интересами Болгарии и болгарского народа (ЦПА, ф. 147, оп. 2, ед. хр. 305, л. 35).

самоотверженную борьбу во имя благородной цели — разгрома гитлеровских захватчиков, освобождения своих поработанных братьев, уничтожения гитлеровской чумы.

Болгарские коммунисты шли в авангарде героической борьбы трудящихся масс против реакции и фашизма, неустанно воспитывали болгарский народ в духе пролетарского интернационализма, солидарности и братства с первой в мире страной социализма. 22 июня 1941 г., в день вторжения немецко-фашистских войск на территорию Советского Союза, ЦК Болгарской рабочей партии обратился к трудящимся страны с воззванием, в котором разоблачал грабительский и разбойничий характер начатой гитлеровцами войны. Война против Советского Союза характеризовалась в воззвании как безумная авантюра, в которой Гитлер неминуемо сломает себе голову. Болгарские коммунисты призывали болгарский народ подняться на энергичную борьбу против германского фашизма, поддержать советский народ в его справедливой войне¹⁷.

На заседании 24 июня 1941 г. Политбюро ЦК БРП, обсудив обстановку, четко определило задачу партии и всего народа — широкое развертывание антифашистского движения и вооруженной борьбы против германских оккупантов и их болгарских пособников. Партия призывала болгарских патриотов сочетать массовую политическую борьбу со всевозможными непосредственными действиями, дезорганизующими фашистский тыл: срывать снабжение гитлеровской армии, транспортировку войск и военных материалов, развернуть партизанское движение. «Болгары, — говорилось в воззвании ЦК БРП от 27 июля 1941 г. — нельзя терять времени! Надо действовать незамедлительно, действовать всеми средствами! Надо разрушать тыл фашистских банд! ... Пусть земля горит у них под ногами, пусть не знают они покоя ни днем, ни ночью!»¹⁸.

Для руководства вооруженной борьбой при ЦК БРП была создана Центральная военная комиссия, в состав которой вошли испытанные революционеры, возглавил ее член Центрального комитета Христо Михайлов. В течение июля и августа военные комиссии были созданы почти при всех окружных, а также при некоторых районных комитетах партии. Они должны были помогать партийным организациям в формировании боевых групп и партизанских отрядов, руководстве ими, а также проводить антифашистскую работу среди солдат и офицеров болгарской армии.

Советские люди, на плечи которых легла огромная тяжесть борьбы против фашистских захватчиков, заливших кровью и превративших в руины много советских городов и сел, видели свой интернациональный долг и в том, чтобы оказать всемерную помощь своим болгарским братьям. Советский Союз даже в самый тяжелый период войны не прекращал оказывать политическую поддержку болгарскому народу в борьбе против фашизма и реакции.

По инициативе находившегося в СССР Заграничного бюро ЦК БРП и лично Георгия Димитрова с 23 июля 1941 г. начала свои передачи радиостанция «Христо Ботев». Она стала рупором антигитлеровских сил в Болгарии, изо дня в день разоблачая ложь и клевету фашистской пропаганды, рассказывая о героизме и величии духа советского народа, призывая болгарских патриотов объединиться на борьбу за свободу против гитлеровских оккупантов и тех реакционных кругов, которые хотели связать судьбу Болгарии с фашистской Германией.

¹⁷ Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК». Т. 3. 1924—1944. София, 1953, стр. 447—450.

¹⁸ «Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941—1944. Документи». София, 1962, стр. 33—34.

Как отмечается в «Истории Болгарской коммунистической партии», через радиостанцию «Христо Ботев» Заграничное бюро поддерживало регулярную связь с Центральным комитетом внутри страны, с организациями и членами партии и Рабочего союза молодежи, со всеми антифашистами. Передачи радиостанции направляли всю агитационную и пропагандистскую деятельность партии в стране. Болгарские патриоты записывали, размножали и распространяли полученные директивы и информацию¹⁹.

С 7 октября 1941 г. на территории Советского Союза начал работать и радиопередатчик «Народный голос», по которому выступал видный деятель БРП, член ЦК и Заграничного бюро Станке Димитров (Марек). Каждый вечер он включался по эфиру в волны радио Софии и Скопле. Обрывая передачи фашистских сводок новостей своими меткими и гневными филиппиками, он неустанно разоблачал лживые измышления правительственного радио. Как об этом свидетельствуют многочисленные полицейские документы, «Народный голос» буквально вселял панику в стан фашистских пропагандистов²⁰.

Важное значение для борьбы болгарского народа имели также и передачи московского радио на болгарском языке. Среди других материалов оно регулярно передавало международные обзоры и комментарии Васила Коларова. Благодаря этому трудящиеся массы Болгарии имели еще одну возможность получать достоверную информацию о политических и военных событиях. Эти передачи рассказывали о боях на советско-германском фронте и освободительной борьбе поработенных народов Европы, раскрывали перед болгарским народом пагубность предательского курса монархо-фашистского правительства.

Большую роль в правильной ориентации и организации борьбы болгарского народа играла нелегальная антифашистская печать. После 22 июня 1941 г. в связи с исключительно тяжелыми условиями работы, жестоким полицейским террором и невозможностью печатать центральный орган партии значительным тиражом издание газеты «Работническо дело» было временно приостановлено. Ее нелегальная типография использовалась для печатания воззваний, листовок и других материалов, в которых разъяснялся выдвинутый партией курс на развертывание новых форм всенародной борьбы.

В этих условиях значительно возросла роль нелегальной провинциальной партийной и молодежной печати. Вскоре после вероломного нападения фашистской Германии на СССР на местах стали выходить многочисленные бюллетени и газеты, издававшиеся под руководством окружных и районных комитетов Рабочей партии и Рабочего союза молодежи. В июне 1941 г. начал выходить бюллетень Видинского окружного комитета БРП; в июле появились первые номера софийского «Молодежного информационного бюллетеня» и бюллетеня Сливенского окружного комитета партии «Правда об антисоветской войне»; в августе — «Информационные бюллетени» Ямболского окружного комитета БРП и Шуменского окружного комитета Рабочего союза молодежи (РМС); с сентября группа студентов-антифашистов в Варне под руководством окружного комитета партии приступила к выпуску еженедельника «Информация». В октяб-

¹⁹ «История на Българската комунистическа партия», София, 1969, стр. 452.

²⁰ См., напр., ОДА-Бургас, ф. 77 к, оп. 2, ед. хр. 11; ф. 4, оп. 1, ед. хр. 2155, л. 32, 59; ОДА-Враца, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 1, л. 2, 7, 19; ОДА-Търново, ф. 81, оп. 1, ед. хр. 123, л. 97 и др. Подробнее о работе Ст. Димитрова в «Народном голосе» см. Р. К а ш е р - Д и м и т р о в а. Работата на Станке Димитров-Марек в «Народен глас». «Известия на Института по история на БКП», т. 14. София, 1965, стр. 311—327; е е ж е. Станке Димитров-Марек (Биографичен очерк). София, 1966, стр. 190—199.

ре появились «Бюллетени» и «Информационные бюллетени» окружных партийных организаций Габрова и Русе, а также организации РМС Старой Загоры, в ноябре — орган партийного комитета Ловеча газета «Истина» под редакцией поэта-революционера Христо Кырпачева²¹. Выходил и целый ряд других нелегальных бюллетеней и газет подобного характера. Большинство из них печатались на гектографе, циклостиле, а иногда и просто под копирку на пишущей машинке, или даже переписывались от руки. Средний тираж колебался от 100 до 1000 экземпляров. В них публиковались записанные на слух сводки Совинформбюро, сообщения московского радио и радиостанции «Христо Ботев», помещались комментарии, статьи и другие материалы. Эти издания разоблачали ложь и антисоветскую клевету, распространявшуюся правительственной пропагандой и реакционной печатью, поднимали боевое настроение масс, сплачивали демократические силы и мобилизовывали их на борьбу против фашизма и реакции. Они доводили до широких кругов болгарской общественности правду о Великой Отечественной войне Советского Союза и вселяли уверенность в ее победоносном исходе²².

Определенную роль в этом отношении играли и некоторые прогрессивные легальные издания, которые с большим трудом удавалось выпускать главным образом в провинции; они старались проводить демократическую линию по вопросам внутренней и внешней политики. Из центральных софийских газет такую позицию занимала газета «Заря», вокруг которой сосредоточивалась довольно значительная группа прогрессивных журналистов²³. Разумеется, в условиях строгого полицейского контроля было невозможно открыто помещать антифашистскую информацию и не печатать информацию, выпускаемую ведомством Геббельса. Но, вынужденные публиковать сводки немецко-фашистского командования, такие газеты не выпячивали немецких «успехов», не допускали на своих страницах клеветнических измышлений о Советском Союзе и его вооруженных силах. Газета «Заря» подчеркнуто перепечатывала из немецкой прессы те статьи, в которых содержалось вынужденное признание силы Красной Армии и советского народа. Все допускаемое цензурой сообщения, хотя бы до некоторой степени благоприятные Советскому Союзу и неблагоприятные для фашистской Германии, газета помещала на видном месте, под крупным заголовком.

Правильное руководство и выработка болгарскими коммунистами новых тактических форм организации и ведения антифашистской борьбы придавали ей организованный и целенаправленный характер.

²¹ См. Велчо Ковачев. Нелегалният периодичен печат 1918—1944. Аналитичен указател на съдържанието на партийните и антифашистките вестници, списания и бюллетени. София, 1968, стр. 47, 68, 147, 152, 153, 155, 159, 263 и др.; е г о ж е. Нелегалният периодичен печат в подготовката на трудещите се за въоръжена борба срещу монархо-фашистката диктатура (юни 1941 — юли 1942 г.). Годишник на Българския библиографски институт «Елия Пелин», кн. 8, 1961. София, 1962.

²² Наряду с бюллетенями подобного рода выпускались и листовки с записанными по передачам московского радио сводками Советского пнформбюро. Так, напр., управитель Карнобатской околии в своем донесении от 15 августа 1941 г. сообщал, что в руки полиции попала выпущенная «друзьями СССР» листовка со сводками военных действий на советско-германском фронте за 25, 26, 27, 28 и 29 июля (ОДА-Бургас, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 2157, л. 54). Управитель Поморийской околии сообщал об аналогичном случае в конце декабря того же года (Там же, л. 153).

²³ О деятельности этих прогрессивно настроенных журналистов, группировавшихся вокруг главного редактора «Заря» Кростю Станчева, а также других журналистов-антифашистов, которым, несмотря на все препоны цензуры, удавалось отражать даже на страницах буржуазной печати подлинные настроения болгарского народа, см.: В. М и х а й л о в. Гласът на партийния печат — глас на истината. «Революционна София 1891—1944. Спомен». София, 1969, стр. 657—670.

Одной из форм проявления солидарности с советским народом явилось стремление представителей различных слоев населения Болгарии передать свои слова приветия и поддержки непосредственно советским людям, довести до их сведения свое отношение к войне фашистской Германии против СССР и к антинародной политике болгарского правительства. Болгарские граждане самых различных профессий и социального положения выражали свои чувства в многочисленных письмах, которые стали поступать непрерывным потоком в адрес советской миссии в Софии. Многие из них направляли свои индивидуальные и коллективные послания обычной почтой, пренебрегая опасностью репрессий со стороны фашистских властей. Другие опускали письма непосредственно в ящик советской миссии или забрасывали их на ее территорию. 21 июля 1941 г. часть этих писем (174) была переправлена посланником СССР в Болгарии А. А. Лаврищевым в Москву Народному комиссариату иностранных дел. Авторами 68 писем были рабочие, 46 — группы граждан без указания профессии, 37 — представители молодежи, 12 — интеллигенция, 5 — женщины, 3 — крестьяне, 3 — солдаты²⁴.

Группа рабочих-текстильщиков из Софии в письме от 25 июля 1941 г. выражала чувства горячей симпатии к советскому народу и желала ему успехов в его героической борьбе с озверелым фашистским врагом. «Мы, рабочие и работницы, — заверяли они своих советских братьев, — будем бороться вместе с советскими рабочими за победу над фашистскими разбойниками. Мы будем бороться за свободу, независимость, хлеб, мир и взаимопонимание между народами»²⁵.

Двадцать солдат-новобранцев в своем письме, направленном 10 августа советскому посланнику в Софии, заявляли: «... Если нас попытаются заставить воевать против Советского Союза, мы повернем оружие против фашистских правителей. Да здравствует Красная Армия! Долой фашизм!»²⁶.

Дружественные послания советскому народу и его героическим вооруженным силам направляли табачники Дупницы, рабочие одного из заводов Пловдива, текстильщики софийских пригородов Княжева и Павлова, служащие заводов Чилова, группа служащих министерства торговли и труда, девушки софийского квартала «Три кладенци», крестьяне Белослатинской, Ловечской, Омуртагской и ряда других околий, группы безработных текстильщиков, деятелей народных читален, молодежи, домашние хозяйки, отдельные граждане²⁷.

11—12 августа 1941 г. в Москве состоялся I Всеславянский митинг. Его участники — видные писатели и общественные деятели славянских стран — обратились ко всем славянским народам с призывом подняться на освободительную борьбу против фашизма. Решительно отвергнув идею панславизма как глубоко реакционного течения, враждебного делу равенства народов и национального развития всех государств, участники митинга заявили: «Наша задача — объединенными усилиями уничтожить гнет немецкого фашизма»²⁸.

²⁴ АВП СССР, ф. 74, оп. 23, ед. хр. 8. л. 1. Позже, 20 февраля 1942 г., часть из этих и других аналогичных писем болгарских граждан, выражавших братские симпатии болгарского народа к СССР, была опубликована газетой «Правда» и таким образом дошла до миллионов советских людей. По вполне понятным причинам, в тексте, напечатанном «Правдой», были опущены имена авторов писем и не указывались даты их присылки.

²⁵ АВП СССР, ф. 74, оп. 23, ед. хр. 12, л. 5.

²⁶ Там же, л. 20.

²⁷ Там же, л. 119, 365, 376, 183, 227, 224, 324, 360, 315, 225, 309, 312, 368.

²⁸ См. «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945)». М., 1962, стр. 323—325.

Обращение Всеславянского митинга было сразу же передано по московскому радио на болгарском языке. 16 августа оно было включено в передачу радиостанции «Христо Ботев»²⁹, которая кроме того посвятила митингу еще ряд материалов. 23 августа радио «Христо Ботев» передало выступление Васи́ла Коларова «Мнение старого общественного деятеля», посвященное значению Всеславянского митинга в Москве. Ветеран болгарского революционного движения подчеркивал, что важнейшая сторона митинга заключается в его боевом характере. «Славянские народы,— говорил В. Коларов, обращаясь к своим болгарским слушателям,— объединяются в борьбе и путем борьбы — лишь такое объединение избавит их от гнета фашизма ... Сегодня, когда Красная Армия оказывает героическое сопротивление фашистским полчищам, славянские народы, находящиеся под фашистским игом, всеми средствами и с величайшей самоотверженностью ведут борьбу в тылу своих поработителей и убийц... Объединяясь для совместной защиты своей свободы и культуры, славянские народы протягивают братскую руку всем свободолюбивым и демократическим государствам, над которыми также нависла угроза фашистского варварства»³⁰.

Материалы Всеславянского митинга, а также призывы радио «Христо Ботев» стали достоянием широких кругов болгарской общественности. Болгарские антифашисты проявили немало находчивости в деле организации прослушивания по радио выступлений на митинге. В дальнейшем эти материалы распространялись в виде листовок³¹. Они нашли восторженный прием. В своем обращении к президиуму митинга группа болгар писала: «Мы готовы бороться вместе с нашими друзьями и братьями славянами, вместе с героической Красной Армией до полного разгрома гитлеровской фашистской банды»³².

Столь же горячую поддержку нашло в Болгарии и обращение участников антифашистского митинга в Москве к молодежи всего мира (28 сентября 1941 г.)³³. В ответ на это обращение группа учащихся Плевена писала: «Наши правители настолько оторвались от народа, что воображают, будто мы пойдем проливать кровь в угоду ненавистным фашистам. По призыву советской молодежи вся болгарская молодежь поднимается на священную борьбу с гитлеризмом. Немецкие фашисты и их агенты не будут повелевать болгарским народом. Болгары обретут свою свободу»³⁴.

С огромным напряжением и неугасимой верой в силы и стойкость советского народа следили болгарские патриоты за гигантским сражением, развернувшимся на подступах к Москве. Победа Красной Армии под Москвой, наглядно показавшая провал немецко-фашистской стратегии молниеносной войны, мощные удары по войскам гитлеровских оккупантов под Ростовом и Тихвином произвели сильнейшее впечатление на бол-

²⁹ «Говори радиостанция „Христо Ботев“ (23 юли 1941 — 22 септември 1944)». Т. I. София, 1950, стр. 49—51.

³⁰ Там же, стр. 60—63.

³¹ Так, управитель Айтосской околии в своем донесении министру внутренних дел 31 октября 1941 г. излагал содержание попавшей в руки полиции листовки, которая была озаглавлена «Мнение о московском митинге» (ОДА-Бургас, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 2155, л. 23). Текст листовки полностью совпадал с цитированной нами выше статьей В. Коларова, переданной по радио «Христо Ботев».

³² «Правда», 15 VIII 1941.

³³ «Международная солидарность трудящихся...», стр. 347—351. Это обращение также нашло живой отклик в Болгарии. Например, выходящий в подполье в Сливене «Младешки информационен бюлетин» поместил в № 12 от 20 октября статью «Антифашистский митинг молодежи в Москве и болгарская молодежь» (Окръжен народен музей-Сливен, инв. № 393).

³⁴ «Правда», 5 X 1941.

гарский народ. Эти победы вызвали среди болгарских патриотов огромное воодушевление, укрепили уверенность в конечной победе.

Вопреки жестоким репрессиям за слушание советского радио и передач радиостанции «Христо Ботев», вопреки предпринятой правительством черносотенной кампании борьбы со «зловредными» слухами, известия о советских победах становились достоянием трудящихся городов и сел. Усилился поток восторженных приветствий и поздравлений в адрес советских представителей с выражением восхищения успехами Красной Армии в борьбе с немецкими захватчиками и надежд на скорое освобождение Болгарии от немецко-фашистского рабства, с выражением готовности активно бороться против ненавистного фашизма.

В письме, помеченном 23 декабря 1941 г., группа молодых болгарских патриотов обращалась к воинам Красной Армии со следующими словами: «Славные красноармейцы! Болгарская молодежь поздравляет вас с проявленной храбростью и с победами над гитлеровскими полчищами. Мы с восторгом следим за вашими успехами. Ваши подвиги поднимают наши силы, вдохновляют нас на борьбу. Мы готовы всеми средствами поддержать освободительную борьбу Красной Армии. Горячо верим в ее победу. Немцы поработили и ограбили нашу страну. Но мы не запячем имени болгарской молодежи, будем бороться за честь нашего народа, за честь славянства... Мы верим в близкое освобождение народов. Примите наш братский привет»³⁵.

Болгарские антифашисты обращались к советским воинам со следующими словами: «Молодые бойцы славной Красной Армии! С затаенным дыханием мы, болгарская молодежь, следим за вашей героической борьбой с ненавистным фашизмом... Воодушевленные вашим героизмом, питая безграничное отвращение к гнусным фашистским насильникам и грабителям, мы, болгарская молодежь, готовимся к тому, чтобы изгнать хищников из нашей страны, добиться независимости и свободы»³⁶.

Далеко не все письма болгарских патриотов доходили до советских представителей. Многие из них перехватывались агентами Дирекции полиции³⁷. В ее архивах сохранилось огромное количество таких документов, свидетельствующих о массовом возмущении болгарского народа гитлеровской агрессией против СССР и антисоветской политикой болгарских фашистов.

Об этих же настроениях красноречиво говорили материалы допросов арестованных патриотов, доклады начальников административных областей и околий, донесения различных полицейских чинов. Приведем несколько характерных примеров.

В докладе бургасской областной дирекции за июнь 1941 г. сообщалось, что известие о нападении Германии на СССР произвело на население области тягостное впечатление. По словам документа, даже те граждане, которые были настроены не в пользу коммунизма, но «симпатизировали славянству вообще», высказывали свое возмущение агрессией против братского русского народа. При этом указывалось, что население перестало верить сообщениям радио Софии и правительственной прессы. Спрос на официозные газеты сократился в области на 15—20%³⁸.

³⁵ «Правда», 20 II 1942; АВП СССР, ф. 74, оп. 23, ед. хр. 12, л. 84.

³⁶ «Правда», 20 II 1942; АВП СССР, ф. 74, оп. 23, ед. хр. 12, л. 91.

³⁷ Еще перед началом войны политический отдел болгарской полиции отдал распоряжение бюро по цензуре корреспонденции, идущей из-за границы (на почте его называли «черным кабинетом»), корреспонденцию для советского посольства и советского торгового представительства передавать только после отметки «у». Это распоряжение распространялось также и на письма, идущие в адрес указанных представительств из Софии и вообще из страны.

³⁸ ОДА-Бургас, ф. 4 к, оп. 1, ед. хр. 81, л. 2—5; там же, ед. хр. 2157, л. 19, 29, 42.

В Сливенской околии отмечалось сильное брожение среди как городского, так и сельского населения. Во всех общественных слоях высказывалось недовольство случившимся, отмечалось, что эта война — бедствие для Болгарии, что «Россию никто не победил и не сможет победить»³⁹. В докладе по Ямболской околии говорилось: «Массы населения встретили известие о начале войне между Германией и СССР с недовольством, потому что в народе чувствуется симпатия к русскому народу и убеждение, что Россия велика и непобедима. Это убеждение глубоко укоренилось среди населения»⁴⁰. О подобных же настроениях сообщалось и в донесении по Элховской околии, причем села Воден, Ст. Караджово, Бояново и Борисово характеризовались в полицейском докладе как «очаги левых настроений»⁴¹. Об активном выражении симпатий населения к советскому народу сообщали в своих донесениях за июнь 1941 г. также кмет села Шилковци и полицейский начальник села Златарица Еленской околии, начальник полиции г. Севлиева, кмет села Цалапица Пловдивской околии и др.⁴².

В докладах о «состоянии духа» населения ряда административных областей за июль 1941 г. шла речь о дальнейшем росте антифашистских настроений, которые проявлялись даже среди военных, и о прямых враждебных действиях против гитлеровских оккупантов. Это признавали и сами гитлеровцы, о чем свидетельствует такой факт. В начале месяца начальник немецкого продовольственного склада в городе Бургасе вывесил следующее объявление: «В связи с недружелюбным поведением болгарской полиции, войск и гражданского населения в отношении пребывающих в гор. Бургасе немецких солдат, рабочие-болгары не будут приниматься на работу»⁴³.

Антифашистские настроения масс имели самые разнообразные проявления. Так, например, 30 июля стены общественных зданий гор. Сливена были испещрены лозунгами: «Долой фашистские банды, требуем национальной независимости!», «Да здравствует героическая борьба СССР против фашистских банд!» и т. п.⁴⁴. Как свидетельствуют полицейские документы, подобные лозунги неоднократно появлялись на зданиях города и в дальнейшем⁴⁵. 19 сентября на стенах домов гор. Бургаса можно было прочесть: «Требуем изгнания немецких войск!», «Да здравствует Советский Союз!», «Красная Армия победит фашизм!» и др.⁴⁶. Как свидетельствуют полицейские материалы, подобными надписями покрывались стены домов многих других болгарских городов и сел⁴⁷. Во время представления пьесы «Чорбаджии» в зале народной читальни села Стралджа Ямболской околии среди зрителей были распространены листовки со словами «Да здравствует СССР!» Такого же рода антифашистские выступления отмечались и в селе Самуилово Сливенской околии, в одной из школ гор. Севлиева и др. местах. По сведениям полиции за распространение листовок с «коммунистическим содержанием» во время демонстрации фильма в софийском кинотеатре «Пачев» 22 сентября 1941 г. было аресто-

³⁹ Там же, ед. хр. 81, л. 21.

⁴⁰ Там же, л. 24.

⁴¹ Там же, л. 11.

⁴² ОДА-Търново, ф. 81, оп. 1, ед. хр. 110, л. 20; там же, ед. хр. 123-а, л. 249; там же, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 107, л. 1; ОДА-Пловдив, ф. 57 к, папка 47. Данные о многочисленных подобных проявлениях, наблюдавшихся буквально по всей стране, содержатся и в сводном обзоре отделения «А» болгарской полиции за июнь 1941 г. (ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 780, л. 136—143).

⁴³ ОДА-Бургас, ф. 4 к, оп. 1, ед. хр. 82, л. 2; там же, ед. хр. 2157, л. 6, 13.

⁴⁴ ОДА-Бургас, ф. 4 к, оп. 1, ед. хр. 82, л. 4.

⁴⁵ Там же, ед. хр. 84, л. 2.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 860, л. 13.

вано 25 человек⁴⁸. За активную антифашистскую деятельность подверглись репрессиям властей служащие районного кооперативного союза в Бургасе, Элхово и Карнобате⁴⁹. Восемь жителей села Горна Бешовица (Врачанская околия) были преданы суду на основе «Закона о защите государства» за то, что 6 декабря 1941 г. распространяли листовки и расклеивали плакаты в поддержку СССР. Аресту был подвергнут и заведующий народной читальни этого села Ангел Данов, который организовал для жителей села прослушивание передач московского радио⁵⁰. В селах Карабунар и Бошуля Пазарджикской околии, городе Провадия и др. полицейские органы завели дела на ряд учителей, активистов народных читален и кооперативов, выразивших свои симпатии советскому народу⁵¹. Подобных случаев было множество, и они имели место во всех уголках страны⁵².

Болгарские патриоты ясно сознавали, что будущее их собственной родины зависит от исхода Отечественной войны великой Советской страны. Они стремились оказать посильную помощь своим советским братьям в смертельной схватке с немецко-фашистскими захватчиками. С каждым днем их вклад в эту борьбу становился все более ощутимым.

Ценную помощь Советскому Союзу оказала группа болгарских патриотов, возглавляемая доктором Александром Пеевым. Еще до нападения фашистской Германии на Советский Союз они добыли и передали советскому командованию ценные сведения об агрессивных антисоветских замыслах гитлеровцев и об их военных приготовлениях. Проявляя исключительное мужество и выдержку, подвергаясь огромному риску, эти замечательные болгарские патриоты и интернационалисты и после начала войны продолжали снабжать советские разведывательные органы данными о составе и сосредоточении гитлеровских частей, о военных объектах в Болгарии, о том, насколько реально возможно вовлечение страны в войну и направления болгарских войск на советско-германский фронт и т. п. Эта информация способствовала разгрому фашистской Германии, а в конечном счете — и освобождению болгарского народа от монархо-фашистского гнета.

Такую же работу проводили и другие разведывательные группы патриотов-антифашистов. Многие из этих преданных друзей советского народа — Александр Пеев (Боевой), генерал Владимир Заимов, Гиню Стойнов, Эмил Попов, Никола Бонев, Елефтер Арнаудов и другие — сложили свои головы на невидимых баррикадах в борьбе с фашистским врагом⁵³.

Для многих участников болгарского революционного движения, которые в предшествующие годы были вынуждены эмигрировать из страны, Советский Союз стал второй родиной. Как и все советские люди, болгарские политэмигранты ни минуты не колеблясь встали на защиту социа-

⁴⁸ Там же, ед. хр. 855. л. 174.

⁴⁹ ОДА-Бургас, ф. 4 к, оп. 1, ед. хр., 82, л. 4.

⁵⁰ ОДА-Враца, ф. 96, оп. 2, ед. хр. 9, л. 1—2.

⁵¹ ЦДИА, ф. 177, оп. 2, ед. хр. 1998, л. 1—9, ед. хр. 2015, л. 41, 44.

⁵² См. напр., ОДА-Плевен, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 29, л. 21—25; ОДА-Пловдив, ф. 54, доклад кмета с. Стрелци от 24 VII 1941; ОДА-Варна, ф. 6 к, оп. 1, ед. хр. 42, л. 41, 140; там же, ед. хр. 44, л. 84, 85; ОДА-Бургас, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 2157, л. 24, 40, 42, 56, 61, 69, 74, 75, 78, 96, 153; ОДА-Габрово, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9, 15; ОДА-Стара Загора, ф. 82 к, оп. 1, ед. хр. 212, л. 70—75, 94—97, 99—106 и др.

⁵³ Двадцать лет спустя, когда настало время назвать имена погибших, а также ныне здравствующих участников этих разведывательных групп, были опубликованы указы об их награждении высокими советскими и болгарскими орденами. Подробно об их подвигах рассказано в богато иллюстрированном художественно-документальном сборнике «Невидимите барикади. Очерци за българя-съветски разузнавачи». София, 1968. См. также Г. Г о ч е в. Бюро «Д-р Делиус». София, 1969, стр. 117—134, 144—161 и др.

листического отечества. Многие сыны и дочери болгарского народа героически сражались с гитлеровскими захватчиками в рядах Красной Армии (участвовали в боях под Смоленском, на Волоколамском шоссе, на других участках советско-германского фронта), а также в партизанских соединениях и в качестве разведчиков на временно оккупированной советской территории. Многие из них погибли, с честью выполняя свой патриотический и интернациональный долг.

Часть болгарских политэмигрантов по решению Заграничного бюро ЦК БРП вернулась в Болгарию, чтобы на месте помочь партии в проведении нового курса, в развертывании движения Сопротивления и партизанской борьбы, поддержать в народе веру в победу Советского Союза. Летом и осенью 1941 г. в Болгарию нелегально возвратились (на подводных лодках или воздушным путем) 50 политэмигрантов⁵⁴. Это были люди разного возраста и разных профессий. Многие из них имели хорошую военную подготовку, прошли службу в Красной Армии, участвовали в героической испанской эпопее. Среди них был Цвятко Радойнов (полковник Родионов) — активный участник Сентябрьского восстания 1923 г., заочно приговоренный фашистским судом к смертной казни. Радойнов преподавал военную тактику в Академии имени М. В. Фрунзе, прошел школу гражданской войны в Испании, будучи военным советником при одном из корпусов республиканской армии, участвовал в боях под Гвадарамой, Гвадалахарой и Мадридом. Вместе с ним вернулся в Болгарию любимец сливенских рабочих Сыби Димитров — бывший депутат Народного собрания, председатель парламентской группы Рабочей партии и секретарь ее Центрального комитета, а в 1936—1939 гг. представитель ЦК БКП при ЦК КПИ. Прибыл на родину и смелый болгарский патриот, пламенный интернационалист Симеон Славов (капитан Рак). В Испании во главе партизанского отряда он совершал рейды в тыл фашистов, пуская под откос их эшелоны и разрушая коммуникации. Позднее Славов командовал славянским артиллерийским дивизионом, а после окончания испанской гражданской войны участвовал в революционном движении других народов Средиземноморья.

В числе возвратившихся революционеров были активные участники Сентябрьского восстания 1923 г. Аврам Стоянов и Иван Изатовски, соратник Георгия Димитрова по Лейпцигскому процессу 1933 г. Васил Танев, организатор партизанского отряда в Болгарии в период после Сентябрьского восстания, а затем герой испанской революции Иордан Кискинов и другие политэмигранты, принадлежавшие к лучшим революционным кадрам болгарского народа. Вместе с болгарскими политэмигрантами летом и осенью 1941 г. прибыли и пять советских бойцов-радиостов и чех Иосиф Байер, добровольно вызвавшиеся помочь болгарскому народу в его борьбе с фашистскими палачами.

Патриотам пришлось действовать в невероятно тяжелых условиях. Из 23 человек, высадившихся с двух подводных лодок в августе 1941 г., трое вскоре были убиты, а девять схвачены фашистскими властями. Большинство из оставшихся не дожило до дня победы, пав смертью храбрых в последующих боях с врагом. Из пяти групп, спустившихся на парашютах в сентябре-октябре 1941 г. (31 человек), уже в первые дни погибли 17. Девять человек попали в руки полиции и только пятерым удалось вступить на трудный путь нелегальной борьбы⁵⁵.

⁵⁴ ЦПА, ф. 146, оп. 5, ед. хр. 142, л. 1—5. Двое из политэмигрантов перебрались на болгарскую территорию через турецкую границу.

⁵⁵ Героические дела этих мужественных борцов воскрешаются в мемуарах и книгах, вышедших в последние годы: К. В и д и н с к и. Подводничарите, Спомени. Второ

В конце октября Цвятко Радойнову удалось добраться до Софии, где он встретился с Антоном Ивановым, Цолой Драгойчевой и другими деятелями Центрального комитета. Здесь он был кооптирован в состав ЦК БРП и возглавил Центральную военную комиссию⁵⁶. Сыби Димитров вместе с пятью товарищами добрался до родного города Сливена, наладил связь с местным партийным комитетом и включился в его работу. Сюда же прибыл и Аврам Стоянов, возглавивший организационную и военную работу Сливенского окружного комитета партии. Стойю Неделчев (Чочоолу) после длительных скитаний в горах близ гор. Трявна связался с партийным руководством и стал одним из организаторов партизанской борьбы в Старо-Загорском крае. Эти и другие болгарские патриоты-политэмигранты сыграли выдающуюся роль в народно-освободительном движении. Они внесли свой посильный вклад и в великую победу советского народа над гитлеровским фашизмом.

Правительственная пропаганда развернула гнусную клеветническую кампанию против возвратившихся на родину политэмигрантов, называя их «бандитами», «большевистскими агентами» и т. п. 8 октября министр внутренних дел Габровский направил представителям власти на местах специальный циркуляр. В нем предлагалось широко оповестить население о том, что каждый, кто обнаружит или задержит «парашютиста», получит награду 20 тыс. левов и все, что находится при нем, за исключением оружия⁵⁷. По всей стране и, прежде всего, в Шуменской, Старо-Загорской, Бургасской, Варненской, Плевенской областях были приведены в боевую готовность полицейские части, предприняты повалые обыски и другие карательные меры против антифашистов⁵⁸. В некоторые из населенных пунктов были направлены на постой специальные полицейские команды, содержавшиеся за счет местного населения⁵⁹. Из деклассированных и фашиствующих элементов власти пытались организовать местные отряды для участия в облавах и преследованиях антифашистов.

поправено издание. София, 1968; Ст. Чочоолу. Боят настана, Случки из моя живот. София, 1967; И. Винаров. Бойци на тихия фронт. Спомени на разузнавача. София, 1969, стр. 545—572; См. также: Г. Гочев. Цит. соч., стр. 205—208. В 1966 г. Президиум Народного собрания Болгарии наградил болгарскими орденами членов героических экипажей советских подводных лодок Щ-211 и С-32, которые доставили болгарских коммунистов к берегам их родины. Советские подводники с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг, вписав немеркнущую страницу в историю советско-болгарского содружества. Об этом их подвиге см.: В. Гольцев. Десант особого назначения. «Известия», 27 VIII 1966.

Позднее, когда партизанская борьба приняла массовый характер и началась подготовка к народному восстанию против монархо-фашистской власти, большую помощь движению оказали и другие группы болгарских политэмигрантов. Это были опытные организаторы, получившие военную подготовку в Советском Союзе и прибывшие по решению партийного руководства на болгарскую территорию. В их числе находились Штерю Атанасов, Иван Винаров, Димитр Гилин и другие коммунисты.

⁵⁶ Цвятко Радойнов руководил Центральной военной комиссией при ЦК БРП около полугода — с начала ноября 1941 г. и до своего ареста 24 апреля 1942 г. Он развернул широкую деятельность по организации вооруженной борьбы. В частности, для боевой подготовки партизанских отрядов им была составлена специальная инструкция «Советы четнику». Этот документ лег в основу первой боевой инструкции ЦК БРП партизанам (См. Н. Белоусов. Инструкцията на Цвятко Радойнов «Съвети на четника». «Известия на Института по история на БКП», т. 18, София, 1968, стр. 367—376).

⁵⁷ ОДА-Габрово, ф. 3 к, оп. 1, ед. хр., 93, л. 51. ОДА-Търново, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 93, л. 52.

⁵⁸ ОДА-Търново, ф. 93, оп. 1, ед. хр. 93, л. 28.

⁵⁹ Там же, л. 32. Так, по приказу директора департамента полиции 27 сентября специальные команды и патрули из полицейских и военных чинов провели облавы и массовые обыски в Варне, Бургасе, Сливене, Ямболе, Панагюриште, а также в селах Янино, Стрелча, Быта, Лесичево, Церово, Славовица, Штырково. ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 835, л. 14—15. 18 декабря во время облавы в гор. Поморие было арестовано 30 человек. ОДА-Бургас, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 2157, л. 153.

В ответ на эту разнузданную кампанию, в ноябре 1941 г. была распространена листовка «Наш ответ». В ней от имени возвратившихся революционеров говорилось: «Департамент полиции повсеместно и с большим шумом оповестил о поимке «русских парашютистов», которым приписываются задачи одна чудовищнее другой. Цель этих фантастических измышлений полиции совершенно ясна, принимая во внимание, что болгарское правительство втайне от народа фактически ведет ничем неоправданную братоубийственную войну против героического русского народа, подвергнутого вероломному нападению. Но поскольку в полицейских коммюнике упоминаются имена болгарских политических эмигрантов, мы считаем своим долгом дать болгарскому народу соответствующее разъяснение».

Далее в документе сообщалось, что группа болгарских политэмигрантов, возвратившихся с риском для жизни на родину, воодушевлена горячим стремлением быть вместе со своим народом в эти решительные дни, когда он борется за свою политическую и экономическую независимость, которой угрожает германский фашизм⁶⁰.

Несмотря на гибель многих героев, жестокий террор и непрерывные облавы, устраиваемые фашистской полицией, в стране под руководством БРП разрасталось и усиливалось движение Сопrotивления против фашистских оккупантов и их агентуры.

Все более увеличивалось число диверсий против фашистской военной машины, усиливался саботаж на предприятиях, обслуживавших гитлеровцев. Участниками диверсионных и боевых групп были не только члены БРП и Рабочего союза молодежи, но и многие беспартийные патриоты. В тяжелейших условиях, неся большие потери от ударов озверелого врага⁶¹, собирали они сведения о военных объектах фашистов, всеми способами срывали мероприятия врага, уничтожали наиболее опасные для народного дела агентов германского гестапо и приспешников гитлеровцев в стране. В дальнейшем, по мере развертывания партизанского движения, боевые группы оказывали ему большую помощь, пополняя его ряды, снабжая партизан информацией, оружием и т.п.

Во второй половине 1941 г. в стране было осуществлено свыше 150 актов саботажа, диверсий, вооруженных нападений на врага. Только в Софии в июле и августе боевые группы патриотов совершили около 30 актов саботажа. 22 августа члены боевых групп взорвали несколько вагонов с бензином, предназначенных для гитлеровской армии, значительно повредили железнодорожное полотно на станции в Варне⁶². 12 сентября антифашисты совершили диверсию в районе расположения немецкой зенитной батареи у села Анастасово (Бургасская околия). За четыре дня до этого была совершена диверсия в здании, где помещалась радиоаппаратура немецких войск на ж. д. станции Сарафово⁶³. 19 октября в г. Русе был подожжен большой склад бензина, предназначенного для немецких оккупационных войск, а в районе села Липник взорвано полотно ж. д. линии Русе-Варна⁶⁴. В ноябре софийские боевые группы провели ряд диверсионных актов на ж. д. линии Владая-Перник, подожгли фабрику «Слеза» и др. Акты саботажа отмечались в районах

⁶⁰ ЦДИА, ф. 370, оп. 2, ед. хр. 870, л. 1; ЦПА, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 160; ОДА-Плевен, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 86, л. 34, и др.

⁶¹ Одними из первых его жертв стали руководители софийских боевых групп Христо Ников и старый деятель БРП Никола Ботушев, казненный в октябре 1941 г. во дворе Софийской центральной тюрьмы (См.: «Мladeжки информационен бюлетин», № 14, 6 дек. 1941. ОДА-Плевен, ф. 62, ед. хр. 233, л. 2).

⁶² ОДА-Шумен, спец. регистрация, ед. хр. 41, л. 1.

⁶³ ОДА-Бургас, ф. 4 к, оп. 1, ед. хр. 84, л. 2.

⁶⁴ ОДА-Русе, ф. 96, оп. 1, ед. хр. 38, л. 53.

Драгомана, Червен-Бряга, Старой Загоры. Периодически пускались под откос немецкие эшелоны с продовольствием, военным снаряжением и пр.⁶⁵. 1 декабря в Софии член одной из боевых групп Любен Харалампиев застрелил на улице опасного гестаповца. Были совершены и другие нападения на гитлеровцев⁶⁶. Крестьяне укрывали хлеб и скот, саботировали выполнение правительственных нарядов, вместе с членами боевых групп поджигали предназначенные для гитлеровской армии фураж и продовольствие.

Деятельность участников боевых групп и других патриотов ясно показала немецким оккупантам и их болгарским приспешникам, что их тыл на болгарской земле находится под угрозой. Вместе с тем смелые действия борцов Сопротивления вдохновляли всех антифашистов и демократов на дальнейшую активизацию справедливой борьбы⁶⁷.

Под руководством Центральной военной комиссии при ЦК БРП коммунисты и члены Рабочего союза молодежи развернули среди солдат и офицеров болгарской армии активную пропагандистскую и организационную работу. В десятках и сотнях армейских подразделений была создана сеть антифашистских ячеек и групп. Раскрытие некоторых из них карательными органами показало правительству, что в осуществлении своей антисоветской политики оно не может особенно рассчитывать на армию. К этому выводу в конце концов пришло и командование немецко-фашистских войск. Как справедливо писал впоследствии один из активных участников антифашистской работы в болгарской армии, «царь и его гитлеровские хозяева оказались вынужденными воздержаться от посылки болгарских войск против Красной Армии из-за огромного влияния русофильства, братских чувств и признательности болгарских трудящихся русскому народу-освободителю, из-за растущего влияния БКП среди широких масс и в войсках и в связи с усилением антифашистского сопротивления в Болгарии»⁶⁸. Все более частым явлением становились случаи дезертирства солдат и офицеров из царской армии и вступление их в нелегальные боевые группы и партизанские отряды.

Высшей формой революционной борьбы болгарских патриотов против гитлеровских оккупантов и болгарских коллаборационистов и наиболее ярким проявлением солидарности болгарских трудящихся со сражающимся советским народом явилось партизанское движение. Сразу же после 22 июня 1941 г. по решению ЦК БРП значительная часть активных борцов, которым угрожали арест и расправа, перешли на нелегальное положение. Именно из их среды вышли первые болгарские партизаны. Уже в конце июня 1941 г. была создана и начала свои боевые действия первая партизанская группа, ставшая основой Разлогской партизанской четы, которая позже переросла в партизанский отряд им. Николы Парапунова. В начале июля были заложены основы Дуницкой партизанской четы, переросшей впоследствии в отряд имени Кости Петрова, а в конце месяца — Горноджумайской партизанской четы, из которой вырос партизанский отряд имени Николы Калыпчиева. В августе

⁶⁵ ЦПА, ф. 147, оп. 3, ед. хр. 187, л. 2.

⁶⁶ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 855, л. 187; ОДА-Бургас, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 2157, л. 153 и др.

⁶⁷ Подробнее о создании и деятельности первых боевых диверсионных групп в Болгарии в 1941 г. см. С. Р а д о м и р с к и. През огън и куршуми. София, 1962; Б. С т о й н о в. Бойните групи (1941—1944 год.). София, 1969, стр. 21—46; Д. Д и ч е в. Софийската партийна организация на бойна нога. В сб. «Революционна София, 1894—1944. Спомени». 1969, стр. 612—617; В. Б о н е в. За дейността на бойните групи и бойната организация в София 1941—1944 г. Там же, стр. 716—744.

⁶⁸ П. И л и е в. В волчьем логове. Воспоминания. М., 1970, стр. 80—81.

закладываются основы Варварской (Сараньовской) четы; в начале сентября в составе восьми человек выступила первая партизанская чета в Родопах — Батакская, ядро ставшего затем легендарным партизанского отряда имени Антона Иванова. Затем появляются партизаны в районе Ловеча, в Среднегорье, в районе Сливена, Карлова и др. И хотя на этом этапе партизанское движение еще только накапливало силы и придерживалось в целом оборонительной тактики, оно уже начало наносить первые ощутимые удары по фашистским объектам. Настроение зачинателей партизанского движения в Болгарии очень хорошо передал в своих воспоминаниях коммунист из Батака Ангел Чаушев. «Как только началась война гитлеровской Германии против Советского Союза, — писал он, — мы стали запасаться винтовками и сказали себе: отныне мы бойцы партии, бойцы Красной Армии»⁶⁹. Развертывание партизанской борьбы явилось выражением непреклонной воли болгарского народа довести борьбу против фашистских поработителей до победного конца, внести свой вклад в разгром гитлеровской Германии.

*

Дружба болгарского и советского народов выдержала суровое испытание в период фашистского нашествия. Болгарский народ еще раз показал свое несокрушимое стремление к свободе, веру в могучие силы советского народа и его армию. В развернувшейся совместной борьбе против сил реакции и фашизма нерушимая болгаро-советская дружба еще более окрепла и закалилась.

Опираясь на всемирно-исторические победы Советского Союза, разгромившего фашистских агрессоров, национально-освободительная борьба болгарского народа под руководством БРП развилась и переросла в глубочайшую народную революцию, которая привела к свержению ненавистного монархо-фашистского ига и к вступлению Болгарии на путь социалистического строительства.

⁶⁹ «Работническо дело», 26 X 1956.

СТЕФАН КЕНЕВИЧ

ПОЛЬСКО-РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863 г.¹

История польско-русского революционного союза 60-х годов прошлого века относится к тем проблемам, в изучении которых историография сделала на наших глазах небывалый скачок. Оказалось, уже не в первый раз, что правильно спланированная концентрация людей и средств в короткое время может принести не только количественные, но и качественные перемены в состоянии изучения вопроса. В нашем случае заслуга принадлежит прежде всего сотрудникам Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, хотя немалый вклад в этой области сделали несколько других советских научных центров, равно как и польские исследователи. Вплоть до последней войны эта тема в обеих наших странах привлекала небольшое внимание. Русские историки сталкивались с ней в ходе изучения революционного движения в собственной стране, но специально не изучали польского вопроса. Польские историки восстания 1863 г., если и останавливались на проблеме отношений с русским подпольем, чаще всего трактовали ее с тенденциозной недоброжелательностью. Информация и аргументация русских и польских исследователей, если даже они знали друг о друге, не могли быть приведены к общему знаменателю. Положение совершенно изменилось за последние пятнадцать лет. Исследования в обеих странах теперь проводятся совместно. Самым же важным достижением является то, что польско-русский революционный союз мы теперь трактуем как существенную составную часть революционной ситуации в России и одновременно как одну из ключевых проблем восстания 1863 г.

Я констатирую этот бурный прогресс исследований с позиций глубоко заинтересованного наблюдателя. Сам я, пожалуй, мало внее в освещении этих вопросов, но стараюсь следить за всем, что публикуется в этой области, и оценивать, как эти исследования дополняют и модифицируют наше понимание восстания 1863 г. Такой угол зрения — чуточку со стороны — побуждает к обобщению. Это связано, впрочем, с немалым риском, из-за недостаточной компетенции в части знакомства с источниками, особенно русскими. Смелость мне придает только то, что мой доклад должен открыть дискуссию и, следовательно, по своему существу не может быть недискуссионным.

Проблему, сформулированную в заглавии, я хочу осветить в двух отношениях:

1. Подвести итог тому, что было сделано в течение последних пятнадцати лет.
2. Проанализировать, что еще нужно сделать.

¹ Доклад на сессии советско-польской комиссии историков (Познань, ноябрь 1970 г.).

Что касается достижений, то сначала следует охарактеризовать открытия и публикации новых источников, а затем опирающиеся на них новые выходы и концепции.

Говоря об источниках, удобнее всего взять за исходный пункт мемуентальное двухтомное издание «Польско-русские революционные связи», 1963 г., потому что эти два тома (120 печатных листов, 502 документа) являются лишь обширной подборкой: кроме того, со времени их выхода в свет обнаружены многочисленные новые материалы.

Источники, введенные в оборот, можно подразделить на следующие группы:

а) документы русских и польских революционных организаций, посвященные проблеме польско-русского революционного союза, т. е. декларации, договоры, воззвания, статьи из прессы. В вышеупомянутых двух томах есть 86 документов такого типа, из которых 60 уже раньше были опубликованы. Следует обратить внимание, что эти прежние публикации, распыленные во многих изданиях, как правило, трудно доступных за пределами СССР, здесь сконцентрированы, снабжены квалифицированным комментарием, а во многих случаях и репродуцированы. Некоторые из них до сих пор мы знали только в русском переводе. Дальнейшие дополнения мы находим в новом 30-томном издании произведений Герцена, в издании «Колокол», в сообщениях, воспроизводящих вновь открытые листовки. То же самое следует сказать о польских декларациях о сотрудничестве с революционной Россией. Эти польские тексты, до недавнего времени распыленные, стали по крайней мере частично доступны: как в томе «Документы Национального правительства», так и в 3-х томах «Подпольной прессы»;

б) конфиденциальная переписка русских и польских революционных деятелей, раскрывающая понимание ими содержания и практического осуществления сотрудничества. Из документов русской стороны первостепенное значение имеет переписка Герцена, Огарева и Бакунина; в этой области послевоенные годы принесли много интересных документов, и с каждым годом выявляются все новые. Что касается польской документации, то здесь положение менее благоприятно. Правда, исследователи-специалисты сигнализировали о находке высказываний поляков о сотрудничестве с русским подпольем, но только небольшая часть этих источников была опубликована, и то в различных изданиях. Я сам нашел недавно в Польской библиотеке в Париже большую связку неизвестной переписки, которая относится к так называемой экспедиции Лапиньского и содержит высказывания Ю. Цверчакевича, Ю. Демонтовича и других о сотрудничестве с Бакуниным;

в) польские и русские следственные показания. Здесь результаты особенно значительны: в обеих наших странах опубликованы не только показания, известные старым историкам (записки Авейде, показания Маевского), но и многочисленные другие, до сих пор почивавшие в архивах. В них иногда говорится, не так часто, как нам хотелось бы, о контактах революционеров обоих народов. Эти источники имеют различную степень достоверности, но без них нельзя обойтись;

г) документы царских властей, относящиеся к подавлению революционного движения в Польше и России и содержащие оценку этого движения. Это материал, раньше почти не принимавшийся во внимание историками. На первый план здесь выдвигается огромная документация, связанная с провокационной работой Балашевича, которая до сих пор публиковалась маленькими отрывками и, пожалуй, не изучена полностью ни одним из специалистов. Теперь она включена в сферу исследований как русских, так и польских авторов. Однако в целом царских агентур-

ных материалов значительно больше. Важные и достоверные высказывания находим мы также в переписке царских сановников и донесениях, присылавшихся в Петербург как из Польши, так и из-за границы;

д) воспоминания — по нашей теме их никогда не было много. К известным уже до 1945 г. добавились небольшие сообщения П. Домбровской, А. Сераковской, Э. Кучевского-Порая. Мы располагаем также новым, расширенным изданием воспоминаний Л. Пантелеева;

е) биографические материалы, касающиеся русских, участвовавших в польском движении, и поляков — в русском. Эти, до сих пор неиспользованные, источники в руках В. А. Дьякова оказались исключительно полезными, в частности, потому, что они явились пригодными для статистического анализа. Наибольшее число этих материалов хранится в Центральном военно-историческом архиве в Москве, располагающем богатым собранием дел о прохождении службы офицерами.

Из области новых фактов и новых концепций я обращаю внимание только на некоторые достижения.

Первое — это выяснение масштабов русско-польского революционного сотрудничества. Новейшие выводы советских исследователей склоняют нас к пересмотру взгляда, что здесь якобы речь шла о независимых друг от друга движениях, которые только на каком-то этапе вступили во взаимодействие. Сейчас, пожалуй, следует говорить, что оба движения имели общие истоки. Первые кружки, возникшие в петербургских военных школах, а также в чиновничьей и студенческой среде, состояли (в разной пропорции) из русских, поляков и представителей других национальностей, выходцев из среды беспоместного дворянства. Эти кружки сотрудничали между собой — и из них вышли как «Земля и Воля», так и польская организация красных. Особенно знаменательным является факт, установленный советскими исследователями, гораздо более близкого, чем казалось до сих пор, сотрудничества и дружбы двух главных инициаторов этой деятельности: Чернышевского и Сераковского. Напомним также некоторые цифровые данные: около 400 участников петербургских кружков, состоявших, примерно, на половину из русских и поляков, 449 участников Комитета офицеров 1-й армии, среди которых около 40% русских; по крайней мере 300 русских, украинцев и белорусов, сражавшихся в рядах польского восстания (240 — наверняка и 60 — правдоподобно) и т. д., и т. д.

В прежних исследованиях (и даже еще в послевоенной книге Ю. Ковальского) отмечались только некоторые, наиболее широко известные проявления сотрудничества революционеров двух стран: декларации «Колокола» и «Великорусса», лондонские и петербургские переговоры посланцев Центрального комитета, драматический жизненный путь Потемни, казанское дело, мариенгаузенское дело и т. д. По всем этим вопросам мы получили в последнее время новые, более основательные исследования, а иногда и по несколько на одну и ту же тему. Кроме того, были выявлены новые аспекты сотрудничества: прежде всего пропаганда в пользу поляков в рядах царской армии. Это связано прежде всего с деятельностью Комитета офицеров 1-й армии, возникновение, организация, планы и способы действия которого мастерски воссозданы на основании обрывков документации. Второй такой, недавно открытый факт из истории вышеуказанного союза — это «красноярско-канский» разговор в Сибири уже после поражения восстания. Я не упоминаю другие эпизоды меньшего значения. В итоге можно сказать, что новые исследования расширили наши представления как о числе сотрудничавших с обеих сторон революционеров, так и о характере их сотрудничества, а также взаимности оказываемых друг другу услуг. Все это позволяет нам лучше по-

нять развитие лагеря красных перед восстанием, и уверенность в себе его руководителей во главе с Ярославом Домбровским. Такое же мобилизирующее воздействие оказывал союз с поляками на руководителей «Земли и Воли».

Выяснение положительных аспектов сотрудничества двух народов, его широких масштабов, идейного характера и т. д. отвечало стремлениям политических кругов обеих стран, искавших в историческом прошлом корни нынешнего польско-советского братства. Этот актуальный мотив не освобождал, однако, историка от постановки кардинального вопроса, а именно: почему этот союз, настолько более сильный, тесный, активный, чем это полагали историки раньше, не принес союзникам победы? Почему соглашения в октябре и декабре 1862 г. не принесли результатов в 1863 г.? Вопросы эти тем более важны, что на них всегда делали упор те исследователи и комментаторы, которые были заинтересованы в осуждении самой идеи союза с революционной Россией — именно как союза бесполезного.

Советские и польские историки не уклонились от ответа на эти вопросы. Правда, до сих пор они не пришли к единому мнению, что же сыграло главную роль в судьбе союза. Выдвигаются разные причины без попыток определения их степени важности, что, как известно, является делом особенно трудным. Эти причины можно свести в следующие три группы:

а) противодействие царского правительства: аресты руководителей подполья в обеих странах (Чернышевского, Домбровского и др.); рекрутский набор, который заставил Центральный комитет ускорить начало восстания, хотя подготовка к нему, особенно русских революционеров, не была еще закончена; провокационные интриги Балашевича, приведшие к ухудшению отношений между Герценом и Национальным правительством. Это явление довольно частое: конспиративное движение начинает приговариваться к восстанию, когда в той или иной форме констатирует наличие «кризиса верхов», не предвидя того, что прежде, чем подготовка будет закончена «кризис верхов» может миновать (иногда он преодолевается именно в результате роста опасности революции), и тогда правительство переходит в контрнаступление;

б) ошибка в расчете русской стороны. Речь идет, главным образом, об ожидании новой волны крестьянских выступлений весной 1863 г. Но ее не было. Вопреки ожиданиям землевольцев половинчатая реформа 1861 г., хотя и воспринятая крестьянами как несправедливость, разрядила революционные настроения в деревне. Русское революционное движение оказалось слабее, чем предполагали русские и польские союзники;

в) неправильное отношение польской стороны к союзу с русскими. Что его не хотели руководители белых — это очевидно. С момента, когда белые получили перевес в Национальном правительстве, контакты с русскими практически были прерваны. Но дело не только в белых. Противником союза с революционной Россией был также Мерославский — не как консерватор, а как националист. Центральный национальный комитет (ЦНК) решительно отмежевался в этом пункте от Мерославского, но в момент начала восстания наделил его диктаторскими полномочиями. Замешательство, возникшее из-за этого, отразилось и на польско-русских отношениях. Более того: в отсутствии веры в действенность союза с Россией можно упрекнуть даже сам Центральный комитет. Как известно, он не был политически однородным. К концу 1862 г. в рамках подготовки к уже близкому взрыву ЦНК устанавливает личные контакты с поляками-офицерами в царской армии, сотрудничеством которых хочет заручиться. Как будто не существовало Комитета офи-

церов 1-й армии, который должен был перетянуть на сторону восстания и польских и, прежде всего, русских офицеров. Бакунин упрекал Временное правительство, что оно начало вооруженную борьбу с ночного нападения на русские гарнизоны, т. е. на русских солдат — именно тех, кого должно было стараться привлечь на свою сторону. Известные нам попытки привлечения к восстанию офицеров или целых русских отрядов ночью 22 января были немногочисленными и не удались. Потому ли, что не были реальны? Или потому, что не хотели их предпринимать? Или в замешательстве тех переломных дней никто не уделил должного внимания этому вопросу, как и многим другим, не менее важным? Заслуживает внимания, что среди руководителей, действовавших в ночь на 23 января 1863 г., один только Падлевский полностью понимал идею русского союза. Но следует признать, что он не оказался в эту ночь на должной высоте. Упоминание в некрологе Огарева, посвященном Потебни, о русском «Легионе», который должен был тогда выступить и не выступил, слишком туманно, чтобы на его основе можно было воссоздать ход событий.

От подведения итогов достижений перейдем теперь к вопросам и задачам. Мне кажется, что проблема причин неудачи союза еще требует дальнейшего изучения. Сегодня перед нами стоят два альтернативных вопроса: отошла ли польская сторона от русского союза потому, что он для нее оказался бесполезным или даже нежелательным? Или наоборот, революционный польско-русский союз оказался бесполезным (недейственным) потому, что польская сторона от него отошла? Я предложил бы несколько иную формулировку альтернатив: в какой мере неудача союза была неизбежной, а в какой мере была следствием вины той или иной стороны. Ставя этот вопрос, мы не рассчитываем на однозначный ответ. С научной точки зрения тезис, что союз не мог быть осуществлен, недоказуем.

В известном письме редакторам «Колокола» Центральный комитет подчеркивал объективную разницу в целях обеих организаций: «Русское движение — земское, наше — национальное». Это различие, однако, само по себе не исключало сотрудничества. Даже наоборот: национальное польское движение, чтобы иметь шансы на победу, должно было стать также социальным, форсируя наделение крестьян землей. И наоборот, русское революционное движение, чтобы иметь шансы на победу, должно было учитывать национальный вопрос, признавая право на отделение других наций, поработенных царизмом. Опасность противопоставления «земское движение — национальное движение» заключалась в другом, а именно: национальный лозунг имел в Польше притягательную силу не только для революционеров, но и для «умеренных»; из-за этого каждому польскому восстанию грозила опасность овладения им со стороны белых, т. е. сил, враждебных союзу с революционной Россией. Однако, постановка вопроса о том, был ли неизбежным захват руководства движением белыми, в том числе в 1863 г., завела бы нас слишком далеко.

Другой проблемой, о которой шел спор во время лондонских переговоров в октябре 1862 г., были, как выражался Герцен, «провинции», а в терминологии польских деятелей «Литва и Русь», другими словами — Литва, Белоруссия и Украина. Националистические элементы из лагеря красных, классическим представителем которых был Мерославский, игнорировали существование на этих землях других национальностей, кроме польской, и выдвигали в связи с этим лозунг единого централизованного государства в границах 1772 г. ЦНК признавал национальную обособленность «литовцев и русинов», но стремился удержать эти земли в союзе с Польшей. Компромисс, достигнутый в Лондоне в октябре

1862 г. и подтвержденный в декабре того же года в Петербурге, состоял в том, что «Литва и Русь» должны начать борьбу под руководством Варшавы, зато после победы смогут принять решение о своем будущем.

Компромиссы такого рода никогда не бывают без «задних мыслей» с обеих сторон. Польская сторона могла предполагать, что совместно завоеванная победа до такой степени сплотит участвовавшие в борьбе народы, что о разрыве союза не возникнет и речи. Русская сторона, т. е. «Земля и Воля» не имела ни в Вильно, ни в Киеве поддержки, которая бы обосновывала ее претензии на руководящую роль на этой территории. Подписывая союз с поляками, она оговаривала себе право сформулировать после победы свое мнение по этому вопросу. Однако следует обратить внимание, что компромисс был заключен без участия заинтересованных. Литовский провинциальный комитет, хотя и состоял в большинстве из несомненных поляков, не признавал руководства Варшавы. Провинциальный комитет Украины признавал это руководство, но не мог претендовать на представительство украинского народа. Дороги украинских и польских демократов в Киеве разошлись уже в 1861 г. Были две главные причины, по которым украинцы отказывались поддерживать польские национальные устремления. Во-первых, они опасались, что союз с Польшей укрепит на их территории силу польского элемента; во-вторых, они отвергали границу 1772 г. потому, что она делила их земли между двумя государствами.

Восстание 1863 г. охватило Литву в марте, на Украине же началось только в мае. В Варшаве белые уже овладели тогда руководством, что отразилось на составе местных властей «Литвы и Руси». Все заявления национального правительства того периода признают национальную специфику этих земель и автономию управляющих ими органов, а также равноправие литовского и украинского языков. В то же время они ни словом не упоминают о послевоенном праве на самоопределение, предусмотренном в соглашении с «Землей и Волей». Близкая к красным «Газета Народова» указывала на печать правительства как на символ разрешения национального вопроса в Польше. «Одна корона — это одна польская республика, три герба рядом друг с другом под короной — это три народа, добровольно объединенных, как равные с равными». Как будто взрыв восстания на «Литве и Руси» можно было уже толковать как плебисцит всего народа этих земель в пользу Польши!

Обмен мнениями между львовской «Громадой» и Траугуттом в январе-феврале 1864 г. дает возможность выявить различие их позиций. «Громада» требовала: пусть поляки помогут украинцам добиться независимости; пусть позволят им самоуправляться; за это после победы украинцы вступят в федерацию с Польшей, «Громада» принимает на себя обязанность подготовить к этому русинов в более или менее отдаленное время». Траугутт в ответ выдвигал следующие принципы: 1) поляки, живущие на Украине и ведущие борьбу с царизмом, не являются для нее чуждым элементом — они останутся также равноправными гражданами освобожденной Украины; 2) возвращение к границам 1772 г. необходимо для Польши. Освобождение же Заднепровской Украины — это вопрос далекого будущего; 3) освобожденная Украина получит в рамках единого с Польшей государства автономию «на широчайшей демократической основе»; 4) помощь, оказываемая поляками украинской нации будет зависеть от участия украинцев в совместной борьбе с царизмом.

Сопоставляя эти две декларации начала 1864 г., мы должны помнить, что правительство Траугутта находилось в тот момент на краю гибели, львовская же «Громада» была небольшой интеллигентской группой, не имевшей влияния на Киевщине. Дискуссия между этими партнерами по-

висла в пустоте; она была оборвана в результате поражения восстания. Нас сегодня она интересует единственно потому, что выявляет расхождение точек зрения обеих сторон. Зная закономерность развития национальных движений в других районах Европы, можно предполагать, что поражение царизма в 1863 г. в короткое время поставило бы в повестку дня весь комплекс национальных проблем в бассейне Днепра и Немана, а это повлияло бы на отношения между освобожденной Польшей и революционной Россией. Не вдаваясь в дальнейшие фантазии, ограничимся выдвижением гипотезы: соглашение о «провинциях» между ЦНК и «Землей и Волей» не ограждало Польшу и Россию от споров по поводу границ в будущем. Однако эта перспектива отнюдь не препятствовала сотрудничеству в борьбе против общего врага.

В своем донесении Национальному правительству от 26 июня 1863 г. Юзеф Цверчакевич так объяснял свои отношения с Бакуниным: «Нам казалось, что в Литве, где восстание еще не началось, где еще не возникло ожесточения между народом и армией, можно будет при помощи Бакунина создать русский легион и вызвать смятение в рядах неприятеля. Увлечение этой мыслью — мой единственный грех», Цверчакевич в этом письме оправдывается за неудачу кампании Лациньского. Можно сожалеть, что этот подлинно красный понимал союз с «Землей и Волей» как важную диверсию, а не как фактор общеевропейской аграрной революции. С другой стороны, Бакунин также видел в польском восстании прежде всего благоприятное обстоятельство, которое увеличивало шансы свержения царизма в России. Подобные расхождения во взглядах существуют почти в каждом международном союзе, что не всегда уменьшает их действенность. Если мы констатируем, что польско-русский революционный союз сто лет тому назад был трудным делом, в обеих странах встречал сопротивление, не исключал конфликтов в будущем, то это отнюдь не уменьшает его исторического значения. Трудно решить, мог ли он тогда принести победу обоим партнерам. Однако очевидно, что польская сторона не использовала всех, заключенных в нем возможностей.

Наконец, нужно помнить не только о разочаровании, связанном с упадком союза, но и о том, что он конкретно принес. А он принес левой группировке польских красных живительный контакт со средой более радикальной, чем польская, расширил ее горизонты, повысил ее боевитость и уверенность в себе. Припомним ту огромную роль, которую сыграла в восстании группа Сераковского—Домбровского—Падлевского—Бобровского. Каким было бы восстание 1863 г. без этих четырех людей? Совершенно очевидно, что своей быстрой карьерой в лагере красных они обязаны в огромной мере тому, что опирались на русское революционное движение.

Другая группа проблем, связанных с нашей темой и требующих дальнейшего изучения — это анализ мотивов участвующих в движении людей: русских — в польском движении, поляков — в русском. Мы отыскиваем в источниках неизвестные и забытые имена, окружаем заслуженным почетом этих первых борцов за общее дело. Мы стараемся также раскрыть механизм, который направлял представителей обеих наций на путь, не типичный для своего времени.

Первый ответ, который напрашивается: подлинная демократия должна быть интернациональной, кто хочет освобождения собственной страны должен поддерживать такие стремления соседних народов, обоюдные интересы требовали сотрудничества врагов царизма в России и в Польше — эти эмоционально-рассудочные соображения объясняют позицию идеологов и руководителей. Объясняют революционное русофильство Леле-

веля, полонофильство Герцена. Но не объясняют еще, почему на путь сотрудничества встали в середине прошлого столетия сотни именно этих, а не других людей. Некоторый процент из них, как нам представляется, стоял на меже, разделявшей обе народности. Стоило бы подсчитать сколько среди пионеров польско-русского согласия детей от смешанных браков. Обычно дети от таких браков сливаются с той нацией, среди которой живут. Однако они часто стараются сохранить двойную национальность, посвящая себя делу сближения двух наций, с которыми чувствуют себя одинаково связанными. В либеральном лагере классическим примером такой позиции был Владимир Спасович. Следует обратить внимание, что среди русских, сражавшихся в восстании, у Андерсена, «Атамана», Безкишкина и как будто у Лёвкина матери были поляками. Естественно, это не означает, что они считали себя поляками, — но в то же время может объяснить их польские симпатии.

Левую группировку красных, которая заключала соглашение с русскими революционерами, Мерославский клеймил «как петербургскую заразу». Этими словами он подчеркивал тот очевидный факт, что мысль союза с русским движением шире и быстрее привилась среди поляков, пребывавших в Петербурге, конкретно среди учащейся молодежи. В этом нет ничего удивительного. Поляк, живущий в самой Польше, сталкивался с русскими как с представителями аппарата репрессий; свою ненависть к царизму он помимо воли переносил на весь русский народ. Польские студенты в университетах империи знали «другую Россию», как ее интеллектуальную элиту, так и оппозиционные круги. Добавим, что эти студенты были в огромном большинстве с окраины и значительно лучше были знакомы с национальной проблематикой Литвы, Белоруссии и Украины, чем их соотечественники с Вислы. Итак, пребывание в России способствовало сближению определенных польских групп с русскими левыми кругами.

Влияло ли аналогичным образом длительное пребывание в Польше на некоторые группы русских, а именно, на молодых офицеров? Этот вопрос заслуживает изучения. О влиянии польской действительности на многих русских солдат, служивших в Польше, убедительно пишет И. С. Миллер. Наиболее выдающиеся деятели Комитета офицеров 1-й армии имели многолетний стаж службы в гарнизонах Королевства. Раздаются голоса, что военный мундир создавал барьер, который изолировал офицеров оккупационной армии от местного общества. Хотелось бы знать, была ли эта изоляция пожеланием патриотической общественности или действительно соблюдавшимся канонам. Хотя общение молодых русских офицеров с польскими кругами было затруднительным, они неизбежно реагировали на атмосферу, господствовавшую в стране, особенно с конца 1860 г. Для мыслящего, чуткого, внутренне порядочного молодого интеллигента-офицера вид Варшавы в трауре, климат «моральной революции» был во многих случаях потрясением. Он убеждал в справедливости польского дела и, тем самым, в несправедливости действий царизма в Польше. Некоторые реагировали на это спонтанно, отказывались участвовать в репрессивных действиях. Более многочисленные группы тайно объединялись для совместной с поляками революционной деятельности.

Детальные исследования в последние годы, посвященные участию русских в восстании 1863 г., выявили факт, который заставляет задуматься. Среди нескольких сот русских офицеров, участвовавших в подполье накануне восстания в Польше, только небольшая часть оказалась в польских рядах после 22 января 1863 г. Причины были разные: арест, перемещение, отставка, разочарование в характере польского движения, инстинкт

самосохранения, который подсказывал маскировать удвоенным рвением недавний флирт с революционным подпольем. Зато ряды борцов с царизмом пополняются в 1863 г. другими русскими, украинцами, белорусами и т. д., об участии которых в подполье перед восстанием нам ничего неизвестно. В большинстве это рядовые солдаты царской армии, т. е. с точки зрения военно-уголовного кодекса — дезертиры. Здесь нам недостает монографического исследования проблемы дезертирства в николаевской и александровской армии. Каков размах этого явления, чем оно было обусловлено, какова судьба этих беглецов в мирное и в военное время? Только на таком фоне мы можем проследить связь между дезертирством как постоянным явлением и участием дезертиров в восстании 1863 г. Усиливалось ли дезертирство под влиянием развернувшегося в Польше партизанского движения, поскольку оно увеличивало возможности укрытия дезертира? Может быть, в условиях партизанской войны дезертир не имел другого выхода, как присоединиться к повстанцам? Играли ли роль при переходе на сторону восстания и такие мотивы, которые в других условиях не стали бы поводом для дезертирства? Можно умножить вопросы. На сторону восстания переходила также часть взятых в плен солдат. В какой мере они оказались вынужденными это делать? Боялись ли они вернуться в свой полк? Пользовались ли они случаем, чтобы расстаться с царской шинелью? Приходили ли, и если да, то на какой основе — к убеждению, что служба у повстанцев лучше (более выгодна, более справедлива), чем служба в карательной армии? Ясно, что документы только в небольшой степени дадут ответ на поставленные в этом докладе вопросы. Но формулировка вопросов является первым, необходимым шагом в научном исследовании, является стимулом, который направляет поиск и в результате нередко приносит неожиданные плоды.

Очевидно, что изучение причин участия царских солдат в восстании 1863 г. не должно диктоваться оценочными мотивами. Польша сохранит благодарность всем русским, пролившим кровь за ее дело в 1863 г. или рисковавшим своей жизнью независимо от того, делали ли они это из симпатии к нашей стране, из чувства справедливости, из чувства солидарности польского и русского революционного движения, или потому, что оказались в безвыходном положении или хотели вырваться из-под фельдфебельской палки. Подобным образом обстоит дело с поляками, которые в то же самое время участвовали в революционном движении в глубине России. Одни делали это с верой в правоту революции, другие, признавая единство интересов русской революции и борьбы за независимость Польши; третьи думали только об организации диверсии в тылу царской армии. Все они достойны памяти в той мере, в какой их деятельность объективно служила делу свержения царизма.

Наша сессия посвящена историческому обзору развития революционного польско-русского союза в XIX в. Это обязывает нас определить, какое место в этом развитии занимает этап 1861—1864 гг. На него, несомненно, приходится качественный скачок. В 20-е годы прошлого века существовали первые контакты такого типа, контакты чрезвычайно знаменательные, но не увенчавшиеся ни совместными действиями, ни соглашением, ни даже взаимопониманием. В 30-е и 40-е годы отдельные русские сотрудничали с польским подпольем, а отдельные поляки участвовали в русском подполье. В 1847 г. Бакунин, в 1854 г. Герцен объявили всему миру о существовании «другой России», которая исправит несправедливость, причиненную Польше. Но только в 60-е годы идея Пестеля и Лелевеля, Конарского и Кузьмина-Караваева, Герцена и Ворцеля была воспринята сотнями представителей обеих наций, закреплена в формальном соглашении двух руководящих организаций и под-

держана эффективными пропагандистскими и военными действиями. С перспективы столетия нам легко сейчас подчеркнуть очевидность великого лозунга: за нашу и вашу свободу, утверждать, что солидарность революционного движения в России и в Польше понятна сама собой. Сто лет назад она вовсе не была понятна сама собой! Как раз наоборот, поборники этой концепции должны были ломать воздвигнутую в течение веков стену предрассудков, недоброжелательности, острых обоюдных претензий. Против них велась в России и в Польше враждебная пропаганда, утверждавшая, что сторонники революционного союза якобы продались извечному врагу. Сераковского и Падлевского сторонники Меровского проклинали как «новую Тарговицу». Сторонников Герцена Ратч именовал «панурговым стадом». Не легко тогда было идти против течения, приходилось расплачиваться жизнью или честью.

Первый залп карательного взвода в Модлинской крепости 27 июня 1862 г. оборвал жизнь Аригольда, Сливичко и Ростковского. Последний залп карателей в период январского восстания раздался 4 декабря 1866 г. во рву Варшавской цитадели — был расстрелян капитан Митрофан Подхалюзин, казачий офицер, участник восстания из корпуса Босака. Царские репрессии в Королевстве начинаются и кончаются казнями русских офицеров, которые боролись на польской стороне. В те самые годы (1864—1865) в отстоящей на 2000 верст от Варшавы Казани было расстреляно пять поляков за революционную агитацию среди русских. Царские смертные приговоры свидетельствовали о новом историческом явлении: о возможности преодоления насаждавшейся веками розни между народами — именно на развалинах царизма.

М. М. КУЧИНКО

НАСЕЛЕНИЕ БАСЕЙНА ВЕРХНЕГО САНА И ВИСЛОКА В IX—XIII веках

Территория, расположенная в бассейне верхнего течения Сана и Вислока, издавна привлекала к себе внимание исследователей — историков и археологов. Основное направление исследований шло в русле изучения этой территории как русско-польского и русско-венгерского пограничья в связи с анализом политических отношений между соседними государствами в раннем средневековье. В украинской историографии этой территории посвящены работы М. Грушевского¹, М. Кордубы² и др., в советской — В. Д. Корольюка³, А. А. Ратича⁴ и Я. Д. Исаевича⁵. Вопросы русско-польского пограничья в польской историографии посвящено несколько работ С. Кучинского⁶, Ф. Персовского⁷ и др.

Названные выше ученые опирались главным образом на письменные источники и решали вопрос этнической и политической принадлежности рассматриваемой территории в раннем средневековье, именно исходя из этих данных.

Для объяснения многих вопросов, связанных с историей этой территории, большое значение имеют археологические исследования, которые в прошлом имели главным образом разведывательный характер, а начиная с 50-х годов XX в. стали проводиться систематически.

В результате исследования городищ, неукрепленных поселений и могильников накоплен довольно значительный материал, который дает возможность в какой-то степени объяснить некоторые вопросы истории населения, обитавшего в бассейне верхнего Сана и Вислока в IX—XIII вв.

Археологическими исследованиями открыто на этой территории около двух десятков городищ, расположенных главным образом на речных

¹ М. Грушевський. Історія України — Руси, т. I. Львів, 1904.

² М. Кордуба. Західне пограниччє Галицької держави між Карпатами та долиниім Сяном. Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. СХХХVIII—СХI, Львів, 1925.

³ В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.

⁴ О. О. Ратич. Західноукраїнські землі в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості. В кн. Торжество історичної справедливості. Львів, 1968, стор. 44—50.

⁵ Я. Д. Ісаєвич. До питання про розселення східнослов'янських племен в X ст. Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. Київ, 1964, стор. 84—87; е го же. Джерела про західні межі української етнічної території в період феодалізму. «Український історичний журнал», 1968, № 12, стор. 78—81.

⁶ S. M. K u c z y Ń s k i. Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa 1965.

⁷ F. P e r s o w s k i. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X—XI w. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

надпойменных террасах. Часто характер укрепления городищ подчинен рельефу местности, как это видно на примере городищ в Трепче⁸.

Как правило, городища были укреплены земляными валами и рвами, следы которых в большинстве случаев сохранились до наших дней, а это дает нам возможность произвести классификацию городищ.

Городища небольших размеров (100 × 30 м) были окружены одним валом и рвом (Белая Гора возле Санока⁹ и Гочев Леского повята¹⁰). Городища сложного типа площадью до 4—6 га — тремя (Тырава Волошская, Мимонь Саночского повята¹¹) и даже четырьмя (Трепча I¹², Трепча II¹³) валами. Следы валов выявлены на городище в Тыраве Сольной Саночского повята¹⁴, Лукавице и Собени Леского повята¹⁵. На рассматриваемой территории имеются также городища, следов укреплений на которых нет, но они либо упомянуты в письменных источниках, либо о них говорят названия местностей типа «городок», «городище», «гродзиско», «валы» и т. п. К ним можно отнести Санок, Голучков, Куляшное, Лупков, Страхоницу, Большой Вислок Саночского повята, а также Городок, Мычковцы, Новоселки Леского повята и др.¹⁶.

В результате археологических раскопок на некоторых городищах установлено, что в основании земляных валов были деревянные конструкции, которые служили для их укрепления.

Тип внутривальной конструкции удалось с точностью определить только на городище Мимонь, где М. Габальская открыла несколько деревянных срубов, засыпанных землей¹⁷, типичных для древнерусского оборонного зодчества. На городище Трепча II был сделан разрез вала и обнаружены обугленные деревянные конструкции, тип которых из-за плохой сохранности определить точно не удалось¹⁸. Возможно, это были срубы. Подобная ситуация обнаружилась в Гочеве¹⁹ и Тыраве Сольной²⁰. По-видимому, иная техника укрепления вала была применена на городище Трепча I, где у основания вала было обнаружено значительное количество обработанных камней²¹.

На основании типов городищ и вещевого материала, преимущественно керамического, к IX—X вв. можно отнести первое и второе городища в Трепче²²; X—XI веками исследователи датируют городища в Гочеве²³, Мимоне²⁴ и Тыраве Сольной²⁵; XII—XIII вв. — городища в Саноке и в

⁸ A. K u n y s z. Grodziska w województwie Rzeszowskim. Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za rok 1966. Rzeszów, 1968, s. 75—76.

⁹ Ibid., s. 41.

¹⁰ Ibid., s. 48.

¹¹ A. K u n y s z. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w granicach dawnej Ziemi Sanockiej ze szczególnym uwzględnieniem Sanoka w świetle źródeł archeologicznych. Rocznik województwa Rzeszowskiego. R. III. Rzeszów, 1963, s. 68.

¹² T. Ż u r o w s k i. Trepcza, grodzisko pod Sanokiem. «Światowit», t. XXI, Warszawa, 1955; s. 325, rys. 2.

¹³ L. G a j e w s k i. Grodzisko we wsi Trepcza, pow. Sanok. Wiadomości Archeologiczne, t. XXVII, 1962, s. 326—327.

¹⁴ L. G a j e w s k i. Grodzisko w Tyrawie Solnej, pow. Sanok. Acta Archeologica Carpathica, t. I, z. 2, s. 239—241, rys. 1.

¹⁵ A. K u n y s z. Grodziska..., s. 59, 60.

¹⁶ Ibid., s. 29.

¹⁷ Informator Archeologiczny. Badania 1969 r. Warszawa, 1970, s. 282.

¹⁸ L. G a j e w s k i. Grodzisko we wsi Trepcza..., s. 326—327.

¹⁹ A. K u n y s z. Grodziska..., s. 48.

²⁰ Z. G a j e w s k i. Grodzisko w Tyrawie..., s. 239—241.

²¹ T. Ż u r o w s k i. Trepcza..., s. 326.

²² A. K u n y s z. Grodziska..., s. 31.

²³ A. Ż a k i. Karpacka Ekspedycja Archeologiczna w latach 1951—1955. «Sprawozdania Archeologiczne», t. V, Kraków, 1959, s. 196.

²⁴ L. G a j e w s k i. Zamczysko w miejscowości Mymon, pow. Sanok. Acta Archeologica Carpathica, t. I, z. 1, s. 119.

²⁵ L. G a j e w s k i. Grodzisko w Tyrawie..., s. 239—241.

с. Белая Гора²⁶. Санок впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1150 г. в связи с захватом его венгерским королем Гейзой²⁷. Еще два раза город упоминается в 1202 и 1231 гг. в связи с русско-венгерскими военными конфликтами²⁸. Так что эта датировка подтверждается и письменными данными.

В бассейне верхнего Сана и Вислока открыто и частично исследовано несколько поселений сельского типа, которые концентрировались вокруг городищ. Это поселения в г. Кросно, в селах Райское, Мичковцы и Угерцы Леского повята, Лобозев Устриковского повята и др., где были обнаружены археологические материалы, относящиеся к IX—XIII вв.²⁹

Во время раскопок городищ и поселений было исследовано несколько жилищ и хозяйственных объектов. Жилища-полуземлянки размером 3×4 м были открыты в Санокке на площади Рынок и улице Замковой. В них находились древесные угли, куски стеной обмазки и фрагменты гончарных сосудов XII—XIII вв.³⁰ На Замковой горе открыта эллипсоидная яма размером $3 \times 1,8$ м и следы от столбов³¹. Несколько жилищ полуземляночного типа открыто в Кросно на площади Рынок и улице Сенкевича, на поселениях в Райском, Новоселках и Лобозеве³², а на поселении в с. Копытово Кросненского повята исследовано несколько ям для хранения зерна³³.

Важную группу археологических памятников составляют могильники. На интересующей нас территории они представлены курганными могильниками с трупосожжением и грунтовыми бескурганными с трупоположением. Первый тип представлен могильником в Треще и Риманове-Здрое Санокского повята, где насчитывается около ста курганов диаметром $3—5$ м высотой до 1 м. Во время археологических раскопок, проведенных И. Яновским, под курганной насыпью был обнаружен слой древесного угля, сожженных человеческих костей и фрагменты керамики, датированной IX—X вв. Исследования дали возможность изучить похоронный ритуал. Сожжение покойника было произведено в определенном месте, после чего остатки кремации были перенесены на место погребения, предварительно очищенное от травы. После этого над прахом умершего насыпали курган. На основании похоронного ритуала и обнаруженных материалов автор раскопок датирует могильник IX—X вв.³⁴

Другой тип погребений представлен грунтовыми могильниками с трупоположением, открытыми в Санокке и Гачове Бжозовского повята. В 1961 г. во время раскопок на Замковой горе в Санокке было обнаружено пять захоронений. Покойники лежали на спине головами на запад. Возле них были найдены фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге, и железные втульчатые двухшипные наконечники стрел. Керамический материал и наконечники стрел позволяют датировать могильник XII—XIII вв.³⁵

²⁶ A. K u n y s z. Osadnictwo wczesnośredniowieczne..., s. 88—90.

²⁷ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. II, стр. 406.

²⁸ Там же, стр. 717, 764.

²⁹ A. K u n y s z. Osadnictwo wczesnośredniowieczne..., s. 66, карта.

³⁰ A. K u n y s z. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych na terenie Sanoka i okolicy. Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za r. 1962. Rzeszów, 1962, s. 26—27.

³¹ Ibid., s. 25.

³² A. K u n y s z. Osadnictwo wczesnośredniowieczne..., s. 75.

³³ Ibid., s. 75.

³⁴ J. J a n o w s k i. Sprawozdanie z badań archeologicznych, prowadzonych przez Muzeum w Krośnie w r. 1962. Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za r. 1962. Rzeszów, 1962, s. 28.

³⁵ A. K u n y s z. Sprawozdanie z badań..., s. 25.

В Гачове открыт ряд погребений под фундаментами деревянной церкви XV в. Здесь скелеты также лежали на спине, но головами на восток. В одном погребении были найдены две металлические пряжки. Этот могильник также датируется XII—XIII вв.³⁶

На территории городищ, поселений и могильников обнаружен в довольно незначительном количестве археологический материал, основную часть которого составляет керамика. Она представлена фрагментами лепных или частично обточенных на гончарном круге горшков и сосудов, полностью изготовленных гончарным способом.

Керамика первого типа найдена в Трепче и Гачеве. В керамическом тесте имеется большая примесь крупнозернистого песка. Эти сосуды толстостенные. Их форма яйцевидная, либо банковидная. Они орнаментированы полосами волнистых линий, нанесенных гребешком. Встречаются фрагменты горшков без орнамента (рис. 1; 1, 2, 4). Эта группа керамики датируется VIII/IX—X вв.³⁷

Керамика второго типа представлена фрагментами тонкостенных горшков, изготовленных на гончарном круге. В тесте имеется незначительная примесь мелкозернистого песка. Формы сосудов имеют профиль в виде латинской буквы S. Венчики сильно отогнуты наружу, их края разнообразно профилированы (рис. 1; 6, 7).

Доминирует орнамент, состоящий из углубленных прямых линий, иногда в сочетании с волнистой линией, расположенной под шейкой сосуда. Донышки сосудов преимущественно плоские. Иногда на них имеется клеймо в виде креста в круге, звездочки и др. (рис. 1; 3, 8). Эта керамика найдена в Санокке, в Белой Горе, на городище Трепча II и датируется XI/XII—XIII вв.³⁸

На рассматриваемой территории были найдены и другие материалы. Это железный нож из Трепчи, две металлические пряжки из Гачова, железные удила (рис. 1, 14), два черешковидных пирамидальных противокольчужных наконечника стрел (рис. 1; 13) и один втульчатый наконечник арбалетной стрелы (рис. 1; 12) из Мимони, двухшпильные втульчатые наконечники стрел (рис. 1; 10) и шиферные пряслица (рис. 1; 5) из Санокка, железный листовидный наконечник копья (рис. 1; 11) из Вороблика Шляхетского и бронзовый складной крест-энколпион (рис. 1; 9) из Кросна. Эти находки датируются разным временем, но в рамках IX—XIII вв.

Рассматриваемая территория в раннем средневековье была в значительной степени покрыта лесами, особенно со стороны Карпат³⁹, и тем не менее она была довольно густо заселена, как это видно из расположения городищ и поселений. Заселение было наибольшим в долинах рек Сана, Вислока и Яселки, где почва благоприятствовала развитию земледелия и скотоводства, а леса давали дичь и пчелиный мед. Население привлекало и наличие соляных источников (около 800)⁴⁰. Кроме соли были небольшие залежи янтаря, употреблявшегося для изготовления украшений⁴¹.

Через эту территорию проходили два пути. Первый — с севера на юг, от Судомира вдоль Сана через Перемышль, Санок до Карпат и дальше. Второй — с востока на запад, через Санок, к верхнему бассейну Вис-

³⁶ H. Z o l l - A d a m i k o w a. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska szkieletowe Małopolski. Cz. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 53.

³⁷ A. K u n y s z. Osadnictwo wczesnośredniowieczne..., s. 79.

³⁸ Ibid., s. 88.

³⁹ F. P e r s o w s k i. Studia nad pograniczem..., s. 28—30 и карта.

⁴⁰ S. K u c z y Ń s k i. Z najstarszych dziejow Przemysła. Spawozdanie Wrocławskiego Tow. Nauk, t. V (1950), Wrocław, 1951, s. 112—113.

⁴¹ A. K u n y s z. Osadnictwo wczesnośredniowieczne..., s. 62.

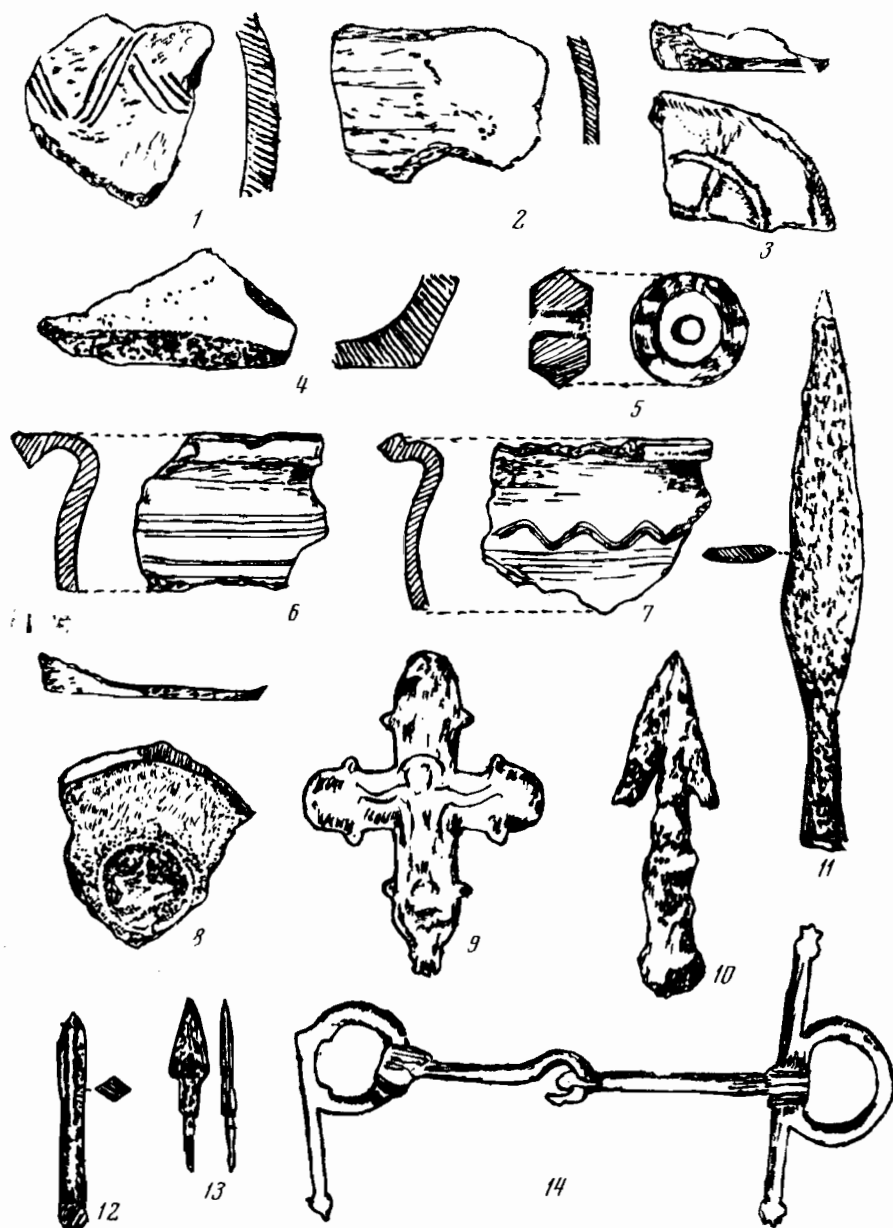

Рис. 1. Археологические материалы с территории верхнего Сана и Вислока: 1, 2, 4 — керамика из могильника в Трепче; 3, 5—8, 10 — фрагменты керамики, шиферное пряслице и железный наконечник стрелы из Санюка; 9 — бронзовый энколион из Кросна; 11 — железный наконечник копья из Вороблика Шляхетского; 12—14 — железные наконечники стрел и удила из Мимони

лока и Вислоки на Кросно, Беч, Краков и Прагу⁴². Кроме этих основных путей существовали и локальные дороги. Именно с направлением этих путей связано местоположение укрепленных городов, которые приобретали хозяйственное и военно-стратегическое значение.

Для определения места и роли памятников рассматриваемой территории и этнической принадлежности населения необходимо рассмотреть их на широком фоне синхронных памятников глубинных территорий Руси и Польши.

Как уже указывалось выше, городища и поселения располагались на берегах рек. Как правило, городища были укреплены одним-двумя, а иногда и тремя-четырьмя рядами валов, с внутривальной конструкцией в форме деревянных срубов (Мимонь, возможно Трепча II). Подобная конструкция валов характерна для древнерусского оборонного зодчества и была открыта в Киеве, Белгороде, Колодяжине, Райках и других городах древней Руси⁴³. Для древнепольского военного зодчества характерна колосниковая решетчатая внутривальная конструкция⁴⁴. На городищах и поселениях рассматриваемой территории были открыты жилища-полуземлянки (Санок, Кросно, Райское, Лобозев и др.), типичные для древней Руси⁴⁵. В ранне-средневековой Польше бытовали главным образом наземные срубные жилища⁴⁶.

Выше уже говорилось, что в бассейне верхнего Сана и Вислока открыты курганные кремационные могильники и грунтовые с труположением. Аналогии курганным могильникам с трупосожжением известны на территории как Руси⁴⁷, так и Польши⁴⁸, однако на интересующей нас территории они, по-видимому, принадлежат восточным славянам⁴⁹. Грунтовые погребения также известны на древнерусской и древнепольской территориях, но они уже связаны с христианизацией этих земель.

Переходя к рассмотрению керамики, следует отметить, что лепная керамика имеет много общих черт с керамикой соседних территорий, в чем проявляются черты славянской общности.

Более поздняя керамика представлена фрагментами сосудов с невысокой дугообразной шейкой, утолщенными профилированными венчиками и желобком с внутренней стороны для крышки. Донышки этих горшков преимущественно плоские. Аналогии этим сосудам известны в Киеве (XII—XIII вв.)⁵⁰, в Галиче⁵¹ и др. местах. Для Польши характерны другие формы керамики; нет, в частности, горшков с валикообразными краями венчиков, а донышки горшков в большинстве своем вогнуты⁵².

Элементами древнерусской культуры являются бронзовый крест-складень (энколпион) из Кросна и шиферные пряслица из Санoka, ибо

⁴² Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. В кн. История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 341—343; A. Kunysz. Z pradziejów wsi słowiańskich w Polsce południowo-wschodniej. Z otchłani wieków. R. XXVII, z. 2, 1961, s. 116.

⁴³ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. Материалы и исследования по археологии СССР, 52. М.—Л., 1956, стр. 73—106.

⁴⁴ J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Warszawa, 1962, s. 81—84.

⁴⁵ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 285—368.

⁴⁶ J. Kostrzewski. Ibid., s. 106.

⁴⁷ Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. В кн. История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 73—77.

⁴⁸ J. Kostrzewski. Ibid., s. 331—333.

⁴⁹ R. Janką. Wyniki badań wykopaliskowych w Rzeszowskim w 1962 r. Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za r. 1962. Rzeszów, 1962, s. 8.

⁵⁰ М. К. Каргер. Там же, стр. 416, рис. 96.

⁵¹ Я. Пастернак. Старий Галич. Краків — Львів, 1944, стр. 90.

⁵² A. Abramowicz. Ceramika z Czermna nad Huczwą. «Archeologia Polski», t. IV, z. 1, s. 158—159; J. Kostrzewski. Ibid., s. 383, rys. 301, 302.

аналогии им широко известны в древней Руси⁵³. Что же касается таких находок, как ножи, наконечники стрел и копья, то они с уверенностью не могут быть отнесены ни к одной из двух культур, ввиду своей интеррегиональности. Таким образом, этот краткий анализ свидетельствует о том, что материальная культура населения бассейна верхнего Сана и Вислока в IX—XIII вв. имела восточнославянский характер и была связана с культурой других районов Руси.

Первоначальное заселение этой территории многие авторы связывают с племенем хорватов⁵⁴, о которых говорит «Повесть временных лет», не указывая определенно их места жительства. Впервые летописец называет хорватов среди русских племен во время похода Олега на Византию в 907 г.⁵⁵ и затем в 992 г., когда их покорил киевский князь Владимир Святославич⁵⁶.

Иногда летописец называет хорватов белыми. Долгое время это название было непонятным. Только хорватский ученый С. Сакач⁵⁷, опираясь на древнеперсидскую географическую терминологию, дал ему правильное объяснение. Древние персы, а затем и турки называли стороны света не по солнцу, а по цвету. Так, черный цвет обозначал север, красный — юг, зеленый — восток, а белый — запад. Еще и поныне турки называют Средиземное море Белым (западным) в противовес Черному (на севере) и Красному (на юге). Видимо, эту географическую терминологию от персов заимствовали и славяне. Отсюда можно сделать вывод, что термин «белые хорваты» возник в восточнославянской среде для обозначения своих собратьев, живших на западе.

Итак, если «племенной» период истории рассматриваемой территории связывается с восточными (белыми) хорватами, то более поздний — связан уже со сформировавшейся древнерусской народностью, на что указывает анализ археологических материалов, а также данные топонимики. Названия населенных пунктов со словом «посада», «посад» в XI—XIII вв. обозначали древнерусские ремесленные и торговые поселения, расположенные вблизи города — детинца. На рассматриваемой территории известны Посады Саноцкая, Ядмерская, Заршинская, Римаповская Саноцкого повята, а также Посада Леская Леского повята⁵⁸.

На основании вышеизложенного можно попытаться разграничить поселенческие комплексы восточных и западных славян на рассматриваемой территории. Картографирование памятников показывает, что эта граница проходила между речьем Вислока, который является левым притоком Сана, и Висло́ки, правого притока Вислы. Так, если на левом берегу Вислока городище в с. Мимонь является восточнославянским, о чем свидетельствует срубная конструкция валов, то уже на Яселке, притоке Висло́ки, городище Ветшно-Бубрка у Дуклянского перевала было древнепольским, об этом говорит колосниковая конструкция валов и керамический материал⁵⁹. Далее на запад, в верхнем течении Висло́ки,

⁵³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

⁵⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 131—136, карта; R. J a m k a. Ibid., s. 8; F. P e r s o w s k i. Studia nad pograniczem..., s. 62.

⁵⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 21.

⁵⁶ Там же, стр. 106.

⁵⁷ S. S a k a č. Pravo značenja naziva «bijela» i «crvena» Hrvatska. Život, 1938, № 6.

⁵⁸ A. F a s t n a c h. Posady. «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. XV. Poznań, 1955, s. 155—156.

⁵⁹ A. Z a k i. Wietrznów — wczesnośredniowieczny gród graniczny w świetle badań lat 1952—1953. Wiadomości Archeologiczne, t. XXIV, z. 1—2, 1957, s. 1—32.

в городищах в Тшинице⁶⁰ и Пшечице⁶¹ внутривальная деревянная конструкция также была колосниковой, что говорит об их западнославянской принадлежности. Об этом же свидетельствует и найденный на городищах керамический материал.

Следует отметить, что порубежная линия между восточнославянскими и западнославянскими поселениями была в значительной степени условной, и довольно широкой полосой, а не узкой линией.

Что же касается политический принадлежности населения бассейна верхнего Сана и Вислока, то, по-видимому, до X в. здесь могло существовать самостоятельное политическое объединение. Этой точки зрения придерживались еще в прошлом столетии А. В. Лонгинов⁶² и В. Абрагам⁶³, в настоящее время — В. Д. Королук⁶⁴. Последний считает, что киевский князь Владимир Святославич, заинтересованный в богатых торговых путях, которые вели в Центральную и Западную Европу, столкнулся здесь с этими племенами и присоединил их к своей державе — Киевской Руси. Этому же мнению придерживается и А. А. Ратич⁶⁵. С этого времени рассматриваемая территория входила в состав Киевской Руси (исключая небольшой отрезок времени с 1018 до 1031 г., когда она принадлежала Польше) и Галицко-Волынского княжества. Центр политико-административной власти этой территории находился в Санюке. Из летописного сообщения под 1150 г. мы узнаем, что в Санюке был посадник.⁶⁶

Естественные богатства делали эти земли предметом вождения соседних феодальных государств. Ипатьевская летопись сообщает о русско-венгерских военных конфликтах из-за этих земель в 1150, 1202 и 1231 гг.⁶⁷. Пока Галицко-Волынское княжество было сильным, оно удерживало эту территорию, однако с ослаблением его к середине XIV в., вместе с другими западнорусскими землями она была захвачена польским королем Казимиром III и вошла в состав его монархии.

Итак, археологические материалы, данные письменных источников и топонимики говорят о том, что население, обитавшее в IX—XIII вв. в бассейне верхнего Сана и Вислока, было восточнославянским, древнерусским, а его культура была тесно связана с культурой других древнерусских земель.

⁶⁰ А. Купыш. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych na grodzisku w Trzcinicy, pow. Jasło. Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego za r. 1962. Rzeszów, 1962, s. 21—24.

⁶¹ А. Купыш. Grodzisko w Przeczycy, pow. Jasło. Wiadomości Archeologiczne, t. XXX, z. 1—2, 1964, s. 181—182.

⁶² А. В. Лонгинов. Червенские города. Варшава, 1885, стр. 60—65.

⁶³ W. A b r a h a m. Organizacja kościoła w Polsce. Lwów, 1893, s. 43—44.

⁶⁴ В. Д. Королук. Там же, стр. 88, 105.

⁶⁵ О. О. Ратич. Там же, стр. 45—46.

⁶⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 406.

⁶⁷ Там же, стр. 406, 717, 764.

А. ЛИПАТОВ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Проблемы периодизации литературы особенно актуальны в настоящее время, когда усилиями научных коллективов в разных странах создаются обобщающие труды по истории литературного процесса отдельных эпох или же национальной литературы в целом. При создании такого рода трудов проблема периодизации приобретает особое значение, ибо ее критерии накладывают отпечаток на саму интерпретацию эволюции литературного процесса.

Работы по истории национальных литератур, изданные у нас в минувшем десятилетии, свидетельствуют о продолжающемся влиянии традиций культурно-исторической школы XIX в. на наше литературоведение: литературные периоды отождествляются с этапами социально-политического развития общества и, в силу этого, заимствуются у историков вместе с выработанной ими системой критериев, применяемых к объекту истории, объекту, который не тождествен объекту литературоведения как самостоятельной науки, исследующей иную сферу человеческой деятельности. Заимствованные принципы периодизации диктуют и свою логику анализа литературных явлений: на первый план выдвигаются тематико-идеологические принципы — в отрыве от эстетических факторов, обуславливающих специфику образного мышления.

Игнорирование собственно литературоведческой научной системы и заимствование методов иной науки, имеющей иной специфический объект исследования, приводят в результате к тому, что в исследовании истории национальной литературы нет истории литературного процесса — есть лишь перечисление проблем, тем и идей в хронологическом порядке и во взаимосвязи с общими историко-экономическими процессами¹. Исчезает не только своеобразие исторического развития художественного видения и форм его воплощения — нивелируется и сама национальная специфика эволюции каждой отдельной литературы.

Подобная периодизация создана историками и (в применении к фактам искусства) устраивает историков, которые в своих исследованиях социально-политических, экономических, идеологических и культурных процессов часто восполняют общую картину, вводя аспект актуального отображения этих процессов в искусстве соответствующей эпохи. В исследова-

¹ О результатах периодизации литератур народов СССР по принципу — «литература периода индустриализации», «литература довоенных пятилеток» и т. п. — много говорилось в недавних дискуссиях украинских литературоведов, об этом писал и Г. Сивоконь («Вопросы литературы», 1969, № 1), справедливо указывая, что подобного рода принципы препятствуют воссозданию картины литературного процесса и его национальных особенностей.

ниях такого рода проблематика, тема и идея, их трактовка и разработка прежде всего интересуют ученого-историка и, естественно, выступают на первый план, нередко полностью, или почти полностью вытесняя эстетический аспект, который в данном случае, действительно, является второстепенным и для ученого и для целей и характера его исследования. Однако в литературоведении именно эстетический аспект является главным.

Разумеется, история общества определяет развитие литературы. Отрывать одно от другого нельзя. Но следует учитывать сложный характер этой взаимосвязи. Ведь никому не пришло в голову создать единую периодизацию для истории астрономии и мореплавания, или математики и машиностроения, или горного дела и архитектуры, хотя эти сопоставленные науки и находятся в определенной связи, как и все вместе связаны они с историей человеческой цивилизации. Так почему же периодизация истории страны до сих пор является и периодизацией истории литературы?

Каждая наука (как и история каждой науки) оперирует своими, внутренне ей присущими критериями, отражающими ее специфику, обусловленную самим развитием исследования, объектом данной конкретной науки. Подобная ситуация была бы естественной и для литературоведения, в частности для истории литературы.

Итак, периодизация, заимствованная литературоведами у историков, служит лишь историкам — иллюстрирует отображение определенных исторических процессов в художественной литературе, но не дает представления о сущности развития литературного процесса как философско-эстетического целого. Показывая, что отображала литература на определенных этапах общественного развития, какими общественными идеями она жила, какие общественные тенденции она воплощала, эта периодизация не учитывает, как все это воплощалось. Это как — эстетическая сущность развития литературного процесса, его как эстетическая сторона — отсутствует. А поэтому подобная периодизация не способствует пониманию развития литературы как идейно-эстетического целого и не отображает (ибо игнорирует собственно литературоведческие факторы, законы литературоведения как самостоятельной науки) закономерности существования и развития литературного процесса, упрощает или вульгаризирует сложный диалектический характер его связей с общественной действительностью. Внутренние закономерности литературного процесса обуславливают развитие художественного видения, отражения и восприятия; рождение новых поэтик, направлений и школ, рождение новых жанров, сюжетных типов, их развитие и изменение соотношений и роли в общей эволюции литературы; изменение и развитие системы литературного языка, стиля, художественной образности, средств выражения, версификации, что сопровождается изменениями во внутреннем соотношении, роли и значении отдельных эстетических элементов, их экспрессивных и философско-познавательных функций. Познавание сущности этих явлений, их взаимосвязей и развития означает познание истории и специфики развития определенного литературного процесса. Поэтому именно эти явления должны выступать как основные факторы и критерии литературоведческой периодизации — периодизации, отображающей эстетическую сущность литературного процесса.

Имея в виду эти общие соображения методологического характера, обратимся к одному частному вопросу — к проблеме периодизации литературы польского Просвещения.

Культурно-историческая школа XIX в., используя в качестве периодизационных рубежей даты из области политической истории, экономики, культуры, образования, в основном замыкала эпоху литературы национального Просвещения либо датами правления Станислава Августа

(1764—1795)², либо временами Конарского и периодом княжества Варшавского, справедливо констатируя, что идейно-эстетические тенденции Просвещения продолжают существовать и занимают ведущее место и после крушения Речи Посполитой. Во втором случае иногда конечной датой назывался 1822 г. — год появления «Баллад и романсов» Мицкевича: фактор уже литературный, однако абсолютизируемый подобно датам воцарения монархов, входящих на престол и тотчас вводящих новые порядки. Между тем реальные факты литературно-эстетической действительности являются достаточным свидетельством того, что появление эпохального произведения, знаменуя рождение новых идейно-эстетических тенденций, нового художественного направления, отнюдь не означает, что они сразу же становятся оформленными, завершенными и тем более ведущими и сразу же вытесняют все предшествующее. (Романтизм в Польше становится преобладающим лишь в 30-е годы.) Представители культурно-исторической школы не уделяли должного внимания и тому факту, что литература второй половины XVIII — первых десятилетий XIX в. (до выступления Мицкевича и после) не была однородной — классицистической или «псевдоклассицистической» (иногда между этими тенденциями не проводится четкая граница); что особую роль наряду с просветительским классицизмом (который отнюдь не был адекватен французскому классицизму XVII в.)³ играли сентиментализм, рококо, предромантические течения — сосуществующие, взаимовлияющие и взаимообогащающиеся. Различной была судьба этих тенденций, а следовательно и их хронология, до и после выступления Мицкевича и его последователей, отрицательное отношение которых к псевдоклассицизму, а нередко и к дискредитированному им польскому классицизму XVIII в. отнюдь не распространялось на другие эстетические веяния Просвещения. Собственно, из эстетических традиций национального Просвещения вырастает и сам польский романтизм. Это осознавал и Мицкевич, и многие его современники (достаточно вспомнить высказывание на эту тему М. Мохнацкого в книге «О литературе польской в девятнадцатом веке» или С. Гоциньского в статье «Новая эпоха польской поэзии»). Связь романтизма с Просвещением начинает исследоваться лишь в конце XIX в. (монография П. Хмелевского о Мицкевиче, 1896). Развитие исследований просветительской проблематики в межвоенном двадцатилетии и после 1945 г. подготовило новую (1950) концепцию просветительской литературы, отделяемой от старопольской эпохи и рассматриваемой как начало и источник национальной литературы нового времени⁴.

Эта концепция была создана «вроцлавской школой» Т. Микульского, и поныне занимающей ведущее место в исследовании просветительской проблематики. Традиции культурно-исторической школы, переплетающиеся с марксистско-социологическими тенденциями, обусловили характерный для своего времени облик предложенной периодизационной системы: заимствование критериев из других общественных наук и перенесение историко-экономической периодизации в область литературной эволюции, трактовка творческого метода преимущественно в идейно-политическом аспекте, явное предпочтение философско-идеологической проблематики, когда вопросы эстетики и формального анализа рассматривались в отрыве от вышеперечисленных факторов, отступали на второй план

² То же так же как историки государства рассматривали прошлое по периодам правления отдельных монархов.

³ В этом отношении особая заслуга принадлежит фундаментальному исследованию С. Петранко — «Doktryna literacka polskiego klasycyzmu». Wrocław, 1966.

⁴ T. M i k u l s k i. Stan badań i potrzeby nauki o literaturze wieku Oświecenia. In: O sytuacji w historii literatury polskiej. Warszawa, 1951; J. K o t t. Trwałe wartości literatury polskiego Oświecenia. PIW, 1951.

или вообще отсутствовали. Все это отражается и в периодизации, считавшейся общепринятой до сравнительно недавнего времени.

I период: 1764 г. (приход к власти партии Чарторыхских и вступление на трон Станислава Августа) — 1780 г. (крушение Кодекса Замойского). II период: до 1792 г. (захват власти Тарговицкой конфедерацией). III период: до 1795 г. (третий раздел, лишивший Польшу национальной независимости) ⁵.

С резкой критикой вроцлавской периодизации выступил профессор Варшавского университета Ю. Новак-Длужевский. Основным убедительным аргументом теоретической части его статей было положение о несоответствии дат политической истории и истории литературы. Однако, переходя к практическому обоснованию своей периодизации, Новак-Длужевский, как это ни парадоксально, идет по пути, предварительно им же самым теоретически отвергнутому ⁶.

I фаза: 1740 г. («дата основания Collegium Nobilium»); II—1773 г. («дата основания Эдукационной комиссии»); III фаза открывается 1800 г. («дата основания Общества друзей наук») и замыкается 1822 г. («дата появления в печати „Баллад и романсов“ Мицкевича»).

Здесь названы даты хотя и не политические, но и не относящиеся к истории литературы (за исключением последней). В таком подходе ясно ощутим социологический акцент.

Следуя логике выбранных им внелитературных факторов, Новак-Длужевский исключает понятие переходного периода. Получается, что одно направление сразу же сменяет другое, которое после этого автоматически прекращает свое существование или не играет существенной роли в литературной жизни. Факты действительности противоречат такого рода схеме: 40—60-е годы — это отнюдь не однородный в идейно-эстетическом отношении период, а существование, борьба и взаимовлияние сарматского барокко и зарождающихся новых тенденций, которые, кристаллизуясь, постепенно начинают брать верх и количественно преобладать (в Варшаве) лишь в 60-х годах, эволюционируя в русле классицистической эстетики (от классицизма XVII в. к типу просветительского классицизма), насыщаясь просветительской философией и идеологией. Подобный переходный характер имеет полоса середины второго десятилетия — 20-е годы XIX в., когда в преобладающем потоке старых (зрелых) эстетических тенденций (просветительский классицизм, псевдоклассицизм, сентиментализм, пред-

⁵ В вышедшей у нас «Истории польской литературы» (т. I, М., 1968) принята эта система периодизации, с тем что введен заключительный этап: 1795—1815. Обоснование этой концепции содержится в статье Б. Ф. Станкевича «Вопросы периодизации литературного процесса в популярном очерке истории польской литературы» («Литература славянских народов», вып. 8, 1963, стр. 60—61). Автор справедливо указывает на преобладание просветительской идеологии и эстетики вплоть до 1830 г., однако останавливается на 1815 г. как периодизационном рубеже, исходя из сугубо практических соображений: так будет удобнее показать во всей полноте зарождение и эволюцию тех тенденций, которые привели к кристаллизации теории и художественной практики романтизма. Следует отметить, что это успешно реализовано Станкевичем в его главе первого тома «Истории польской литературы». В то же время такое расчленение первых трех десятилетий XIX в. привело к расчленению как литературного процесса этого периода, так и творчества отдельных писателей — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Высказанные по этому поводу замечания польской критики кажутся мне вполне обоснованными. Впрочем, подобного рода ситуация, по-видимому, была результатом установки коллектива авторов на популярность издания (массового читателя, как справедливо отмечается в статье Станкевича, больше интересуют писатели XIX—XX вв.) и обстоятельств — проблемы литературы до XIX в. не разрабатывались в то время нашими полонистами (ср. Б. Ф. Станкевич. Вопросы периодизации..., стр. 59—60).

⁶ «Przegląd Humanistyczny», 1959, № 1; 1960, № 3, 4. Эти статьи вошли в сборник: J. N o w a k - D ł u ż e w s k i. Z historii polskiej literatury i kultury. Warszawa, 1967. (В дальнейшем цитирую по этому изданию.)

романтические течения) в теории и художественной практике зарождается и формируется романтизм, который становится ведущим и количественно преобладающим лишь в 30-е годы.

Намечая начало II фазы на 1773 г., после которого вышли крупнейшие произведения писателей «первого поколения», Новак-Длужевский не учитывает не укладывающегося в эту схему Богомольца⁷, чье творчество достигло апогея до этой даты. Не упоминается во II фазе и Карпинский, который начинает свой творческий путь в 60-е годы (опубликовал свои произведения в 1780 г.). Его творчество этого времени представляет особый интерес, как процесс формирования национального сентиментализма пока еще вне сферы западноевропейских влияний (в отличие от сентиментализма 80-х годов и позднейшего времени).

И, наконец, если придерживаться логики факторов, выдвинутых Новак-Длужевским, то трудно говорить о каком-то влиянии Эдукационной комиссии на формирование уже зрелых людей и художников, коими были писатели «первого поколения» в 1773 г. Наоборот, именно люди этого поколения создавали саму Комиссию, формировали ее программу и претворяли ее в жизнь.

Подобным образом обстоят дела и с Обществом друзей наук, создание которого знаменует, по утверждению профессора, новый этап в развитии литературы. Не Общество обусловило характер эстетической доктрины и творчества К. Козьяна, Л. Осиньского, С. Потоцкого, а наоборот, Козьян, Осиньский и иже с ними создавали литературную доктрину Общества.

Вызывает сомнение и однозначная оценка профессором роли Общества и зависимости от него писателей. Дело в том, что значение этой организации в жизни общества и в развитии литературного процесса — не адекватно. Общество друзей наук инспирировало классицистическую доктрину в интерпретации Козьяна, Осиньского, Потоцкого, выдвинувших в качестве образца систему Горация и Буало. По сравнению с предшествующим периодом это был регресс в теории, ее отрыв от живого литературного развития, сопровождающийся догматически-педаггическим диктатом и ограничениями (достаточно вспомнить отношение Общества друзей наук к исследованию Вэнжика или критику Козьяном «Исторических песен» Немцевича). Собственно, все живое в литературе (просветительский классицизм, сентиментализм, предромантические течения) развивалось вне эстетической доктрины «псевдоклассиков» и вопреки ей.

Особый интерес представляет в это время бурное развитие художественной прозы, к творцам которой, в частности создателям сентиментальных салонно-аристократических и готических романов, никак нельзя отнести обобщающее утверждение Новак-Длужевского о «дисциплинированной позиции писателей, реализующих поставленное перед ними национальное задание, выполняющих «общественный заказ» (стр. 94), выдвинутый Обществом друзей наук. Вообще, говорить однозначно о некоей единой социально-политической и патриотической платформе Общества — вещь довольно рискованная, ибо, например, даже единомыслие Козьяна и Потоцкого в эстетике не шло в унисон с единомыслием в мировоззрении, не говоря уже о тех идейных и эстетических тенденциях, которые представлял Я. Воронич или Ю. Немцевич, Ц. Гобебский, К. Бродзицкий. Вероятно (особенно, если речь идет о собственно литературных явлениях), вернее будет сказать о роли отдельных индивидуальностей, а не некоей монолитной платформе Общества, которая к тому же изменялась

⁷ Странно, что имя основоположника польской просветительской драматургии в этой статье вообще не упоминается.

в зависимости от конкретной исторической ситуации (аполитичность прусского периода и 20-х годов, активная патриотическая и научная деятельность времен княжества Варшавского и первых лет Королевства Польского).

Литературные явления этого времени Новак-Длужевский рассматривает с идеологической и тематической точки зрения, что не отражает (ибо минует сферу эстетики, специфики художественного видения) качественно новые явления литературного процесса. А в этой сфере явно вырисовывается ряд новых тенденций: классицизм начала века под влиянием теории и художественной практики «Варшавского Парнаса», ядро которого занимало ключевые позиции в литературной политике Общества, преобладавая количественно в поэзии и драматургии, перестает быть новаторским, творческим (в отличие от 50—90-х годов). Догматическая интерпретация классицистической теории и диктаторское насаждение мертвых схем и канонов, осуществляемое в рамках Общества, омертвило классицистическое течение первой половины XIX в., названное впоследствии в силу своей эстетической специфики «псевдоклассицизмом». Однако совершенствование литературного языка, хотя и в узких рамках доктрины, продолжается художниками псевдоклассицизма, являясь единственным их серьезным вкладом в развитие национальной литературы.

Стилевые тенденции классицизма в прозе 70—80-х годов, у истоков которых стоят романы Красицкого, продолжают развиваться и в начале XIX в. (количественно уступая сентиментализму). В их русле возникает первая польская социально-историческая повесть «Два пана Сечеха» (1815) Ю. Немцевича, философско-сатирический роман С. К. Потоцкого «Путешествие в Темноград» (1820), дидактический роман Э. Т. Массальского «Сын Пана Подстолия» (1831—1833) и др. Философский роман Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе» (1804—1805) развивает традиции популярных в минувшем столетии философских притч и повестей, используя (также в пародийном плане) достижения сентиментального и готического романа.

Ведущая роль в создании новых художественных ценностей, в развитии новых творческих тенденций переходит к сентиментализму. Его эволюция и распространение идет с 90-х годов по двум руслам; 1) собственно сентименталистскому с использованием национального фольклора и достижений западноевропейского сентиментализма и 2) путем насыщения элементами предромантизма. И если у Воронича предромантизм охватывает сферу художественного восприятия, образности, стиля, то в поэзии Немцевича это относится лишь к тематике («Думы»).

Подобного рода тенденции эволюции сентиментализма приобретают особое значение в развитии художественной прозы: исторические социально-бытовые, салонно-аристократические романы — с одной стороны, и готические — с другой.

В процессе дальнейшего развития этих тенденций, помимо официальной эстетической доктрины Общества друзей наук и вопреки ей, из предромантизма рождается романтизм — как в произведениях писателей старшего поколения, прошедших нередко все этапы этой эволюции («Ян из Тэнчина» Немцевича, исторические романы Вэнжика и Бэрнатовича), так и в творчестве поколения Мицкевича.

Помещая литературу Просвещения в отрезке времени между 1740 и 1822 гг., Новак-Длужевский выделяет особую фазу — «станиславовскую литературу», ограничивая ее 1773—1800 гг. Само это определение, имеющее полуторавековую традицию, характерно для старого литературоведения и означает литературу периода правления Станислава Августа: 1764—1795 гг. (Этими датами во вроцлавской периодизации замы-

кается вся история просветительской литературы.) Однако Новак-Длужевский, используя определенное устоявшееся понятие, без всякой мотивировки, исходя, видимо, лишь из потребностей своей концепции, смещает даты, изменяя исторический отрезок времени, обозначаемый этим понятием, и тем самым нарушая его логичность — хронологическую, историко-политическую, литературно-социологическую, — естественно, лишь в рамках своей же собственной концепции. В то же время само название рассматриваемого периода достаточно ясно говорит как о принципах и критериях периодизации, так и о характере связей с определенными традициями старого литературоведения.

Особой проблемой является внутренняя периодизация станиславовской литературы. В XIX в. у крупнейших польских историков литератур Хмелевского и Пилята она строилась по принципу деления на литературные направления («поэты разума», т. е. классицисты, и «поэты чувства», или «поэты сердца» — сентименталисты; драматургия выделялась в особую группу). В XX в. подобный принцип выступает у Добжицкого и Кшижановского. Вроцлавская школа исходила из политико-идеологических критериев. Новак-Длужевский убедительно отвергает выдвинутые периодизационные рубежи. Действительно, 1780 г. — политическая дата, не подтвержденная литературными примерами и не отражающая никаких перемен в собственно литературном процессе; 1793 г. — как дата политического насыщения литературы также не соответствует реальности, ибо этот процесс наступил ранее — в период Четырехлетнего сейма. В своей концепции внутренней периодизации профессор исходит прежде всего из сугубо социологического фактора поколений. Итак, I период 1773—1780 гг. — творчества писателей первого поколения (Пиотровский, Нарушевич, Красицкий, Трембецкий, Чарторыйский), представители которого родились в 30-е годы, плюс эпигоны — Коссаковский и Краевский. II период — расцвет творчества второго поколения (Карпиньский, Княжнин, Заблоцкий, Венгерский), родившегося в 40-е годы и отличавшегося эмоциональным, индивидуализированным, поэтическим восприятием в противоположность абстрактно-рационалистическому видению писателей первого поколения. III период — творчество третьего поколения (Коллонтай, Потоцкий, Сташиц, Немцевич, Богуславский, Ясиньский), родившегося в 50-е годы.

Все три такого рода периода частично совмещаются во времени. В сущности это не периодизация литературного процесса, а распределение писателей прежде всего по возрастному принципу, причем и этот принцип последовательно не соблюдается. Так, например, следуя логике Новак-Длужевского, нужно по всем признакам включить в III период Венгерского, отнесенного им ко II периоду, а творящего в I — под влиянием классицистов этого времени (кстати, в это же время — начав ранее поэтов I периода — с конца 50-х годов творил Карпиньский, фигурирующий во II периоде). Из всех писателей II периода основному — возрастному — принципу соответствует лишь один (!) Карпиньский, остальные родились в 50-е годы и, следовательно, должны быть отнесены к третьему поколению, т. е. к III периоду. Писатели III периода творили одновременно с писателями II периода. Итак, основной — социологический критерий, не гармонируя с чисто хронологическими факторами, нарушается самим автором⁸ концепции и не отражает эволюции собственно литературных явлений.

⁸ Пример иного рода нарушения логичности собственной концепции — введение в I период Коссаковского и Краевского (творивших в 80-е годы). Здесь Новак-Длужевский руководствуется иным, сугубо эстетическим, критерием — фактом эпигонства.

Второй по значению в концепции Новак-Длужевского уже собственно литературоведческий критерий — тип лирического «я» и характер поэтического восприятия-отображения — вызывает сомнение как с точки зрения теории, так и в свете реальных фактов. Утверждение об абстрактно-рационалистическом типе лирического «я» (первое поколение) и индивидуализированном, эмоциональном (второе поколение) основывается на некой абстрагированной от реальности «чистой» модели классицизма и сентиментализма. Поэтому литературно-эстетическое противопоставление конкретных классицистов конкретным сентименталистам получается односторонним, искусственным, ибо игнорирует реальный процесс и то общее, что связывало эти два просветительских направления, которые как в мировоззрении, так и в литературной жизни, в теории не выступали как антагонистические.

И классицисты и сентименталисты верили в разумное устройство мира и общества. И те и другие выражали эту веру, этот идеал, только в разной художественной интерпретации. Рационалистически трактуемому разуму, здравому смыслу как основе справедливости общественного устройства и человеческих отношений — у классицистов — соответствует гуманный разумность гармонии законов природы и человеческого бытия, что находит естественное отражение, проявление в чувствах. Эта гармония разумного и естественного (природы и человека, мыслей и чувств) являла собой единственно приемлемый разумный и гуманный идеал просветительской концепции человеческого общества и человеческих отношений классицистов и сентименталистов. В этой связи странно суждение о аэмоциональности классицизма (существуют ли вообще в искусстве явления, лишённые эмоциональных качеств?) и абстрактной, безличной рационалистичности классицизма (так ли уж абстрактно, безлично и сухо столетия волнующее людей разных эпох и народов искусство классицистов Корнеля, Расина, Мольера?). Речь может идти лишь о разных типах эмоциональности. Именно это является одним из основных принципов различия направлений. Иначе Новак-Длужевский не включил бы в круг сентиментализма классициста Венгерского, парафразирующего Вольтера и учащегося у польских классицистов. А что касается примера классицистического типа эмоциональной насыщенности, вытекающей из рефлексии и в то же время окрашивающей ее, — достаточно вспомнить поэтические послания Красицкого — типично классицистические произведения типично классицистического жанра, созданные наиболее классицистичным польским поэтом. Польский классицизм и сентиментализм не возникли в вакууме. Развиваясь, они переплетались с другими эстетическими тенденциями, причем не только в рамках одного направления, но и в творчестве одного писателя. Так, на классицизме Пиотровского и Нарушевича лежит явный отпечаток барокко (язык, образность, стиль). У того же Нарушевича и Трембецкого сильны веяния рококо, которое столь характерно и для сентиментализма Карпиньского и Княжнина, начиная с 80-х годов. Даже у наиболее классицистически «чистого» Красицкого проступают сентиментальные веяния (например, в отдельных фрагментах «Досвядчиньского» и «Подстолия»). Подобные тенденции творческого усвоения разных эстетических концепций в рамках единого кодекса характерны и для польской теории того времени (вопрос этот достаточно изучен польскими учеными). О «чистом» классицизме в теории и практике можно говорить лишь в применении к деятельности Общества друзей наук (с начала XIX в.), когда догматическое диктаторство «Варшавского Парнаса», опирающееся на искусственно-априорную теоретическую концепцию (в отличие от теории станиславского периода, ориентирующейся на реальную литературную действительность), омертвило живую струю просветительского классицизма XVIII в.

Концепция Новак-Длужевского, не получив особого распространения, в то же время остается пока единственным опубликованным предложением новой периодизации (не считая «Нового Корбута», где периодизационная схема продиктована чисто библиографическими требованиями). Серьезные сомнения относительно начальной даты Просвещения, выдвинутой профессором, высказал видный представитель вроцлавской школы Р. Волошиньский⁹. Его аргументация сводится к следующим пунктам: преобразования в экономике времени правления Августа III имели иную научную и идеологическую основу, чем в эпоху Просвещения с ее доктриной физиократизма; проекты реформ в области социальных отношений и политики были в период «саксонской эпохи» лишены философской перспективы, критицизма по отношению к самим правово-государственным основам, апеллируя к патриотическим чувствам и гражданскому сознанию шляхты, тогда как в эпоху Просвещения реформаторские концепции исходили из прав разума, природы, человека; рационализм типа Декарта и Вольфа, получивший некоторое распространение в философских воззрениях периода деятельности Залуского и Конарского, отнюдь не адекватен просветительскому рационализму, сочетающемуся с эмпиризмом, когда разум не противостоял опыту, а основывался на нем; эталоном литературы и культуры для прогрессивных деятелей 40—50-х годов был «век Людовика XIV», тогда как польские просветители обратились к искусству XVIII в. — века западноевропейского Просвещения. Исходя из этого, Волошиньский в соответствии с периодизационной концепцией вроцлавской школы считает 40—50-е годы (вплоть до вступления на престол Станислава Августа) предпросветительским периодом.

Новак-Длужевский в ответном выступлении¹⁰, в сущности лишь повторяя свои прежние положения, которые он, по-видимому, считает аксиомами, обрушивается на Волошиньского и всю вроцлавскую школу. Со стороны же кажется, что в затронутом вопросе — далеко не решенном, содержащем много пробелов — рациональнее оперировать не субъективными аксиомами, а обоснованными аргументами.

При всей остроте полемики Новак-Длужевского с вроцлавской школой их сближает главное — фактические критерии периодизации. Обе концепции опираются на системы, созданные историками и относящиеся к сфере социально-политических, экономических, правовых процессов. И если Микульский исходил из «Экономической истории Польши» Я. Рутковского, то Новак-Длужевский апеллирует к концепции С. Арнольда, который, кстати, высказал мнение о том, что периодизация экономической истории Польши основывается на иных явлениях, чем те, на которые ориентируются историки литературы. Новак-Длужевский указывает на это как на аргумент против концепции Микульского. В равной степени это аргумент и против концепции самого Новак-Длужевского, отождествляющего историю общественно-экономических, юридических, культурных процессов с историей литературного процесса. (В этом отношении характерны сами названия его статей: «Периодизация польского Просвещения», «Периодизация станиславской литературы».) В результате, закономерности одних явлений переносятся на другие, чем искажается не только сущность объективно существующих явлений, но и смещаются реальные линии их контактов и взаимообусловленности. В силу этого — закономерности, обуславливаю-

⁹ R. Wołoszyński. Jeszcze w sprawach Oświecenia w Polsce. «Pamiętnik Literacki», zesz. 2, 1965.

¹⁰ J. Nowak-Dłużewski. I jeszcze w sprawie Oświecenia w Polsce. «Pamiętnik Literacki», zesz. 1, 1967.

щие характер и этапы развития литературного процесса, следует искать в сфере собственно литературной.

Литература отражает реальность в разных ее аспектах — социальном, историческом, психологическом и т. д. Но отражение это — х у д о ж е с т в е н н о е, а следовательно, не адекватное объекту отражения. История развития литературы как художественного процесса — это история развития форм, приемов и принципов отражения реальности. (Естественно, их эволюция протекает в определенной взаимосвязи с эволюцией отражаемой реальности.) Исходя из этого критерии периодизации литературы можно выявить в сфере исторической поэтики.

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

РУКОПИСЬ № 9 ИЗ СОБРАНИЯ ГРИГОРОВИЧА

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится рукопись XIV в., которая, хотя и относится к числу славянских евангелий, является уникальной по содержанию. Она была привезена В. И. Григоровичем из путешествия по европейской Турции в 1844—1846 гг. и среди других его рукописей кратко описана А. Е. Викторовым. В описании говорится: «9. Отрывок из евангелия-апракос, писанного на бумаге и бомбидине, полууставом болгарского письма XIV в., в 4-ку, на 58 л., из коих 38 пергаменные, а 20 бомбидинные (№ 1691). Заключает в себе евангельские чтения на все дни недели, с середины 3-й недели (1-го счета) по пятидесятнице до четверга 3-й недели 2-го счета. Рукопись в палеографическом отношении замечательна, между прочим, тем, что тетради сложены были (через лист) из пергамена и бомбидины. Последняя самой грубой выделки. Заглавные литеры рисованы кинноварью и отчасти красками. В реестрах Григоровича при этой рукописи сделана отметка: „Балканы, Богоев“¹. Эта рукопись (далее Грг-9) более ста лет не привлекала внимание ученых. Между тем из числа известных более 500 рукописей евангелия XI—XIV вв. она является второй рукописью полного апракоса мирославовского типа, весьма существенно отличающегося по содержанию и композиции чтений от многочисленных славянских апракосов мстиславовского типа.

На рукопись Грг-9 мы обратили внимание научной общественности в 1963 г.² Некоторые текстологические сведения о ней приведены в нашей работе «Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их»³ (см. § 5 «Два типа славянского полного апракоса: тип Мстиславова ев. и тип Мирославова ев.»), где и даны некоторые языковые примеры из нее.

С целью сделать Грг-9 доступнее для изучения, ниже предлагаются археографическое описание рукописи и некоторые сведения о ее письме и языке.

Рукопись Грг-9 не имеет ни начала, ни конца; в ней нет ни прямой, ни косвенной даты. По материалу и письму она может быть датирована первой половиной XIV в. Допускаем, что специалисты по южнославянской палеографии аргументируют более раннюю дату, для которой мы пока не имеем оснований.

Размеры рукописи 21,5 × 14,5 см. Текст расположен в один столбец по 26 строк на каждой стороне листа. В настоящее время рукопись со-

¹ А. В и к т о р о в. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, стр. 8.

² Л. П. Ж у к о в с к а я. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. «Вопросы славянского языкознания», вып. 7. М., 1963, стр. 77—78.

³ См. «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 238—251 и таблицы на стр. 295—298.

держит 58 листов (по общей нумерации 57, но с номером 53 в ней два листа — а и б). Из них лл. 2, 4, 7, 9, 10, 13, 15, 18, 20, 23, 25, 28, 30, 33, 35, 38, 40, 43, 45, 47 из бомбицины, остальные — пергаменные. Последовательность листов в рукописи нарушена, а отдельные листы утрачены. В 1967 г. рукопись была реставрирована: закреплены и наращены края бумажных листов, прозрачными пленками укреплены наиболее ветхие листы, размягчен и разглажен пергамен. Однако последовательность листов при этом не была упорядочена.

Для суждения о первоначальном виде Грг-9 приходится опираться на содержание всей рукописи, особенно двойных пергаменных листов, и отчасти на сохранившуюся нумерацию тетрадей. Так, на нижнем поле л. 1 сохранились следы бегло написанной киноварью буквы «зело» с головкой, повернутой вправо (в других случаях в числовом значении в Грг-9 употребляется «зело» с головкой, повернутой влево), на л. 12 — буква з̄, на 22 — ӣ, 32 — ѿ̄, 49 а̄і. Все пергаменные листы двойные; из них на развороте имеют непрерывный текст и, следовательно, являются серединами тетрадей листы: 5—6, 16—17, 26—27, 36—37, 44—46 (л. 45 здесь чужероден; см. ниже), 51—52, 55—56. Листы с 1 по 11 принадлежат одной тетради, но л. 9 в ней чужероден. Соответственно лл. 12—21, 22—31 и 32—41 принадлежат другим тетрадам, сохранившимся полностью.

Содержание показывает, что бумажные лл. 9 и 45 составляли ранее один двойной лист, но были огорваны друг от друга и помещены в разные места рукописи, причем л. 45 повернут обратной стороной. Этих ошибок не заметили ни Григорович, ни Викторов, ни хранители и реставраторы библиотеки, что видно по двум находящимся в правом верхнем углу нумерациям листов арабскими цифрами и месту закрепления лл. 9 и 45 после реставрации. Л. 45 должен быть перевернут обратной стороной и помещен перед л. 42. Л. 9 должен завершать тетрадь в настоящем ее виде. Но изначально в ней был еще двойной пергаменный лист, обнимающий тетрадь снаружи. Этот лист должен был бы находиться между лл. 41 и 45 и между 9 и 49.

Таким образом, изначально первые 10 тетрадей Грг-9, из которых самые первые 5 не сохранились (это были лл. 40 или 50; см. ниже), были сложены из двойных бомбицинных или пергаменных листов через лист, но так, чтобы наружный и внутренний лист каждой тетради для крепости были пергаменными. Вследствие этого каждая тетрадь имела 10 листов, а не обычное для славянского средневековья число листов — 8.

С л. 49 по 53б идет 11-я тетрадь. В ней утрачен текст между современными листами 49—50 и 53а—53б. Из них л. 49об. оканчивается чтением на вторник 16-й недели по пятидесятнице с текстом М. XI 11—20; л. 50 содержит текст М. XII 3—11, который принадлежит, очевидно, пятнице той же недели. Можно считать, что пропущенные чтения по содержанию соответствуют чтениям в Мирославовом евангелии, к типу которого принадлежит Грг-9 (см. выше). В Мирославовом евангелии эти чтения таковы: вторник — М. XI 11—21, среда — М. XI 22—26, четверг — М. XI 27—33, пятница — М. XII 1—9. Далее в Грг-9 л. 53а об. завершается чтением среды 17-й недели того же цикла с текстом М. XII 28—37, а л. 53б начинается концом чтения на пятницу той же недели: М. XII 8—9. В Мирославовом на четверг приходится текст М. XII 38—44, на пятницу — М. XII 1—9. Сопоставление числа знаков на соседних листах Грг-9 и пропущенных в нем знаков в соответствующих текстах по ряду рукописей свидетельствуют о пропуске в Грг-9 лишь одного листа в каждом рассмотренном случае. Следовательно, 11-я тетрадь была нормальным для средневековых рукописей кватернионом, т. е. имела 8 пергаменных листов и отличалась от предшествовавших десятилистных тетрадей, сшитых

из пергамена и бумаги. В этой тетради утрачен только один двойной лист (второй — седьмой по первоначальному счету), который должен был находиться между современными лл. 49—50 и 53а—53б.

К последней тетради относятся лл. 54—57. Перед л. 54 в ней утрачены два листа (следовательно, также два и в конце ее). Кроме того, по одному листу, составлявших ранее один двойной лист, утрачено между лл. 54—55 и 56—57. Это выявлено тем же способом сопоставления, с одной стороны, числа знаков на соседних листах Грг-9 и, с другой стороны, пропущенных чтений и количества содержащихся в них знаков, установленных по сходным рукописям (подсчеты проводились по Мариинскому ев., Мирославу и русскому Симоновскому 1270 г. — ГБЛ, собр. Румянцевское, № 105). Следовательно, эта последняя из сохранившихся тетрадей состояла первоначально из 10 листов. Утраченный наружный лист должен был быть пергаменным, а следующий за ним двойной, утраченный между лл. 54—55 и 56—57, мог быть как пергаменным, так и бумажным. В последнем случае эта 12-я по общему счету тетрадь была такая же по составу, как тетради с номерами 6—10.

Современная последовательность сохранившихся листов должна быть такой: 1—8, 10—41, 45 об., 45, 42—44, 46—48, 9, 49—57. Утрачено начало рукописи, а именно: 50 листов, если первые пять тетрадей были десятилистыми, или 40 листов, если первые пять тетрадей были пергаменными кватернионами, как 11-я.

Поскольку содержание чтений в Грг-9 на дни с понедельника по пятницу включительно является уникальным, имеющиеся печатные указатели чтений не могут быть использованы для ориентировки в тексте. Поэтому считаем необходимым указать полностью содержание рукописи и имеющиеся в ней обозначения дней, недель и глав (см. таблицу).

Материал Грг-9 заслуживает детального текстологического анализа и сопоставления с данными других славянских рукописей евангелия. В частности, отметим лишний стих Мт. VI 34 в чтении на воскресенье 3-й недели и, наоборот, пропуск стиха Мт. IX 7 из-за сходства слов в чтении на воскресенье 6-й недели по пятидесятнице. Роль текстологической приметы и датирующую роль играют в Грг-9 номера зачал, стоящие в заголовках многих чтений. Они — старые, т. е. вследствие более детального членения текста они более крупны в числовом отношении, чем номера зачал при тех же чтениях в рукописях, создававшихся в середине XIV в. и позже.

Как и всякая древняя рукопись, Грг-9 требует специального рассмотрения со стороны палеографической (разбор начертаний отдельных букв) и графической (разбор употребления определенных графических вариантов букв). Но здесь из букв, интересных с точки зрения своего употребления, укажем лишь «коппу» обычного типа на л. 38 об. и с хвостом как у «кси» на л. 46 об.; обе употреблены в числовом значении.

В создании Грг-9 принимал участие в основном один писец. Вторая рука обнаруживается на последних восьми строках л. 8 об. и 3, 5 строках в начале л. 10. Первый писец пишет с наклоном вправо, второй пишет прямым почерком, не перечеркивает правую мачту у буквы *л*, употребляет несимметричное *ч* на более высокой подставе, *д* с более широко расставленными ножками (у первого писца левая ножка сдвинута к середине буквы); различны у обоих писцов *ж* и «омега», но примеров мало. Возможно, еще один почерк представлен на л. 53 об., но это требует дополнительного анализа.

Рукопись Грг-9 характеризуется «меной юсов» и одноеревым правописанием; употребление *з* в ней редко.

В рукописи представлена серия любопытных описок, заключающихся

Содержание рукописи Грг-9

Таблица 1

Листы рукописи	День и неделя	Глава		Текст
		обозначение в рукописи	цифровое обозначение	
1	—	—	—	Мт. X . . . 27—31
1—1 об.	ср. 3	рв	102	Мт. XI 2—15
1 об.—2 об.	чт. 3	рз	107	Мт. XI 16—26
2 об.	пт. 3	раі	111	Мт. XI 27—30
2 об.—3	сб. 3	оа	71	Мт. VII 24—29, VIII 1—4
3—4	вс. 3	лз	47	Мт. VI 22—34
4—4 об.	пн. 4	раі	114	Мт. XII 1—13
4 об.—5	вт. 4	—	—	Мт. XII 22—29
5—6	ср. 4	ркз	127	Мт. XII 38—50
6—7	чт. 4	—	—	Мт. XIII 3—8, 10—23, 9
7—7 об.	пт. 4	рлз	136	Мт. XIII 24—32
7 об.—8	сб. 4	ѡА	64	Мт. VIII 14—23
8—8 об.	вс. 4	ѡА	64!	Мт. VIII 5—13
8 об., 10	пн. 5	раі	114	Мт. XIII 33—43
10—11	вт. 5	рл	140	Мт. XIII 44—58
11—11 об.	ср. 5	рлг	143	Мт. XIV 1—13
11 об.—13	чт. 5	рлг	153	Мт. XIV 35—36, XV 1—21
13	пт. 5	рз	107	Мт. XV 29—31
13—13 об.	сб. 5	оа	71	Мт. IX 9—13
13 об.—14	вс. 5	л-о	49	Мт. VIII 28—34, IX 1
14	пн. 6	—	—	Мт. XVI 1—5
14—14 об.	вт. 6	рѡА	164	Мт. XVI 6—12
14 об.—15	ср. 6	рѡн	168	Мт. XVI 20—24
15—15 об.	чт. 6	ро	170	Мт. XVI 24—28
15 об.	пт. 6	рoд	174	Мт. XVII 10—13
15 об.—16	сб. 6	оа	74	Мт. IX 18—26
16—16 об.	вс. 6	о	70	Мт. IX 1—6, 8
16 об.—17	пн. 7	—	—	Мт. XVIII 4—II
17—18	вт. 7	с	200	Мт. XX 1—16
18—18 об.	ср. 7	са	201	Мт. XX 17—34
19	чт. 7	с!а!	211	Мт. XXI 12—14
19—19 об.	пт. 7	с!а!	214	Мт. XXI 18—27
20	сб. 7	сз	206	М. X 37—42, XI 1
20—20 об.	вс. 7	—	—	Мт. IX 27—35
20 об.—21	пн. 8	сн!	218	Мт. XXI 28—32
21	вт. 8	с-о!	219	Мт. XXI 43—46
21—21 об.	ср. 8	скг	223	Мт. XXII 23—34
21 об.—22 об.	чт. 8	—	—	Мт. XXIII 13—22
22 об.—23	пт. 8	саД	234	Мт. XXIII 23—28
23—23 об.	сб. 8	ркв	122	Мт. XII 30—37
23 об.—24	вс. 8	рлз	146	Мт. XIV 14—22
24—24 об.	пн. 9	рлн	138!	Мт. XXIII 29—39
24 об.—25	вт. 9	слз	246	Мт. XXIV 13—28
25—25 об.	ср. 9	сн—	25—?	Мт. XXIV 28—33
25 об.—26	чт. 9	сѡ	265	Мт. XXIV 45—51
26—26 об.	пт. 9	сѡн	268	Мт. XXV 1—13
26 об.—27	сб. 9	рѡ	160	Мт. XV 32—39
27—27 об.	вс. 9	—	—	Мт. XIV 22—34
28	пн. 10	—	—	М. I 9—15
28—28 об.	вт. 10	д!	14	М. I 16—22
28 об.	ср. 10	—	—	М. I 23—28
29	чт. 10	е!	15	М. I 29—34
29—29 об.	пт. 10	сг	203!	М. II 18—22
29 об.—30	сб. 10	роз	177	Мт. XVII 24—27, XVIII 1—4
30—30 об.	вс. 10	рoд	174	Мт. XVII 14—23
30 об.—31	пн. 11	к	2—?	М. II 6—12
31—31 об.	вт. 11	к-о	29	М. III 13—27
31 об.—32	ср. 11	лд	34	М. III 28—35
32—32 об.	чт. 11	лз	37	М. IV 1—9
32 об.—33	пт. 11	лз	37!	М. IV 10—23

(Продолжение таблицы 1)

1	2	3	4	5
33—34	сб. 11	рп-ф.	189	М. XIX 3—12
34—34 об.	вс. 11	рп	180	Мт. XVIII 23—35
34 об.—35	пн. 12	—	—	М. IV 24—34
35 об.	вт. 12	лѣ	45	М. IV 34—41
35 об.—36 об.	ср. 12	лз	47	М. V 1—20
36 об.—37 об.	чт. 12	л-ф.	49	М. V 22—34
37 об.—38	пт. 12	л-ф.	49!	М. V 35—43, VI 1
38—38 об.	сб. 12	се	205	Мт. XX 29—24
38 об.—39	вс. 12	рсг	193	Мт. XIX 16—26
39—40	пн. 13	н!	8	М. VI 2—13
40—41	вт. 13	ѣф.	69	М. VI 54—56, VII 1—16!
41—41 об.	ср. 13	зг	63	М. VI 34—45
41 об.	чт. 13	ѣ#	65	М. VI 45—48...
(утрачен 1 л.)				
45 об.	[сб. 13]	—	—	Мт. XXII... 17—22
45 об.—45	вс. 13	—	—	Мт. XXI 33—42
45, 42	пн. 14	ов	72	М. VII 24—30
42—42 об.	вт. 14	оз	76	М. VIII 1—10
42 об.—43	ср. 14	оз	77	М. VIII 11—21
43—43 об.	чт. 14	па	81	М. VIII 22—26
43 об.—44	пт. 14	пи	88	М. IX 10—16
44—44 об.	сб. 14	скз	227	Мт. XXIII 1—12
44 об., 46—46 об.	вс. 14	ска	221	Мт. XXII 1—14
46 об.—47	пн. 15	сд	94	М. IX 33—41
47—47 об.	вт. 15	—	—	М. IX 42—50, X 1
47 об.—48 об.	ср. 15	рг	103	М. X 2—16
48 об., 9	чт. 15	рз	107	М. X 17—24, 26—27
9—9 об.	пт. 15	смк	242	М. X 28—31
9 об.	сб. 15	р—	1—?	М. XXIV 1—4...
(утрачен 1 л.)				
49	пн. 16	рз	116	М. X 46—52
49—49 об.	вт. 16	рк	120	М. XI 11—20...
(утрачен 1 л.)				
50	[пт. 16]	—	—	М. XII ... 3—11
50—51	сб. 16	с-ф.	209	Мт. XXIV 34—44
51—52	вс. 16	с-ф.	209!	Мт. XXV 14—29 + Л. VIII 8 (или Л. XII 21, или Л. XXI 23)
52—52 об.	пн. 17	рл	130	М. XII 13—17
52 об.—53а	вт. 17	рл	130!	М. XII 18—27
53а—53а об.	ср. 17	р—	1—?	М. XII 28—37
(утрачен 1 л.)				
53б	[пт. 17]	—	—	М. XIII... 8—9
53б	сб. 17	—	—	Отсылка на пт. 9; Мт. XXV 1, 13 Мт. XV 21—28
53б—53б об.	вс. 17	—	—	Указания о чтениях. Л. III 19—20...
53б об.	пн. 1	в!	12	
(утрачено 2 л.)				
54	[пт. 1]	—	—	Л. IV... 23—30
54—54 об.	сб. 1	кг	23	Л. IV 31—36
54 об.	[вс. 1]	к-ф.	29	Л. V 1—4...
(утрачен 1 л.)				
55	[вт. 2]	—	—	Л. V... 34—39
55—56 об.	ср. 2	лг	33	Л. V 12—16
55 об.	чт. 2	лг	43	Л. VI 12—16
55 об.—56	пт. 2	—	—	Л. VI 17—23
56	сб. 2	лз	36	Л. V 17—25...
(утрачен 1 л.)				
57	[вт. 3]	—	—	Л. VI... 40—45
57—об.	ср. 3	ѣг	63	Л. VI 46—49
57 об.	чт. 3	—	—	Л. VII 17—21

в пропуске одной из одинаковых букв на стыке полнозначных слов: юне мсу еста (вместо юне ёмсу) 16 об., иже ста (вместо еже еста) 6, по немб (по ёмому) 47 об., на са | сари (на асарин), 1, кста за (встаж азж) 20 об. Наряду с ними встречаются описки, обычные в древних рукописях: перестановка слогов — едза 19 об., пафаридт 22 об., при здесь же написанном парофиде (греч. παροφίς): написание буквы из соседнего слога — расхыгта 31 об., висира 10 об., поглиците 22 об.; описки, допускающие переосмысление — по наса еста (надо по каст) 47, прада еже еста по(а) нсама камма (вашина) 39 об., по вткеси кци (кит) 33 об., не сумыжта ржд трици (таржце) 40, не вртждоу (не вртдоу) 45, 50. Есть описки нетипичные и в то же время не мотивированные: само (вместо стмо) 30, 46; оузрт кока (накока) 28 об., позкала са еси (позлазбалз са еси) 12, на боковом наружном поле л. 1 читаем δεκнокению с пропуском к в названии чтения.

Фонетическое, морфологическое или объяснение с точки зрения словообразования допускают такие единичные написания: стважомсу 7, цтлыкаж 44, пртда ими 41 об., наричета сж 19, втствко 25 (в других втствес, Мт. XXIV 20), вдалечи 28 об., втк вазможнат (вместо втк вазможна сжта) 39, никто же плада не свтжда (не свтствта) 49 об., такo χρ(с)ва еста (вместо тко хрствости еств) 47, пртданне старче (сгараца) 40; то же в именах собственных; зкднн 28 об. скорее — описка, пинипа 11 скорее — отражение фонетической особенности, данидемл 24 об., иканд 21, исканюк 19 об. — особенности словообразования имен собственных.

Рукопись Грг-9 отражает такое состояние языка, когда редуцированные пали. Об этом ярко свидетельствуют примеры ассимиляции согласных, которых не могло быть в период существования слабых редуцированных. Вместе с тем в Грг-9 часто употребляются буквы л и изредка з как на месте этимологически слабых, так и на месте сильных редуцированных.

Из явленных, которые могли отразиться в орфографии только после падения редуцированных, отметим следующие, не относящиеся к вокализации обоих редуцированных в одном звуке и редко встречающиеся в рукописях: опущение букв л, з в словах со слоговым плавным — на крмт 34 об., по скрви 25 об., скрва 38 об., скрва 25, кркоточика 16; написание л и даже о для обозначения новой слоговости при конечных сонантах — елма 2 об., 21 об., талнатта 51 и 51 об. несколько раз наряду с употребляемым тут же правильным талнатта, тетрароуха 11; написания, отражающие особенности вокализации при двух и более этимологических редуцированных в слове: из еси 43 об., ка дкврема 29, при дквреха 25 об., ка жрмбахд 50 об., просвбтатта 10, кпнж 36.

Более типичны для древних рукописей нижеследующие написания, отражающие оглушение согласных: тжшко 6 об., ташка 44; упрощение новых групп согласных: ела (елма) 38 об., празны 17 об., празно 23, непразнымь 25, излтш (излтзш) 36, люче 55; сюда же относится употребление выносного с без конечного т (из ть) в словах лс(с) (лствта) 33, чж(с) (чствта) 26. Систематически без слога тз пишет слово притгча первый писец: причж, прича, причтми и др. 6, 6 об. (2 раза), 7, 10, 12 об., 20 об., 21, 32 об. (2), 35 (2), 35 об., 44 об., 45 об., 55; написания с буквой т в строке — притгча 11, при переносе — притгчж 32 об. и с выносным т — 26, 32 об. — единичны. Наоборот, второй писец пишет только притгча, притчтми — 8 об. (4 раза).

Большую группу примеров составляют написания, в которых вставляется буква ь на конце предлогов-приставок, не имевших*ь: вела четги 11, каздалка, каздалкава 19, 49, казавждишж 34 об., казаврацж са, казавратитта са 5 об., 25, казавгласи 52, ка|завгласи 38, казавглатта 4, казаврилл ризы его 11; об., изавраныж 25; об., иза еси 43 об., иза|влткше

10 об., изагна 29, иза дашере 42, изаказишж 34, иза мрѣткѣхѣ 43 об., иза сугста 12 об., разакрѣста 28, раслахытитѣ 5 (2 раза); не относится сюда пример казипистѣ 13 об.

Важными для суждения о месте происхождения рукописи являются примеры вокализации сильного ъ в о: дѣхъ зема 57 об., сотника 8 (при более частом сѣтника 8, 8 об. и др.), токмо 38 об., 50 об., при многочисленных такмо или такмо 2 об. (2), 4, 5 об., 14, 19 об., 20, 23 об., 30 об., 38 об., 48 об., 49, 50 об., 54 (2), на сѣнмищѣхѣ 39, 44 об., 54 лакота 3 об., кингочѣж 21 об., 22 (2), 22 об., к тѣи ча(с) 8 об. при обычном тѣи 6, 11, 16, об., 28, 30 и др. Сюда же могут быть отнесены известные и по собственно старославянским памятникам написания домѣта 31 об., родосѣ 50 об., работѣ 26, 34. В эту же группу примеров вписывается и вѣтѣра крѣпскѣ 27 об., хотя вокализация суффикса -ѣж- в -ок- широко распространена на Балканах и, вероятно, проходила не без влияния этимологического суффикса -ок-. Можно отнести сюда же и новообразование тетрароухѣ 11.

В словах вратопѣ 49 об. и сугстрѣми сѣ стадо 36 об. в о вокализован сильный ъ.

В Грг-9 часто пишется с ѣ на конце слово пракс, обычно употребляемое вместо амина в полных апракосах: пракѣ 6 об., 9 об., 26, 26 об., 30, 30 об., 31 об., 39, 39 об., 50 об., при правильном пракс 19, 24. На л. 9 слово пракс даже исправлено на пракѣ.

Вместо старого союза нѣ в Грг-9 систематически пишется нѣж — 1 об. (2 раза), 3, 7, 8 об., 11 об., 13 об. (2) и т. д., всего около 40 примеров. Впрочем, употребление союза нѣж скорее — факт лексический, поскольку написаний нѣ или нѣ не встретилось. Отметим также написание родѣ сѣи 5. Вокализация еѣпа 26 об. из кѣпа типична для среднеболгарских памятников.

Редуцированный ѣ в сильной позиции передается буквой е чаще, чем это бывает в старославянских памятниках: ѣ вѣтѣхѣ кѣси 56, достѣина 20, ема 11, боѣи 16 об., 30, 46 об., кѣмати 14 об.

Буквы носовых в Грг-9 употребляются беспорядочно. Примеры весьма многочисленны. Для показа реальных соотношений приводим полностью материал лл. 1 и 11. Буква ж вместо а: оученики сѣож 1, грѣди 1, ходѣтѣ 1, сѣищѣжтѣж 1, сѣишѣтѣ 1, оучашѣ ж 11, сѣжѣа 11, имѣтѣи еж 11 об., пѣжѣа 11 об., кѣжтѣи 11 об., дашѣж а 11 об., придошѣж 11 об., изѣшѣж тѣао 11 об., казѣтѣишѣж 11 об., послѣшѣж 11 об., приносѣж 11 об., вѣжѣжѣа 11 об., прикѣсѣжшѣж сѣа 11 об., вѣшѣж 11 об.; буква а вместо ж: кѣ азѣици 1, кѣ поуѣстѣина 1 об., гѣа 1 об. (2), азѣ послѣа 1 об., ѣподѣа 1 об., приѣтѣа сѣж 11, дашѣж а 11 об.; буква «юс большой» комбинированного начертания вместо буквы а: прѣрѣшѣж 1 об., приѣтѣи 1 об. На этих же двух листах встречаем 36 примеров написания буквы ж в соответствии с этимологией и 17 случаев правильного употребления а. Однако в свете приведенных выше примеров смешения обеих букв случаи правильного написания их никакого фонетического значения иметь не могут. Материал Грг-9 ясно указывает на совпадение двух носовых в одном звуке.

Написание сѣожѣ сѣжѣдѣа 56, видимо, свидетельствует о сохранении ринезма.

Примеры смешения букв и и ѣ свидетельствуют об утрате фонемы ѣ. Буква ѣ вместо и: знаѣниѣа 42 об., кѣ жѣици 1, тѣи ѣи еи 1, вѣиѣа 2 (2 раза), сѣпокрѣтитѣ 21 об., 22, 22 об., 24, сѣ сѣпокрѣтитѣж 26 (вместо гипокритѣи). Буква и вместо ѣ: кѣ рождѣниѣхѣ 1 об., послѣаѣтѣа 31. В свете последних примеров показательны и случаи написания ѣ после шипящих: ѣши 1 об., сѣишѣтѣа 1 об., вѣжѣа 22 об., ѣ тѣжѣдѣхѣ 29 об., жѣжѣ

жекѣзны 36. Впрочем, последние можно квалифицировать и как косвенное свидетельство утраты мягкости шипящими и *ц*, предположить которое позволяют написания: изѣшѣ (изѣшѣшю) 36, ѡцѡуцѣ 37, сѣжцѣ 6, чѡуцѣж сѣ 52 об., чѡуцѣга 25, чѡуцѣи 40 об., ѡцѡу 40 об. Однако вследствие исконной непарности их по твердости — мягкости написания буквы *оу* в этих примерах нельзя квалифицировать как прямое указание на отвердение шипящих и *ц*.

Многочисленные примеры написания *ы* на стыке предлогов и корневого *и* в свете приведенных примеров смешения и — *ы* не являются доказательством произношения именно звука *ы*, но могут свидетельствовать о хорошей выучке и морфологической чуткости писцов: казыскаги 17, взыграгѣ сѣ 56, казыдѣ 6, 31, 32 об., изыдѣ, изыдѣста и др. формы этого глагола с приставкой *из-*: 1 об. (3 раза), 10 об., 16, 17, 25, 26, 28 об. (3), 32, 36, 39 об., 42, 42 об. (2), 49, 54 об. (2 раза).

В области консонантизма, кроме отмеченных выше позиционных изменений, укажем примеры утраты (отсутствия) *l*-эпентетикум. На стыке корня и окончания, корня и суффикса оно, как правило, отсутствует, и не только перед *и* и *ь*: корабѣ, к корабѣи 23 об., 27, 27 об. (3), 32, 41 об. (3), 42 об., 43, ис корабѣ, ѡ корабѣ 36, 40, 54 об., ѡ корабѣицѡу 54 об., корабѣица 54 об., корабѣица 31; земля (род. п.) 5 об. (2), 27 об., ка земля (вин.) 35, на земли 7, 27, 32, 32 об.; однако ѡ коупѣж вместо коупѣла 40; в формах 1 л. глаголов IV класса: поставѣж 51 об. (2), ѡподоба 1 об., приемѣж 7, трапа 30; в имперфекте: дикѣхѡу сѣ 9, 11; в личных формах глаголов III класса: приемѣга 33, подакѣга 33, покѣжѣга 40, но и пограмѣжѣга 50, внемѣте 14, приставѣга 55; в причастиях: прѣлома 23 об., 41 об., 42 об., пристапѣи 41, ослабеному 56 об., казѡубѣнаго 50, казѡубѣны 28, но: отстава ж 17 и даже: грѡбомѣ покѡпа|ненома 22 об.; в существительных, образованных от этих причастий: извакѣни 18 об., ка такѣни 33, пристагѣни 55; в притяжательных прилагательных: содомѣнома 39 об., но итакѣж 55 об.; в наречии: дрѣке 2.

В корнях слов *l*-эпентетикум представлено: слѡандѣте 40 об., блѡудѣте сѣ 9 об., пѡнѣж 43 об., блѡдѣте 24, блѡдѣ... 53; однако кѡлѡбѡдѣ 22 об. Из всех этих примеров особое внимание обращают замены древнего *l* не *л*, а другими звуками: коупѣж вместо коупѣла и грѡбомѣ покѡпа|ненома (буква *л* здесь знак конца строки; ср.: сѣкѣранѣга 41 при сѣкѣранѣти там же).

Интересны написания, свидетельствующие об отвердении исконно мягких *л* и *н*. Их было бы соблазнительно отнести к особенностям первого перевода, но они встречаются (хотя и редко) как в чтениях, восходящих к этому переводу, так и в чтениях на дни с понедельника по пятницу, восходящих к вторичному переводу, происхождение которого на южнославянской почве сомнений не вызывает. Примеры таковы: пѡнѣж 43 об., казѡубѣнаго 50, казѡубѣны 28, блѡудѣте сѣ 9 об., ка лѡдѣха 20 об.; в свете этих примеров некоторую ценность приобретают и написания 1 л. ед. ч.: послѣж 24, приемѣж 7, поставѣж 51 об. (2), а также ѡподоба 1 об., трапа 30 и даже на нѣж 37, ѡстава ж 14, кѡхѣцажѣга 1 об. и под., хотя последние прежде всего надо рассматривать с точки зрения значения букв, передающих этимологические носовые гласные.

В Грг-9 несколько раз написано зеркальное *ю*. Оно изредка встречается в русских рукописях, есть оно и в новгородских берестяных грамотах. Обычно его квалифицируют как результат слабой выучки писца. Но в Грг-9 написания лѡбитѣга 20, прѣломѡдѣнаго 33 об., блѡдетѣга 55 можно объяснить и с фонетико-орфографической точки зрения: начатую в соответствии с его произношением букву *оу* писец исправлял на

ю, которую он мог видеть в оригинале или когда он мог вспомнить правила ее употребления.

Представят интерес в Грг-9 примеры утраты склонения имен: по номѣ полѣ иорданѣ 47 об., ка гешонѣ 47 об., съ оногѣ полѣ иерданѣ 30 об., боле ѣста къѣхѣ локактоматѣ и жратѣ 50, ѿ начала създани 48., г. дни и три ноцѣ 5 об., [Ѡзы]ка на жзыка 53, тагѣгѣдне кара 18, съ оупокръгѣж (вместо съ гипокръгѣ) 26, на съорицѣхѣ 10 об., 11, на тражицѣхѣ 1 об., пѣтѣ бжнѣ 52, мѣзды съож (род. п.) 47, ка житницѣж мѣга 7 об., ѿ корабѣ, ис корабѣ 40, 54; не переосмысление текста, а утрату склонения следует усматривать и в примере и Ѹчашѣ ж причамѣ (притѣчамѣ) 32.

В Грг-9 встречаются древние глагольные формы: како и вж погоубили 30 об. (М. III 6), формы простого и древнего сигматического аористов: идѣж, придѣж 11 об., 31, 32, 38, 49 об., 52 об., 56, принѣсѣж 11 об., погрѣвоѣж 11 об.

Есть в Грг-9 интересные лексические новшества, например: гокоригѣ 37 об. М. V 39, ѿгна ихѣ не оуѣпагѣ 47 М. IX 44, не измазѣтѣ 24 об. (вместо сълазитѣ), на коупѣ 41 об. вместо на сподѣ М. VI 39 (в связи с этим интересен материал Юрьевского евангелия: кѣса кѣкоупѣ). Много в Грг-9 и таких лексических вариантов, по которым оно сходится с разными группами рукописей.

В целом Грг-9 представляет большой интерес для историков языка, так как обладает большим числом отклонений от традиционной орфографии, свидетельствующих об особенностях языка ее писцов и промежуточных оригиналов.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

К ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛЬСКОГО ПЕРВОПЕЧАТАНИЯ

История первой польской типографии, работавшей в Кракове в 70-х годах XV столетия, достаточно подробно освещена на страницах специальной литературы¹. Тщательно описаны вышедшие из этой типографии три книги и одна листовка². Начало историографии вопроса восходит к 1795 г., когда венский библиотечарь и книговед Иоганн Михаэль Денис (1729—1800) упомянул в одной из своих работ о датированном инкунабуле, в выходных сведениях которого стояло «Cracis impressa»³. Фразу эту можно было понять как «Напечатано в Кракове». Книга называлась «Explanatio in Psalterium», т.е. «Толкование Псалтыри» и принадлежала перу кардинала Иоанна Туррекрематы (1388—1468). Впервые о краковском происхождении издания со всей определенностью сказал немецкий историк книгопечатания Георг Вильгельм Цапф в 1803 г.⁴

Кроме «Толкования Псалтыри» в польских библиотеках были найдены и другие издания, напечатанные тем же шрифтом. Е. Баудтке в 1821 г. назвал в этой связи датированное анонимное издание сочинений Аврелия Августина⁵.

В 1879 г. библиофил и нумизмат Игнаций Полковский (1833—1888) обнаружил в Капитульной библиотеке Кракова издание, помеченное 1475 г. и напечатанное тем же шрифтом, что и названные выше издания Туррекрематы и Августина. Это была книга итальянского теолога Франциска де Платеа (ок. 1390—1460) «Opus restitutionum, usurarum et excommunicationum». Идентичность шрифта дала Полковскому возможность отнести это издание к первенцам краковской печати. Полковский отыскал и четвертый польский инкунабул — листовку «Краковский календарь на 1474 г.».

О своих открытиях И. Полковский рассказал 7 января 1880 г. на заседании филологического отдела краковской Академии; впоследствии сообщение было опубликовано в «Исследованиях и докладах» Академии⁶.

Польские авторы по сей день считают краковского библиофила первооткрывателем книги Франциска де Платеа⁷. Наш долг отметить, что это не так. В 1880 г., когда

¹ См., например: J. M u s z k o w s k i. Początki drukarstwa w Krakowie. Stan badań i problematyka aktualna. «Prace Polonistyczne». Seria 8. 1950. Wrocław—Łódź, 1951, s. 9—58; A. L e w i c k a - K a m i Ń s k a. Początki drukarstwa w Krakowie. В кн. Księga pamiątkowa ku czci Karola Estreichera (1827—1908). Kraków, 1964, s. 233—257.

² См. K. v. R ó ż y c k i. Die Inkunabeln des Druckers des Turrecremata in Krakau. Eine bibliographische und typographische Untersuchung. München, 1911.

³ См. M. D e n i s. Einleitung in die Bücherkunde. Bd. 1. Wien, 1795, S. 126.

⁴ См. G. Z a p f. Ueber eine alte und höchst seltene Ausgabe von des Ioannis de Turrecremata Explanatio in Psalterium und einige andere typographische Seltenheiten. Nürnberg, 1803.

⁵ См. «Index lectionum in Universitate Studiorum Jagellonica a die 1 Octobris anno 1821 ad medium mensem Julii anno 1822 instituendarum». Cracoviae, 1821.

⁶ См. I. P o l k o w s k i. Nieznany druk krakowski z XV wieku. Dzieło Franciszka de Platea «Opus restitutionum, usurarum et excommunicationum». «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydz. Filolog.». T. 8. Kraków, 1880. I. P o l k o w s k i. Dwieście najstarszych inkunabułów z Biblioteki Kapitułnej Krakowskiej od r. 1462 do 1500. Kraków, 1887, s. 89.

⁷ Ср., например: A. B i r k e n m a j e r. Rodowód krakowskiego Plateana. В кн. Studia nad książką poświęconie pamięci Kazimierza Piekarskiego. Wrocław, 1951, s. 211—221. Ср.: K. v. R ó ż y c k i. Op. cit., S. 31.

И. Подковский опубликовал свою статью «Неизвестное краковское издание XV в.», издание это, на самом деле, было уже известно. Впервые описал его еще в 1868 г. русский библиофил, министр народного просвещения А. С. Норов (1795—1869)⁸. В его библиотеке имелись три краковских инкунабула — «Туррекремата», «Августин» и «Платеа».

А. С. Норов не просто любовался книжными редкостями, но тщательно изучал их. В рукописном описании, наклеенном на обороте верхней крышки принадлежавшего ему экземпляра «Толкования Псалтыри», он ссылается на труды Г. Цапфа, Е. Бандтке, И. Лелевеля⁹, говорит об упоминаниях этого издания во «Всеобщем библиографическом лексиконе» Ф. Эберта¹⁰ и в одном из «библиографических путешествий» английского библиофила Т. Дибдина¹¹. В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина по сей день хранится экземпляр труда Г. Цапфа, подаренный автором Г. Фишеру, а впоследствии перешедший в собрание А. С. Норова¹².

Учитывая в каталоге своей библиотеки книгу Франциска де Платеа, выпущенную в свет в 1475 г. без указания места издания, А. С. Норов пишет: «Издание, не известное библиографам. Шрифт тот же, что и в редчайшем издании Туррекрематы „Толкование Псалтыри“, напечатанном иезуитами в Кракове».

Относительно иезуитов А. Норов ошибся; современная наука связывает возникновение книгопечатания в Кракове с гуманистическими кругами, группировавшимися вокруг прославленного Краковского университета. Но атрибуция издания была сделана им правильно и, подчеркнем это, впервые.

Краковские инкунабулы, принадлежавшие А. С. Норову, вместе со всей его библиотекой приобрели в 1863 г. Московский публичный и Румянцевский музеи. В дальнейшем их указал в своих каталогах Н. П. Киселев¹³. Книги находятся сейчас в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина¹⁴.

⁸ См. «Библиотека Авраама Сергеевича Норова», ч. I. СПб., 1868, стр. 189, № 282.

⁹ Экземпляр находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Его шифр.: Inc. 4. 67.

¹⁰ См. F. A. E b e r t. Allgemeines bibliographisches Lexikon. Bd. 1. Leipzig, 1821, S. 886, № 10828.

¹¹ См. Th. F. D i b d i n. A bibliographical, antiquarian and picturesque tour in France and Germany. Vol. 3. London, 1821, p. 294.

¹² Его шифр: МК $\frac{E.III.2a}{8.279}$

¹³ См. Н. П. К и с е л е в. Каталог инкунабулов Московского Публичного и Румянцеваго музеев. Вып. 2. Инкунабулы из собрания Норова. М., 1913, № 17, 107, 145; е г о ж е. Инвентарь инкунабулов Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1939, № 59, 527, 693.

¹⁴ Их шифры: Inc. 4.67; Inc. 4. 52; Inc. 4.5.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Советское славяноведение». Материалы IV конференции историков-славистов (Минск, 31 января — 3 февраля 1968 г.) Изд-во БГУ им. В. И. Ленина. Минск, 1969, 668 стр.

В сборнике напечатано 103 доклада и сообщения¹. Они расположены в том порядке, в котором проходила работа конференции: доклады, сделанные на пленарном заседании, и доклады и сообщения, прочитанные на пяти секциях — двух по новейшей истории (вторая мировая война и послевоенный период, 1917—1939 гг.), двух по новой истории (вторая половина XIX — начало XX в., XVIII — первая половина XIX в.) и истории средних веков (V—XVII в.).

Сборник актуален по своему содержанию. Прежде всего в нем дается только новый материал. Это либо новые факты, либо новая интерпретация уже известного, либо оригинальная постановка вопроса.

Лейтмотивом IV конференции историков-славистов стала проблематика Великой Октябрьской социалистической революции и анализ ее влияния на славянские страны. Подведены итоги работ советских славистов за несколько лет. И. М. Белявская в докладе «Советское славяноведение за 50 лет» показала, что за истекшие полвека славяноведение в СССР выросло в самостоятельную научную дисциплину. Проследившая сложный путь развития славяноведческой науки в нашей стране, докладчица отметила особо важное значение для дальнейших исследований в области истории славян создания в 1939 г. кафедры истории южных и западных славян в Московском университете и сектора славяноведения в Институте истории АН СССР, преобразованного в 1947 г. в самостоятельный институт. Подлинный размах историко-славистических исследований приходится на 50—60-е годы и связан с приходом в науку большого отряда историков-славистов, подготовленных в 40—50-е годы. Тем не менее И. М. Белявская отмечает, что межвоенный и

послевоенный периоды в истории зарубежных славянских стран еще недостаточно исследованы, особенно процессы их политического и культурного развития, коммунистического движения и развития народно-демократического строя. В докладе было обращено внимание на явно недостаточный удельный вес монографий в общей массе печатной продукции историков-славистов, хотя в последнее десятилетие наметился определенный сдвиг в сторону увеличения выпуска монографий.

Много внимания И. М. Белявская уделяет вопросу о подготовке кадров славистов. Бесспорным представляется ее вывод о том, что хорошо поставленное преподавание славяноведческих дисциплин в университетах и других учебных заведениях имеет важное значение для дальнейшего развития советского славяноведения. С большим удовлетворением отмечалось, что в ряду основных профилирующих дисциплин утвердился университетский курс истории южных и западных славян.

В связи с тем, что перед славяноведением стоят важные задачи перехода от локальных и частных исследований к созданию больших синтетических работ по ряду проблем, особое значение приобретает проблема кадров.

Большую роль в формировании советского славяноведения стали играть межвузовские конференции историков-славистов. Их роль вскрывается в докладе И. А. Воронкова, одного из инициаторов созыва этого форума славистов. За шесть лет, которые прошли от первой до четвертой конференции, вдвое возросло число участников (до 200 человек), расширилась представительность, укрепилась связь между учеными, более четкой стала координация исследовательских работ.

«Периодические межвузовские конференции историков-славистов, — отмечает И. А. Воронков, — несомненно, способствуют развитию и координации славяноведческих исследований, улучшению учебно-методической работы и подготов-

¹ На конференции было заслушано 135 выступлений, из них 51 — по новейшей истории. Можно лишь сожалеть, что не удалось опубликовать все материалы полностью.

ке кадров славистов. Именно поэтому проведение такого рода конференций в будущем должно стать хорошей традицией». Выходя за рамки рецензируемого сборника следует отметить, что V конференция, состоявшаяся в Харькове в начале февраля 1970 г., серьезно упрочила эту традицию. И дальнейшим развитием ее, есть все основания полагать, станет VI конференция во Львове в 1973 г.

О большом вкладе в развитие советского славяноведения за двадцатилетие с 1947 по 1967 гг. рассказал И. А. Хренов в докладе, посвященном анализу исторических работ Института славяноведения АН СССР. За это время вышло в свет свыше 320 работ, в том числе 13 обобщающих трудов, более 100 монографий, свыше 30 томов документальных публикаций и свыше 100 сборников статей и материалов.

В секции новейшей истории межвоенного периода основное внимание было уделено проблеме влияния Великой Октябрьской социалистической революции на славянские страны. Обобщающий характер носит выступление В. В. Зеленина «Некоторые итоги и задачи изучения участия югославянских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в России». Главное, что предстоит сделать в этом направлении историкам, состоит в переходе к углубленному анализу идейного развития интернационалистского движения среди широких масс югославянских вооруженных и добровольцев в России. Особый интерес, в частности, представляет определение места интернационалистов — участников Октября в идейной борьбе внутри Коммунистической партии Югославии.

Принципиальный характер носит выступление С. М. Стецкевича «О характере событий 1918—1919 гг. в Польше», в котором подчеркивается решающее значение субъективного фактора — существования у пролетариата марксистской партии, способной возглавить массы в революции — при определении наличия условий для свершения социалистической революции. Автор приходит к выводу, что «слабость и распыленность пролетариата, отсутствие тесных связей между его отдельными отрядами, отсутствие марксистской партии нового типа, политический раскол мешали пролетариату выполнить роль гегемона в национальной демократической революции» (стр. 171—172).

Н. Т. Сапронова на материалах болгарской газеты «Учителска искра» за 1917—1922 гг. показала один из путей проникновения идей Октября в Болгарию, раскрыла значение газеты для воспитания у болгарских учителей и учащихся, у интеллигенции страны чувства глубокого уважения и симпатии к родине социализма.

А. С. Бейлис проанализировал идеологическую борьбу в болгарской истори-

ческой науке в 20—30-х годах под влиянием идей Октябрьской революции. В этой борьбе крепло и развивалось марксистское направление.

Очень интересно выступление А. Н. Киршевской о влиянии идей Великого Октября на Александра Стамболийского. «Почему стала возможной активная позитивная деятельность непролетарских лидеров, тогда как весь опыт прошлого неопровержимо свидетельствовал, что мелкая буржуазия самостоятельной роли играть не может?» — ставит вопрос автор. — «Своеобразной „моделью“ для изучения этого вопроса может служить пребывание у власти в Болгарии в течение трех с лишним лет Болгарского земледельческого народного союза» (стр. 188). А. Н. Киршевская устанавливает трансформацию взглядов, идеолога БЗНС, постепенный переход его на более радикальные позиции под влиянием идей Великой Октябрьской революции. Однако автор приходит к выводу, что влияние Октября все же «не могло быть достаточно глубоким и всеобъемлющим... Сдвиги в идеологии Стамболийского и руководимого им БЗНС были недостаточно значительными, сословная теория, являющаяся основным препятствием создания союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, оставалась непреодоленной» (стр. 195). Этот вывод не вызывает возражений. Но его обоснование требует, на наш взгляд, уточнений. А. Н. Киршевская полагает, что влияние Великой Октябрьской социалистической революции не могло быть достаточно глубоким и всеобъемлющим, «так как борьба двух противоположных систем, характеризующая начатую Октябрем новую эпоху, не достигла тогда еще той стадии, на которой проявляется перевес сил социализма над силами империализма» (стр. 195). Такая аргументация представляется неверной. Дело в том, что влияние Великой Октябрьской революции не зависит от событий, наступивших после нее. Напротив, сама революция определяет дальнейший ход событий, в частности, глубину и остроту борьбы двух противоположных систем. Влияние Великого Октября не зависит от того, был перевес сил на стороне социализма, или нет. Иначе получится порочный круг: влияния нет, так как нет перевеса, перевеса не может быть, так как нет достаточной глубины влияния.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции было различным по силе и глубине на различные страны и даже на различные партии и различных деятелей. Очевидно, на первый план при выяснении причин идейного влияния Октября следует ставить анализ внутренних условий развития, соотношения классовых сил и степени зрелости внутренних противоречий в каждой данной стране.

Проблемы, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией были предметом обсуждения на секции новейшей истории периода второй мировой войны и послевоенного времени. Этот раздел сборника открывается докладом В. Н. Белановского «Творческое применение идей Октябрьской революции в деятельности Болгарской коммунистической партии». В нем рассматриваются все важнейшие аспекты творческого применения революционного опыта КПСС, начиная с восстания 9 сентября 1944 г., которое явилось «началом социалистической революции в Болгарии, установившей в форме народно-демократической власти диктатуру пролетариата», до решений IX съезда БКП, взявшего курс на интенсификацию социалистической экономики. Развитие Болгарии — убедительное свидетельство того, что творческое применение опыта КПСС может приносить и приносит богатые плоды.

Значительный интерес представляют выступления теоретического характера. Н. И. Леднев остановился на разработке Болгарской компартией вопроса о характере народно-демократической революции. В центре внимания автора — решения V (декабрь 1948 г.) и VII съездов БКП (июнь 1958 г.). Значение решений V съезда БКП, по мнению автора, в том, что съезд оценил революцию как социалистическую с самого ее начала, определил народно-демократическую власть как новую форму диктатуры пролетариата.

Р. П. Гришина в сообщении «К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии» приходит к выводу, что «в конечном счете революция в Болгарии, начавшаяся восстанием 9 сентября, была социалистической, что в стране была установлена диктатура пролетариата». Однако «в целом стране понадобился определенный отрезок времени, до конца 1947 г., основным содержанием которого было постепенное, с приливами и отливами, развитие революционного процесса, когда происходило постепенное развитие и нарастание элементов диктатуры пролетариата вплоть до их полного торжества к концу 1947 — началу 1948 г.» (стр. 113).

Теоретический характер носит выступление М. И. Семиряги «Антифашистские вооруженные восстания и их место в национально-освободительной борьбе славянских народов в годы второй мировой войны». Автор вскрывает общие и специфические черты восстаний и приходит к выводу, что «по своему характеру восстания были народными, антифашистскими». На первый план были выдвинуты задачи демократического характера — национальное освобождение, изгнание иностранных оккупантов и прекращение преступной войны со стороны стран гитлеровского блока. Наряду с этим во всех восстаниях (кроме Варшавского) про-

явилась ярко выраженная антикапиталистическая направленность. Попытка автора привести все восстания в славянских странах в годы второй мировой войны к одному знаменателю не удалась полностью. Исключений оказалось больше, чем правил, специфики больше, чем общего. Не вносит автор ясности и в вопрос о характере восстаний в Болгарии и Югославии. Тема, по всей вероятности, требует своей дальнейшей разработки.

Югославская тематика в секциях новейшего времени представлена выступлениями Г. М. Славина «Коммунистическая партия Югославии — организатор и руководитель вооруженного восстания югославского народа», И. Д. Очака «Об участии югославов в Отечественной войне Советского Союза (1941—1945)», В. П. Радькова «К вопросу о возникновении народно-освободительных комитетов в Черногории», И. Н. Чемпалова «Внутренняя и внешняя политика правительства Симовича с 27 марта по 6 апреля 1941 г.», а также указанным выше сообщением В. В. Зеленина.

По польской тематике хотелось бы отметить доклад В. С. Парсадановой, в котором анализируются советско-польские переговоры летом 1944 г., показывается огромная политическая и дипломатическая помощь СССР в становлении народной Польши.

Бесспорный интерес представляют выступления В. С. Толстого об установлении советско-польской государственной границы и урегулировании на этой основе национального вопроса между СССР и ПНР; Э. М. Поздняк о сотрудничестве приграничных областей БССР с воеводствами ПНР; Н. С. Ореховой о роли КПП в укреплении революционного союза трудящихся Западной Белоруссии и Польши.

Яркий материал содержится в работе Е. Д. Воробьевой о связях чехословацких и советских трудящихся в 20-е годы. Многочисленные факты, приводимые автором, убедительно свидетельствуют о том, что поездки чехословацких делегатов в Советский Союз в 20-е годы внесли определенный вклад в дело укрепления дружбы народов Чехословакии и Советского Союза. В этом проявилась глубоко интернационалистская политика Коммунистической партии Чехословакии.

Противодействие Чехословакии австро-германскому таможенному союзу в 1931 г. стало предметом исследования Т. А. Кургузян. А. Ф. Кизченко собрал интересный материал о движении солидарности с Чехословакией в капиталистических странах в сентябре 1938 г. Довольно широкое, разнообразное по форме, это движение, будучи одним из ярких проявлений международной солидарности в борьбе против фашизма, не было лишено и определенных слабостей (разобщенность и недостаточная органи-

зованность), которые не позволили ему способствовать предотвращению гитлеровской агрессии против Чехословакии.

Материалы секций новой истории также отличаются большим разнообразием тематики. В интересной статье Б. Я. Табачникова «К вопросу о связях В. И. Ленина с левым крылом польской социал-демократии в 1911—1912 гг.» показана роль влияния В. И. Ленина на революционные силы польского социал-демократического движения.

Ряд материалов посвящен межславянским революционным связям; они расширяют наше представление об их масштабах и направлениях. Следует назвать выступления Е. К. Жигунова «К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в. (П. Л. Лавров и сербские революционеры)», К. Л. Струковой «К истории национально-освободительной борьбы балканских народов против турецкого владычества во второй половине 60-х годов XIX в.», Д. Ф. Поплыко «Связи В. Пелагича с Россией», А. М. Орехова «К истории русско-польских революционных связей 1887—1893 гг.».

Следует отметить материалы, посвященные национально-освободительному движению славянских народов. С. И. Сидельников проделал обстоятельный анализ численного и социального состава Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК) в 1869—1873 гг. Анализ социального состава позволил раскрыть смысл постоянной борьбы течений в БРЦК.

В. Г. Карасев установил факт сотрудничества в газете «С.-Петербургские ведомости» сербского демократа Живоина Жуевича, который с апреля 1864 по март 1866 г. заведовал ее славянским отделом и не прекращал связей с ней и в дальнейшем. Он приходит к выводу, что очерки Жуевича по истории Сербии первой половины 60-х годов XIX в. на целую голову выше исторических сочинений сербских буржуазных историков, что позволяет считать Жуевича начинателем демократического направления в сербской историографии.

Существенный вклад в разработку проблем идеологической борьбы в истории славянских народов вносят выступления В. И. Фрейдзона «О хорватском югославизме третьей четверти XIX в.», Н. Д. Ратнер «Австрославизм и австрийский пангерманизм», И. М. Теодорича «Ватикан и славянские народы после победы Февральской революции в России».

Значительный интерес представляют работы по экономической истории славянских стран. Так, К. П. Гогина освещает промышленный переворот в Чешских землях и его социальные последствия, отмечая некоторые особенности и закономерности этого процесса.

П. Г. Козловский на материалах Побужья показывает структуру земельной собственности, а также фактическое земельное держание феодалов и организацию управления магнатским поместьем в XVIII в. Важное значение имеют выводы автора о наличии в Побужье во второй половине XVIII в. сильнейшей концентрации земельной собственности и резкой поляризации внутри феодального сословия, о том, что экономически развитое крупное поместье конца XVIII в. являлось высокоорганизованным сельскохозяйственным производством, воспринявшим капиталистические приемы и методы ведения хозяйства, слабость которого, однако, состояла в крепостнической его основе (стр. 502—508).

Установлению путей расширения фольварочной запашки в Польше во второй половине XVIII в. посвятил свое выступление И. В. Созин. Значение этого исследования определяется тем, что магнатское хозяйство продолжало оставаться экстенсивным, а связи с рынком требовали увеличения объема товарной продукции. И. В. Созин рассматривает разнообразные приемы расширения фольварочной запашки в латифундии Ланцкоронских, расположенной в долинах притоков верхней Вислы — рек Дунайца и Ниды. Он считает, что фольварочные поля росли, главным образом, за счет захвата крестьянских земель (сгон крепостных с земли, запашивание «пусток», урезывание крестьянских наделов). Освоение новых земель играло второстепенную роль.

Для выступлений на секции истории средних веков характерна острая полемичность. Этот раздел сборника открывается выступлением В. Д. Королюка «О славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в XI—XII вв.». Он выступает против широко распространенного в западной историографии тезиса, что в период раннего средневековья у славянских народов не было сознания славянской общности. Очень точными и четкими доказательствами автор опровергает эту точку зрения и утверждает, что «осознавая себя славянами, русские, поляки или чехи получали возможность определить свое место в среде известных тогда цивилизованному миру народов, осознать себя как самостоятельную народность среди других народов Европы и Средиземноморья. Понятие славянской этнической общности помогало включить историю славянских народов во всемирный, основанный тогда, конечно, на библии исторический процесс, давало возможность ответить на вопрос, „откуда есть пошла“ русская, польская или чешская земля» (стр. 533).

Выступление Г. Э. Санчука «Раннефеодальный период истории западных славян в работах историков ГДР» знакомит советских читателей с той критикой

западногерманских буржуазных историков, которую развернули историки-марксисты ГДР. Особую значимость приобретает критика концепций, согласно которым Германия X—XII вв. рассматривается как олицетворение «единого средневекового Запада», а ее экспансия на Восток носила якобы мирный и цивилизаторский характер.

Проанализировав современную историографию о Яне Гусе, А. И. Митряев пришел к обоснованному заключению о необходимости дальнейших работ по истории гуситского движения, анализу взглядов Яна Гуса и разоблачению фальсификаторской сути как новых, так и старых реакционных концепций в буржуазном гуситоведении.

В разделе истории средних веков и в остальных разделах интересно каждое выступление. Таково маленькое открытие Е. А. Москаленко, рассказавшего о П. А. Яковенко как историке полабских славян. Такова полемическая заметка А. И. Рогова, содержащая весьма убедительное опровержение скептической точки зрения на существование славянской письменности в Чехии в X в., которую в последнее время пытаются возродить некоторые чехословацкие ученые. Таков историографический обзор Я. С. Мельничука «Польская деревня XVII в. в современной польской историографии».

А теперь настало время подвести некоторые итоги знакомству со сборником «Советское славяноведение». Прежде всего, сборник показывает, что оправдали себя не только сами конференции историков-славистов, но и публикации, отражающие работу этих конференций. Министерство высшего и среднего специального образования, Московский, Киевский, Воронежский, Белорусский, а теперь и Харьковский университеты, Институт славяноведения и балканистики АН СССР проявили очень перспективную инициативу, организовав межвузовские конференции историков-славистов. Важным этапом в развитии этой традиции стала Минская конференция, труды которой благодаря усилиям группы ученых Белорусского университета увидели свет. Теперь эстафета в руках харьковских ученых.

До сих пор (включая и V конференцию в Харькове) основным недостатком конференций (а это отразилось и на содержании рецензируемого сборника) была их многотемность. В чем причина такого явления? На наш взгляд, в том, что содержание конференций до сего времени заранее не планировалось. В лучшем случае объявлялось, что конференция будет приурочена к такому-то юбилею. Оргкомитет конференции пытался ввести в единое русло поток разнообразнейших исследований путем предварительного отбора их. Но это давало лишь возможность избавиться от слабых работ, но оставляло в силе их мозаичность. Выход, по нашему мнению, — в более строгой организации планирования. Оргкомитет определяет темы исследования (не больше 2—3 на секцию) и принимает для заслушивания на конференции только работы на установленные темы. Могут возразить: это-де приведет к резкому сокращению участников конференции. Но успешное развитие науки в наше время возможно лишь по плану, в котором будут объединены усилия больших коллективов для решения четко определенных задач. Наконец, чтобы удовлетворить требования наиболее упорных оппонентов нашей точки зрения, вполне допустимо установить какую-то разумную норму (скажем, 10% от общего числа выступлений) для сообщений на заранее незапланированные темы, представляющие действительно большой интерес и значение для науки.

Следует отметить, что определенные шаги к преодолению тематической разбросанности уже сделаны: V конференция в Харькове приняла решение о том, чтобы следующая, VI конференция была посвящена историографической тематике. Это очень хорошее решение. Но этого мало. Важно было бы определить тематику для каждой из секций.

Наконец, хотелось бы высказать предложение обсуждать на страницах журнала «Советское славяноведение» вопросы оптимальной организации будущих межвузовских конференций.

Н. Ф. Филопенко-Алексеев

НОВЫЙ ВКЛАД В БОЛГАРИСТИКУ

Вышедший в прошлом году труд М. Г. Рожновской¹ — один из серии трудов в ставшей уже традиционной в советском языковедении области всестороннего изучения болгарского языка в разные периоды его развития и в разных аспектах. Он посвящен интересному и важному вопро-

су синтаксического строя современного болгарского языка, а именно синтаксической роли одной из основных именных групп в языке — прилагательных, функционирующих в качестве разного характера определений в рамках предложения. Решение теоретических вопросов и языковой анализ строится на основе полной коллекции языковых форм, морфологически и синтаксически входящих в класс прилагательных.

¹ М. Г. Рожновская. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М., «Наука», 1970, 248 стр.

Основная задача исследования указана в ввводной части книги: «В работе рассматривается функционирование класса прилагательных в его основных синтаксических позициях, определяются формальные признаки и грамматическое значение конструкций, в которые входит прилагательное в этих позициях. Конструкции с прилагательными в разных позициях соприкасаются в языке с другими синтаксическими конструкциями, в состав которых входят либо другие классы слов, либо также прилагательные. Одной из основных задач работы является раскрытие существа такого соприкосновения и рассмотрение вопроса о том, в какой мере отграничены интересующие нас конструкции с прилагательным от других смежных конструкций и каковы грамматические показатели, которые их разграничивают» (стр. 6).

Как осуществлено это исследование? Нужно признать исчерпывающую осведомленность автора в опубликованной литературе, касающейся даже лишь частично или косвенно проблематики, которая была поставлена в качестве основной и центральной в ее исследовании. Критически оценивая и анализируя уже достигнутое в грамматической литературе изучение данного вопроса, автор формулирует свою точку зрения и приходит к выводам и обобщениям, которые в отдельных случаях поражают новизной видения и смелостью постановки вопроса. Разумеется, — это подчеркивает и сам автор. — работа содержит не только новые положения и оригинальные теоретические решения. Нужно, однако, отметить безупречную научную добросовестность автора по отношению к тому, что уже сделано другими авторами и что используется в ее исследовании в качестве установленного положения, предпосылки или исходного момента в широкой и глубокой разработке синтаксиса прилагательных при постоянном внимании даже к мельчайшим деталям, которые обнаруживает использованный ею новый материал, хотя и извлеченный из ограниченного числа источников. Одним словом, библиографическая полнота, обширная проблематика, новые теоретические обобщения, завидная точность в деталях — таковы опорные пункты, концептирующие основные впечатления от работы М. Рожновской.

Из вопросов, затрагивающих по существу функционирование прилагательных в болгарском предложении, автор опускает те, которые, по ее мнению, уже получили подробное освещение в болгаристике в последние годы. По этой причине она не касается вопроса функционирования прилагательных, понимаемых в широком смысле как обособленные части предложения.

Так как встал вопрос об объеме прилагательных, необходимо сразу отметить,

что в исследовании он определяется не только по их морфологическим признакам, но и по их синтаксической функции, хотя автор и не порывает окончательно с известными определениями языковых форм, функционирующих в качестве прилагательных, — причастными, числительными и местоименными прилагательными. Этой связи с традиционным определением форм можно было бы избежать на основе сделанной в начале работы оговорки и принятого в качестве ее следствия функционально-синтаксического критерия определения класса прилагательных.

Одним из немаловажных достижений рецензируемого труда является безупречный по своей ясности композиционный строй исследования, отражающий последовательное возникновение проблематики в направлении от предшествующего изложения к последующему. Композиционная структура соблюдена и в иерархической градации основных и дополнительных проблем исследуемой категории.

Раздел о функционировании прилагательного — обширный, исчерпывающий. Интересны и значительны результаты тщательного исследования всех случаев глагольно-прилагательных сочетаний в предикатно-атрибутивной связи и разделы, характеризующие сочетания как результат морфолого-синтаксико-семантических взаимозависимостей. Поэтому не удивительно, что в стремлении к исчерпывающей полноте автор естественно увлекается чрезмерным расширением группы глаголов, при которых определения-прилагательные возможны или выступают в качестве предикативных. В ряде случаев не используется возможность сделать выводы, которые, правда, выходят за рамки темы, но разъяснение которых способствовало бы более быстрой и правильной ориентации в условиях, вызывающих появление предикативных определений. Так, пример «Отиде си! — *излезе* Юрталана иззад малкия навес на старата плевня» не адекватен примеру «И баца и *излезе прав*» (стр. 18). Здесь очевидна существенная разница в значении глагола, которая делает возможным образование предикативного сочетания *излезе прав*, с одной стороны, и непредикативного *излезе навес* и снова предикативного *излезе намусен*, с другой стороны. Изменение значения глагола и семантический характер прилагательного являются той основой, на которой строятся различные комбинации и различные функции этих компонентов предложения.

Другой случай, когда автор не использует полностью свои интересные наблюдения, — анализ предикативных определений с учетом возможности их появления и при подлежащем и при прямом дополнении. При этом наблюдения и выводы полностью совпадают независимо от различия в синтаксическом положении опор-

ного существительного. Синтаксическая аналогия такого типа никогда не может быть случайной, и жаль, что автор не дала этому должного объяснения. Каково то общее, одинаковое в синтаксическом положении и поведении подлежащего (субъекта) и прямого дополнения (объекта), что допускает аналогичные комбинации в синтаксическом отношении и в отношении использованных средств? И поскольку автор занимается изучением залоговых отношений в языке (в морфологическом и синтаксическом плане), может быть, ей нужно было объяснить общность и близость между этими двумя компонентами предложения.

Подлежащее и прямое дополнение в болгарском языке могут меняться своими местами в предложении с изменением залоговой характеристики глагола. Таким образом, прямое дополнение нужно рассматривать как потенциальный субъект в грамматическом смысле. Именно поэтому возможны отмеченные автором и интересные во всех отношениях наблюдения над тождественностью возникновения ситуаций с предикативными определениями при подлежащем и прямом дополнении.

Однако в некоторых случаях при доказательстве автор оперирует неоднородным материалом. На стр. 20 не все примеры являются предикативными определениями. Пример «На това отгоре бозаджийницата бе наета от селския налбантин» (Е.-П.) представляет собой залоговое, а не предикативное сочетание.

Ценно в работе стремление автора охватить явление со всех сторон, принимая во внимание условия или предпосылки, ведущие к созданию последующей синтаксической конструкции. Этот принцип, однако, не применяется последовательно. Приходится сожалеть, что для полного и исчерпывающего описания языковых явлений автор не учла работы В. Георгиева о сочетании *имам* со страдательным причастием прошедшего времени.

К бесспорным достижениям труда М. Г. Рожновской нужно отнести подчеркивание ею тех признаков, которые дают возможность недвусмысленного восприятия данного явления как определенной синтаксической конструкции. С этой целью указывается роль порядка слов, значение использованных морфологических и синтаксических средств (членных форм, согласования), роль лексических индикаторов. Благодаря им схема предикативной конструкции и прилагательного, употребленного в предикативной функции, становится стройной, ясной и бесспорной. Эти условия ясно разграничивают распределение прилагательных, функционирующих в группе существительного как опорного элемента и в группе глагола как опорного элемента (простое, обычное определение и предикативное определение). Было бы ценным также указание причин, обусловивших возможность существо-

вания в болгарском языке предикативного определения при подлежащем, связанного не только с переходным, но и с переходным глаголом.

Особый интерес представляет VI глава монографии, в которой делается попытка определить грамматическую категорию «класс приглагольных прилагательных», а также объем определяющих его компонентов. Хотя мы и не согласны с выделением такого класса прилагательных, но полагаем, что автор имеет основание в соответствии со своей концепцией поддерживать такую точку зрения. Прежде всего не ясны мотивы, которые обязывают рассматриваемые прилагательные квалифицировать именно как приглагольные, поскольку эти, как и остальные, прилагательные входят в аналогичные синтаксические конструкции с глаголом, с одной стороны, и могут использоваться и в присубстантивной функции в качестве обычных определений в предложении, с другой стороны (стр. 48—52). Объяснение таких мотивов становится тем более необходимым, что в данном случае явно использован семантический, а не грамматико-морфологический критерий. Указанные на стр. 49 примеры с возможной или невозможной субституцией не доказывают, что она входит в число релевантных грамматических признаков рассматриваемых конструкций, так как является следствием семантической зависимости. Вот почему более правильным мне кажется сказанное на стр. 55: «Материал показывает, что группа прилагательных Π_1 , употребляющихся с рассмотренной группой глаголов Γ_1 , чрезвычайно обширна. Характеризуя ее границы, можно констатировать, что в состав этой группы входят все прилагательные языка». Такой же нерелевантный характер имеет и наблюдение над тем (стр. 63), что в класс приглагольных прилагательных входят преимущественно причастия, ибо оно опровергается самим автором уже на следующей странице. Если даже и имеются элементы, причастные по своему происхождению, указанные примеры фиксируют полностью завершившийся процесс адъективизации. Вероятно, видя нестабильность критерия, автор немедленно относит сущность вопроса к семантической специфике элементов рассматриваемых конструкций, которая определяет и их грамматико-лексическую валентность. Так что здесь, в сущности, нужно говорить не о специфической синтаксической позиции (стр. 65), а о лексически ограниченных условиях или лексической совместности употребления. О синтаксических условиях употребления этих конструкций можно говорить только при наличии типичных связующих глаголов (вспомогательных глаголов), которые напоминают употребление вспомогательного глагола *съм* — основного представителя глагольной связки при пре-

дикативных определениях. Но даже и это можно принять только условно, так как известно и самостоятельное употребление *сѣм*. И сам материал ясно показывает, что независимо от лексического состава глаголов (неполнозначные, полнозначные), входящих в конструкцию, эти глаголы, кроме условий своей семантики, указанных в исследовании, должны отвечать и условиям связующих компонентов. И это не зависит от таких грамматических особенностей, как переходность — непереходность и др.

В связи с изложенным до VII главы положениями возникают два главных вопроса.

1. Поскольку в работе не раз указывается, что в роли обычных и предикативных определений выступают не только собственно прилагательные, но и причастия, местоименные прилагательные, числительные, и поскольку при характеристике функционирования причастий в качестве существительного момента указывается их глагольное происхождение, но не подчеркивается их фактическое употребление и семантика, то естественно возникает вопрос, какова тенденция и каковы возможности адъективизации причастий. Есть все основания для постановки этого вопроса, если такая форма как *усмихнат* называется причастной только потому, что она генетически связана с глаголом *усмихна се*. Этой важной проблеме, затрагивающей процесс адъективизации причастных форм, следовало уделить подобающее ее значимости внимание. Может быть, это помогло бы автору ориентироваться в сложных вопросах залоговых категорий, выражаемых причастными компонентами и характеризовать их с большей ясностью.

2. Возникает и вопрос об объеме глагольных компонентов, входящих в сочетание с прилагательными как предикативные определения, которые не определены как синтаксическая конструкция. Сочетания с глаголом *сѣм* обычно относятся к категории составного сказуемого. Относительно остальных глаголов, образующих аналогичные конструкции, этот вопрос не ставится. Остается неясным, на основании какого критерия автор включает такие глаголы в один подкласс с глаголом *сѣм*. В исследовании определяется главным образом прилагательный элемент конструкции, называемый предикативным определителем. Какова синтаксическая сущность всей конструкции? На этот вопрос ответа мы не получаем.

К одной из наиболее интересных, оригинальных и значительных частей исследования нужно отнести главу VII, посвященную анализу параллелей между конструкциями глагол + приглагольное прилагательное и глагол + наречие. Точнее, это наблюдения над возможностями расширения глагольной группы обстоя-

тельством образа действия, занимающим особое место по отношению к приглагольному прилагательному (стр. 84). В сущности оказывается, что сочетание приглагольного прилагательного и обстоятельства образа действия при глаголе не совместимо. Эта несовместимость обуславливается функциональной близостью предикативного определения и обстоятельства образа действия, между которыми существует словообразовательная и семантическая связь. Поэтому обстоятельство образа действия выполняет не только функцию пояснения глагольного действия, но и указывает и признак субъекта действия. Именно в этом семантическом аспекте и функциональной эквивалентности пересекаются две взаимно исключающие друг друга синтаксические позиции. Предложение содержит обычно только один из этих компонентов и допускает их взаимозаменяемость. Возможность взаимной замены исключает их одновременное употребление, кроме их сочетания в качестве однородных частей и равноправных определителей глагола (стр. 92) и субъекта. Важен вывод, что обе конструкции занимают одно и то же место в предложении.

Особо нужно отметить исключительно тщательные наблюдения автора, касающиеся причин предпочтения конструкций с прилагательным или с наречием.

Странно, однако, что автор не использовала своих наблюдений над отсутствием влияния предикативных определений на расположение других компонентов предложения, связанных с глаголом или входящих в его группу. Предикативное определение занимает неизменно по отношению к глаголу контактную позицию. Это дает возможность характеризовать конструкции глагол + предикативное определение как синтаксические сочетания или как составное сказуемое. Возможности расширения предложения другими компонентами при наличии предикативного определения равны возможности такого же расширения предложения без предикативного определения.

Не менее интересные мысли, поддержку или возражения вызывает и вторая часть работы. В ней рассматривается вопрос функционирования причастий в болгарском языке. После обстоятельной морфолого-синтаксической характеристики очерчиваются границы функционирования причастных форм. Морфолого-синтаксические особенности причастий в болгарском языке до настоящего времени не были предметом специального и всестороннего исследования, хотя о них и высказывались общие мысли и решались частные вопросы. Заслуга М. Рожновской в том, что она всесторонне и детально исследовала эти интересные формы.

В этом разделе автор в известной степени отклоняется (я не считаю это отри

цательным моментом работы) от прямой цели исследования синтаксической роли прилагательных (к которым относятся и причастные формы как глагольные прилагательные) и принимается за изучение, изложение и в ряде случаев собственное освещение залоговых категорий в болгарском языке, разъяснением которых стремится дать полное синтактико-функциональное описание рассматриваемых групп форм с учетом всех грамматических и синтаксических их проявлений.

В этом разделе вопросы возникают в сущности не в связи с действительными причастиями (по мнению автора пассивно-залогами). Здесь все сравнительно ясно, поэтому и автор принимает существующую в болгарской лингвистической литературе и вообще в болгаристике точку зрения на них. Совсем иначе обстоит дело со страдательными причастиями прошедшего времени (согласно установленным в болгарской грамматической литературе положениям автор не говорит о страдательных причастиях настоящего времени). М. Г. Рожновская развивает свою точку зрения на генезис этих форм и на их залоговые признаки, на основании которых строит свою теорию их синтаксической функции и настойчиво и последовательно ее проводит.

Этот раздел, который в большой степени следует схеме первой части работы, порождает как вопросы, так и возражения по существу относительно двух основных положений в концепции исследователя, которые, хотя и не относятся к основной теме исследования, оказывают на первое воздействие благодаря тому, что на первый план выдвигаются признаки, влияющие на то или иное толкование синтаксических явлений и функционирования рассматриваемых морфологических групп. И поскольку автор постоянно ссылается на факты и признаки чисто морфологического характера, было бы, может быть, уместнее назвать монографию «Морфология и синтаксис прилагательного в болгарском языке».

Первый из таких вопросов относится к словообразовательной связи страдательного причастия прошедшего времени на *-и* (*-т*) с видами глаголов, а второй касается метода толкования и характера конструкций (или сочетаний) с *съм* (и его подклассом) + причастная форма.

Мы не можем не согласиться с выводом автора, что болгарская залоговая система и в настоящее время продолжает быть средоточием противоречивых лингвистических точек зрения, в той или иной степени отражающихся и на залоговой характеристике и определении грамматико-лексикального значения причастия. И поэтому мы не возражаем как против обширного обзора существующих в болгаристике по этому вопросу мнений, так и против изложения взглядов самого автора на болгарскую залоговую систему

вообще. Не останавливаясь на других, рассмотрим лишь вопрос о характере и происхождении страдательных причастий на *-и* (*-т*). Нельзя признать правильным тезис М. Г. Рожновской, что страдательное причастие прошедшего времени образуется только (и исключительно) от глаголов с элементом *се*, независимо от их залоговой характеристики. Приведенный ею материал, как и действительное положение в болгарском языке, опровергает данное утверждение. Независимо от убеждений автора и нашего возражения это не отражается существенно на синтаксическом употреблении причастной формы. Исключения составляют только те причастные формы, которые образованы от глаголов с элементом *се*, имеющих пассивный характер, отраженный в большей или меньшей степени в значении и производных форм и проявляющийся или восстанавливающийся наиболее полно в сочетании с вспомогательным глаголом *съм* — классической копурой в конструкциях глагол + предикативное определение.

Конечно, сказанное выше не исключает возможности того, что во многих случаях страдательные причастия образуются преимущественно от глаголов с элементом *се*. Это вопрос статистических данных, которых автор, впрочем, не приводит. Она ставит нас перед готовым фактом, к тому же принимаемым ею в чистом виде. Но если мы обратимся к данным на стр. 175—176, то мы увидим, что большая часть приведенных там причастных форм образуется как от глаголов с элементом *се*, так и от глаголов без этого элемента. При этом для многих из них более естественно и нормально допустить, что они имеют словообразовательную связь с глаголами без *се*. Цель этого утверждения раскрывается автором в последующем изложении. Выравнивая в словообразовательном плане причастные формы с осязаемыми залоговыми характеристиками или без них, она ищет и синтаксическо-функциональное их выравнивание. Только этим можно объяснить ее отказ считать сочетание глагола *съм* + страдательное причастие морфологической категорией (пассивной причастно-глагольной формой с ее регулярной парадигмой спряжения) и трактовку его как синтаксической конструкции глагол + предикативное определение. В этом случае она только частично признает за ними функцию морфологических признаков — в качестве компенсаторов дефективного (в отношении сложных пассивных глагольных форм) спряжения глаголов с элементом *се* со страдательным значением. Языковые факты опровергают и это утверждение автора, так как часто и регулярно употребляются именно сложные пассивные глагольные формы спряжения глаголов с элементом *се* (*Тези книги толкова много са се чели; Това се е чело, чело...* и т. д.). При этом

и причастно-страдательное спряжение уже представлено и простыми прошедшими временами (*Вчера бе четен проектът за...*, равно: *Вчера се чете проектът*).

Неравномерное распространение или употребление указанных глагольных времен с различным формальным выражением имеет другое объяснение, на которое автор не обратила внимание. Причина этого явления кроется не в дефективности отдельных спряжений, а в различии языковых сфер, в которых они функционируют. Причастно-пассивные формы имеют подчеркнутый книжный характер, и поэтому естественно, что мы их редко встречаем в разговорной речи или в тексте, который в большой степени воспроизводит ее особенности. Такой текст наиболее часто встречается в художественной литературе, откуда автор берет материал.

То, что конструкции *съм* + страдательное причастие являются глагольными формами, подтверждается и тем фактом, что они могут иметь при себе предикативное определение (не на базе синтаксической однородности, а на основе синтаксической зависимости), например: *Ще го доведе жив или мъртъв* (стр. 23) и *Ще бъде доведен жив или мъртъв*.

Вопрос не в том, что категоричностью своего утверждения автор выступает отчасти против установленного в болгарских грамматиках положения о сущности этих сочетаний и что в теории данного вопроса этим самым делается значительный шаг назад. Речь идет в сущности о нежелательной нестройности, ко-

торую автор вносит вообще в парадигму пассива, имеющую двойные формы выражения — спряжение глаголов с элементом *се* и спряжение причастно-страдательной формы с глаголом *съм*. Известно, что существуют мнения и о синтаксическом характере элемента *се* со страдательным значением. М. Г. Рожновская построила бы идеально стройную систему, если бы привнесла во внимание и этот тезис, для которого, как это очевидно, есть известные основания.

Но допустим, что автор права, признавая только частичную страдательно-глагольную функцию сочетания *съм* + страдательное причастие. В таком случае есть основание поставить вопрос и о характере сочетаний с другими глаголами, регулярно или только в определенных случаях выполняющих роль копулы (полукопулы). Можно ли признать частичную страдательно-глагольную функцию и этих сочетаний, особенно если субституция их глаголом *съм* нормальна и естественна (и грамматична, по терминологии автора)? Ср. примеры: *Платната се оказаха скъсани от вятъра* и *Платната бяха скъсани от вятъра*.

В сущности, это вопрос, который поставлен нами и выше в рецензии. Грамматическая литература, посвященная этому явлению в болгарском языке, значительно обогатилась бы, если бы поставленные вопросы нашли известное решение. Будем надеяться, что автор восполнит этот пробел.

Елена Георгиева

«Герои на антифашистката борба». Библиографски указател. Кн. I (1923—1944). София, 1966, 655 стр.; кн. II (1923—1944). София, 1969, 840 стр.

Издание библиографий, посвященных революционным борцам, погибшим в борьбе с фашизмом, было начато Народной библиотекой еще в середине 50-х годов. В 1954 и 1957 гг. были выпущены две книги под общим названием «Видные деятели, погибшие в антифашистской борьбе и в партизанском народно-освободительном движении»¹. Однако это издание было очень неполным, как по количеству названных героев, так и по объему литературы о них.

Новая работа включает материал более чем о 700 героях-антифашистах, павших в борьбе. Она охватывает период с установления фашистской диктатуры в Болгарии в 1923 г. и до победы в стране социалистической революции в 1944 г.

Весьма сложная задача, стоявшая перед авторским коллективом, заключалась

в определении принципов отбора деятелей революционного движения для включения сведений о них в библиографию. Дело в том, что в антифашистской борьбе пали тысячи коммунистов и беспартийных, руководителей партии и рядовых борцов. Даже при значительном объеме данного указателя включить материалы о всех них не представляется возможным. И надо сказать, в издании принят, на наш взгляд, единственно правильный путь решения этой проблемы. В первый том включены данные о руководящих деятелях антифашистского движения, о борцах, ставших национальными героями болгарского народа, а также о крупных писателях и поэтах, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом. В числе деятелей, о которых идет речь в первом томе, секретари, члены и сотрудники ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП), ЦК Болгарского коммунистического молодежного союза (БКМС), наиболее выдающиеся антифашисты из числа руководителей Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) — мелкобур-

¹ «Виднейшии загинали в антифашистката борба и в партизанското народно-освободително движение». Кн. I. София, 1952, 95 стр.; кн. II, София, 1957, 152 стр.

жуазной партии, левое крыло которой сотрудничало с коммунистами в борьбе против фашизма, руководители легальных рабочих организаций, действовавших под руководством подпольной партии, руководители Июньского и Сентябрьского восстаний 1923 г., партизанских отрядов («чет») в 1924—1925 гг. Значительную часть публикуемого материала составляют данные о руководителях Народно-освободительной повстанческой армии периода вооруженной борьбы против германского и болгарского фашизма, повстанческих оперативных зон, о наиболее отличившихся командирах отдельных партизанских отрядов, видных героях-партизанах.

В том не включены библиографические сведения о Д. Благоеве, Г. Димитрове, В. Коларове, Х. Кабакчеве, так как им посвящены самостоятельные большие библиографические труды.

Во втором томе опубликованы материалы о некоторых лицах, которые соответствуют критериям, принятым для первого тома, но названы в нем не были. В целом же второй том посвящен героической деятельности борцов против фашизма. Это — секретари, члены и сотрудники окружных комитетов партии и комсомола, антифашистские деятели ВЗНС окружного масштаба, члены руководящих органов легальных рабочих организаций, редакторы центральных печатных органов БКП и комсомола, руководители партизанских отрядов, бригад и боевых групп в 1941—1944 гг., наиболее известные рядовые партизаны, участники боевых групп и «ятаки» (помощники партизан).

О каждом из героев антифашистской борьбы приводятся следующие сведения: имя, под которым герой наиболее известен общественности, даты жизни, наиболее высокий пост, который занимал деятель в революционном движении (или наиболее характерное определение его роли: народный герой, пост-партизан и т. д.), портрет, краткая биография (с раскрытием точного имени), библиографические данные.

Составители проделали невероятно сложную и кропотливую работу, разыскав фотографии почти всех героев, о которых идет речь в двухтомнике, собрав библиографические данные не только из опубликованных книг и статей, но и из архивов и путем опроса близких и соратников героев.

Разумеется, наиболее трудной и ответственной частью работы было составление собственно библиографической части указателя. В библиографию включены в основном материалы, опубликованные в Болгарии после победы революции 9 сентября 1944 г. Представлены также (правда, в ограниченном количестве) статьи и сообщения из подпольной и легальной революционной прессы 1923—1944 гг. Составители вели поиск материалов одновременно по нескольким направ-

лениям: просмотр газет, журналов, мемуарной литературы и так называемых «единичных листов» (такое издание в Болгарии посвящается обычно определенному выдающемуся деятелю или крупному историческому событию в связи с юбилеем); изучение текущей библиографии («Български книгопис», «Летопис на периодичния печат») и составленных ранее картотек и библиографий; изучение документации отдела архива и фондов Музея революционного движения Болгарии и справочной редакции Болгарского телеграфного агентства.

Это позволило добиться большой полноты сведений. Библиография, посвященная каждому деятелю антифашистского движения, которая помещена в двухтомнике, включает документы самого героя, опубликованные после революции; биографии, воспоминания и художественные произведения, выпущенные отдельными изданиями, а также «единичные листы», посвященные данному лицу; материалы периодической печати до 9 сентября 1944 г.; другие материалы (статьи) из газет и журналов народно-демократической Болгарии, соответствующие фрагменты мемуаров и исследований и пр.). В отдельных случаях, когда литература о герое антифашистской борьбы велика, выделяются рубрики. Значительная часть названий имеет аннотации, раскрывающие содержание печатного материала, его характер или жанр и т. д. В аннотациях показано также содержание «единичных листов» сборников, специально посвященных деятелям антифашистского движения, иногда даются отсылки к другим печатным изданиям, которые в библиографию не включены.

Все содержание материалов двухтомника ярко свидетельствует о героической борьбе народа Болгарии против фашизма в течение более чем двух десятилетий, о руководящей роли болгарских коммунистов во всех экономических, политических и вооруженных схватках с капитализмом и реакцией.

При знакомстве с библиографией бросается в глаза еще одна характерная черта антифашистской борьбы болгарского народа — ее интернациональный характер. В числе героев, о которых идет речь, — борцы за свободу других народов. В обоих томах говорится о болгарах — руководителях и участниках интернациональных бригад в национально-революционной войне испанского народа 1936—1939 гг. Во втором томе публикуются биографии и библиографические материалы, посвященные участникам Великой Отечественной войны Советского Союза, руководящим деятелям Румынской коммунистической партии, участникам движения Сопротивления в Чехословакии, Австрии, Франции, Италии, Германии. Большая группа болгарских коммунистов, о которых говорится в двухтомнике, вела работу в Коммунистическом Интерна-

ционале и руководимых им международными организациями.

Оба тома библиографии содержат обширный справочный аппарат, включающий указатель источников, указатель имен героев, указатель героев по постам, которые они занимали, или по характерному для них роду деятельности, список населенных пунктов, в которых они родились, указатель авторов. Все это позволяет использовать издание весьма многопланово.

Все сказанное свидетельствует, что Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия выпустила весьма ценное и интересное научно-справочное издание, правда не лишенное некоторых упущений и погрешностей.

Составители тщательным образом изучили болгарскую прессу, но не привлекли в качестве источника материалы, опубликованные за рубежом, в первую очередь в СССР. Между тем в советской печати помещено сравнительно много статей, корреспонденций и других материалов, посвященных борцам против фашизма в Болгарии. Особую важность среди них представляют статьи и сообщения «Правды», «Известий» и других газет непосредственно по следам событий. В советской печати можно найти публикации о руководящих деятелях БКП Н. Габровском, С. Димитрове, Н. Кофарджикиеве, об известных коммунистах А. Стоянове и В. Хаджитаневе, о рядовых героях борьбы И. Лютибродском и А. Войкове, о левых деятелях БЗНС Д. Грынчарове и П. Петкове и др. Безусловно, включение важнейшей советской и другой прессы в число источников позволило бы углубить библиографическую разработку темы.

При отборе работ, принадлежавших самым участникам антифашистского движения, составители и редакторы включили только те, которые опубликованы в народно-демократической Болгарии. Такой критерий отбора представляется чрезмерно формальным. В указателе названы, например, произведения ряда писателей и поэтов, упоминаются документы, подписанные видным деятелем БЗНС А. Стамболийским. Однако во многих других, не менее важных случаях, составители от упоминаний документов героев-антифашистов отказались. Не названы книги и статьи крупного работника БКП Г. Генова, парламентские речи и брошюры депутата Народного собрания от Рабочей партии А. Стоянова и т. д.

В библиографических заметках о деятелях БЗНС, особенно о тех из них, которые входили в состав правительства А. Стамболийского в 1919—1923 гг., следовало бы подчеркнуть противоречивость их деятельности, связанную с мелкобуржуазным характером Земледельческого союза.

В отдельных случаях определение характера деятельности того или иного героя, на наш взгляд, является недостаточно четким или же требует дополнительных разъяснений. И. Кискинов, погибший в партизанском движении в 1941 г., определен, например, лишь как воевода политической «четы» 1924—1925 гг. (т. I, стр. 314); А. Драгиева названа «популярной героиней» (т. I, стр. 473), а Л. Барымов — «популярным молодежным героем» (т. I, стр. 500), хотя именно Драгиева была активным деятелем молодежного движения, а Барымов — работником БКП.

Совершенно очевидно, что отмеченные небольшие недочеты ни в коем случае не могут изменить общей положительной оценки. Опубликованный библиографический указатель содержит важнейший справочный материал о героической борьбе трудящихся Болгарии против фашизма и капиталистического гнета, за социализм. Этот материал будет широко использован не только научными учреждениями и учеными Народной Республики Болгарии, но и советскими специалистами-болгароведами, в первую очередь теми из них, кто исследует новейшую историю страны, а также историю болгарской литературы. Весьма интересен он и для наших библиографов, как оригинальное издание, не появлявшееся в других странах.

Хотелось бы пожелать, чтобы разработка темы «Герои антифашистской борьбы» была продолжена болгарскими историками и библиографами, и в последующих выпусках (на основе тех же принципов отбора) были представлены не только погибшие в борьбе герои. В таком случае был бы реализован принцип «никто не забыт и ничто не забыто». Это посылно нашим коллегам, что подтверждает выпущенный труд, свидетельствующий об успешном развитии исторической библиографии в социалистической Болгарии.

Г. И. Черняевский, В. Т. Вытяжков

«Токови револуције», Београд, т. 3, 1968; т. 4, 1969

В 1968 и 1969 гг. вышли в свет два очередных тома периодического издания по истории сербского рабочего движения, издаваемого Институтом истории рабочего движения Сербии в Белграде¹. Их содержание свидетельствует о расширении хронологического охвата и географических рамок исследований, о расширении их проблематики.

В третьем опубликовано семь работ авторов из разных областей Социалистической Республики Сербии. Статья А. Лебла² посвящена рассмотрению ряда крупных проблем из истории Сербской народной радикальной партии в Воеводине, ее отношению к аграрному вопросу, проблеме демократизации общества, к социалистическим идеям и др. В работе Ш. Месароша³ рассмотрены вопросы, связанные с борьбой сельскохозяйственного пролетариата в Бачке (Воеводина) на протяжении XIX в. Автор исследует происхождение сельскохозяйственного пролетариата в этой области Венгрии, классовый состав крестьянства и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Положение сельскохозяйственного пролетариата органически указано в работе с движением против капиталистической эксплуатации, появлением и деятельностью в 90-х годах XIX в. Социал-демократической партии Венгрии, с развитием различных течений в движении сельскохозяйственных рабочих в Воеводине.

Статья М. Палича также посвящена положению и борьбе сельскохозяйственных рабочих в Воеводине, но уже в период образования Королевства сербов, хорватов и словенцев⁴. Основное внимание в работе уделено созданию и деятельности профсоюзов среди сельскохозяйственных рабочих в Воеводине, влиянию Коммунистической партии на Союз сельскохозяйственных рабочих.

Статья М. Топаловича является продолжением исследования этого автора, опубликованного во втором томе сборника⁵, в ней рассмотрена коммунальная политика Сербской социал-демократической партии в 1903—1914 гг.⁶

¹ О первых двух томах см. «Советское славяноведение», 1968, № 5.

² А. Лебл. Српска народна радикална странка према аграрном питању, демократији и социјализму 1877—1918.

³ Ш. Месарош. Борба аграрног пролетаријата Бачке до краја XIX века.

⁴ М. Палич. Савез пољопривредних радника Југославије 1921—1929.

⁵ М. Топаловић. Српска социјал-демократска партија на општинским изборима. «Токови револуције», т. 2, 1967.

⁶ М. Топаловић. Комунална политика Српске социјал-демократске партије.

В работе Н. Йованович⁷ сделана попытка реконструировать организационную структуру Коммунистической партии в Сербии в период между III (1926) и IV (1928) съездами партии и показано развитие внутрипартийной борьбы в тот период. В третьем томе опубликованы также работы Б. Бошковица и З. Голубовича. Статья Бошковица посвящена развитию рабочего движения в Кошаоникско-ибарском рудном бассейне в 30-е годы и деятельности КПЮ среди шахтеров бассейна, ее работе по организации борьбы рабочих за экономические и политические права⁸. В статье Голубовича рассмотрена деятельность районного комитета КПЮ Западной Бачки и Бараньи в период народно-освободительной борьбы⁹.

В декабре 1969 г. вышел из печати четвертый том сборника, содержащий пять статей. Четыре из них принадлежат перу сотрудников Института рабочего движения Сербии, а одна — доценту философского факультета в Приштине Б. Бошковичу.

В исследовании Р. Ешича¹⁰ анализируются различные идейные течения в рабочем движении Сербии в 1903—1914 гг., идеологическое созревание и укрепление революционного направления в Сербской социал-демократической партии, борьба за единство организационных форм движения, партии и профсоюзов. Ж. Йованович посвятил свое исследование одному из важных вопросов политики Сербской социал-демократии — отношению ССДП к крестьянству, выработке взглядов сербских социал-демократов по аграрному вопросу и разногласиям в руководстве партии по вопросу об отношении к крестьянству¹¹.

Борьбе Сербской социал-демократической партии за улучшение экономического положения рабочего класса в Сербии и деятельности Рабочей палаты посвящена работа Л. Ивановича¹², а положению рабочих-швейников и их профсо-

⁷ Н. Јовановић. Организационо стање и унутарпартијски развој КПЈ у Србији 1926—1928.

⁸ Б. Бошковић. Раднички покрет на подручју кошаоничко-ибарских рудника (до 1941).

⁹ З. Голубовић. Окружни комитет КПЈ за западну Бачку и Баранју 1941—1944.

¹⁰ Р. Ешић. Идеолошко-политичке струје у радничком покрету Србије 1903—1914.

¹¹ Ж. Јовановић. Српска социјал-демократска партија према селшаштву 1903—1914.

¹² Л. Ивановић. Борба радничке коморе у Србији за спровођење Закона о радњама 1910—1914.

юзной организации, стачечной борьбе и другим формам деятельности — работа С. Девич-Убавич¹³.

Научные интересы Б. Бошковица сосредоточены на изучении положения и борьбы рабочего класса Ибарского горно-рудного бассейна, деятельности КПЮ в этом районе, сложной экономической и национальной обстановке. Этой проблематике и посвящена его работа в четвертом томе¹⁴.

¹³ С. Девич-Убавич. Савез абацијских радника.

¹⁴ Б. Бошковић. Образовање и

Коллектив Института рабочего движения Сербии подготовил к печати пятый том сборника, посвященный пятидесятилетию КПЮ, а также в настоящее время готовит и специальный том, в котором будут опубликованы доклады и сообщения, сделанные на научном симпозиуме, посвященном 50-летию КПЮ, состоявшемся в Белграде 24 и 25 ноября 1969 г.

Надежда Иванович

делатност КПЈ на подручју Косовске Митровице до 1941 године.

О НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Третий том этого издания¹ целиком посвящен народной культуре чехов и словаков. В работе над книгой приняло участие свыше 50 специалистов под руководством безвременно умершего проф. А. Мелихерчика, заслуги которого в области фольклористики хорошо известны.

В 1-й главе «Народная культура и ее изучение» читателя знакомят с понятиями «народ» и «культура», дают сведения об этнографии и фольклористике и их методах, предлагают периодизацию истории народной культуры чехов и словаков. В главах 2—6 рассказывается о чешской народной культуре, в главах 7—11 — о словацкой. Обе культуры описываются по единому плану, что позволяет читателю сопоставлять однородные факты и качество их описания. Авторы глав или разделов стремятся по возможности дать сведения по истории (или периодизации) описываемого явления, его предметного или жанровую характеристику, его связь с культурой господствующих классов, со сходными европейскими явлениями. К сожалению, подобные сведения не всегда носят исчерпывающий характер. Очень скупо, например, описаны верования, заговоры, обычаи и народная медицина чехов. Краткость описаний фольклорных и в меньшей степени этнографических фактов, вероятно, во многих случаях можно объяснить стремлением авторов охватить предельно широкий круг этих фактов, а накопленная информация несомненно превышает объем представленного тома.

Краткая глава 12 посвящена проблемам чешского и словацкого народного искусства, где, в частности, правильно отмечается, но не раскрывается его утилитарная значимость. Том завершается заключением, библиографией (распределенной по главам) и целым рядом указате-

лей. В книгу включено множество цветных и черно-белых иллюстраций, представляющих большой интерес.

Эту работу чехословацких ученых трудно оценить однозначно. Она несомненно выполнена добротнее, чем многие популярные издания². И именно поэтому нельзя не сожалеть о некоторых недостатках издания. Подчеркиваем: мы исходим из того, что книге суждена долгая жизнь в качестве ценного пособия, дающего необходимые справки о явлениях народной культуры чехов и словаков и знакомящего читателя с уровнем их изученности.

Во многих разделах затрагиваются этногенетические проблемы, но вскользь. Приходится сожалеть, что отсутствует специальная глава об этногенезе чехов и словаков, наличие которой значительно бы облегчило показ истории народной культуры. Жаль, что в издании, посвященном народной культуре чехов и словаков, нет главы о взаимодействии культур этих братских народов.

В издании нерешенным остается вопрос о связях народной культуры чехов и словаков с другими славянскими народными культурами. Межславянские связи тех или иных явлений, если о них говорится, лишь называются в книге, но не показываются. Чувствуется, что авторы скептически относятся к проблеме праславянского единства, вопросам общности славянских народных культур. Средневековые связи Чехии, Моравии, Силезии и Словакии с неславянскими народами, лежащие буквально на поверхности и почти осязаемые, не следует

² Ср.: «Народи Југославије». Српска Академија наука и уметности. Посебна издања, књ. CCCLXXXV. Етнографски институт, књ. 13. Београд, 1965; «Народы европейской части СССР». Под ред. В. А. Александрова, К. Г. Гуслистого, А. И. Залесского, В. К. Соколовой, К. В. Чистова. М., 1964 (в серии «Народы мира. Этнографические очерки»).

¹ «Československá vlastivěda». Díl III. Lidova kultura. Hmotní a duchovní kultura českého a slovenského lidu. Orbis — Praha, 1968, 784 s.

противопоставлять сугубо славянскому аспекту: одно другого не исключает и может быть оценено по достоинству лишь с учетом взаимосвязанности этих явлений. Можно не принимать методику и решения П. Шафарика, К. Эрбена, Й. Махала, Л. Нидерле и других ученых старых школ, однако вместе с этим неприятием нельзя отвергать и вообще славянскую проблематику.

Понимая, что даже в таком большом томе нельзя объять необъятное, можно было бы ожидать, что авторы попытаются возместить свою лаконичность и упущения за счет расширенной библиографии. К сожалению, они этого не сделали. В особенности скуповата фольклористическая библиография, из которой, например, почему-то вышала алфавитный указатель чешских, моравских, силезских и словацких песен Ч. Зибрта (1895 г.), вообще скупо представлена наука XIX — первой половины XX в., зарубежная литература о чехах и словаках, литература с общеславянским уклоном.

Хотя к рецензируемому изданию можно предъявить ряд критических замечаний, мы рекомендуем его в качестве полезного справочного издания. Кстати, в последние годы число таких книг по народной культуре славян возрастает: «Этнография Болгарии» Хр. Вакарелско-

го, прошедшая, к сожалению, незамеченной из-за ограниченного тиража²; «Словник польского фольклора» под редакцией Ю. Кшижановского³; дополненный и прекрасно изданный вторично фундаментальный труд «Народная культура славян» К. Мошиньского⁴; посмертно изданный курс лекций Ц. Романской⁵. Без этих книг обойтись нельзя, и вместе с тем надо полагать, в них еще не сказано последнее слово науки о народной культуре славян. Многообразие, жизненность, непереходящая ценность народной культуры требуют поиска новых методических приемов и новых решений «вечных» проблем народного творчества.

Ю. Смирнов

² Ch r. W a k a r e l s k i. Etnografia Bulgarii. Polskie Towarzystwo ludoznawcze. Prace etnologiczne, t. VII. Wrocław, 1965.

³ «Słownik folkloru polsikigo». Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.

⁴ K. M o s z y ŋ s k i. Kultura ludowa słowian. T. I. Kultura materialna. T. II. Kultura duchowa. Wyd. 2-e. Warszawa, 1967—1968.

⁵ Ц. Р о м а н с к а. Славянските народи. Етнографска характеристика. София, 1969.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1970 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Экономика, экономическое сотрудничество

Б а й т А. Планы и фактический рост в Югославии. «Наука», 1970.

Б е р г Д. С. На современном этапе строительства социализма. (Из опыта соц. строительства в европейских странах — членах СЭВ.) «Знание», 1970.

Б о б р о в В. Я., Б у д к і н В. С. Науково-технічний прогрес в світовій системі соціалізму. Київ, 1970.

Б а р д и н В. В., А в д е п ч е в Л. Р. Югославия. Эконом.-геогр. характеристика. «Мысль», 1970.

Б р у з В. С. Борьба СРСР за створення системи колективної безпеки в Європі і політика західних держав (1933—1935). Київ, 1969.

Б ы к о в А. Н. Научно-технические связи стран социализма. Этапы, формы, методы и тенденции развития. «Мысль», 1970.

В о й т о в и ч С. Д., В о р о б е й Н. С., Т о л с т о й В. С. Сотрудничество Белорусской ССР с социалистическими странами. «Наука и техника», 1970.

Воплощение идей ленинизма во внешнеэкономических отношениях социалистического государства. Материалы научн. конференции... 17—18 февраля 1970 г. М., 1970. Производство рабочей силы в странах мировой социалистической системы. М., 1970.

Вопроизводство совокупного общественного продукта и методологические проблемы межотраслевых балансов стран — членов СЭВ. М., 1970.

В у к о Никола. Миграция населения и рост числа рабочих в Югославии в период между двумя мировыми войнами. «Наука», 1970.

З е в и н Л. З. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве социалистических и развивающихся стран. «Наука», 1970.

Киселева З. Л. Развитие химической промышленности в социалистических странах Восточной Европы. Киев, 1970.

Лесечко М. А. Советский Союз в системе международного социалистического разделения труда стран — членов СЭВ. «Экономика», 1970.

Осьмова М. Н., Фашинский И. П. Экономика зарубежных стран. Учебн.-метод. пособие для студентов вечерних и заочных отделений эконом. фак-тов и гос. ун-тов. Изд-во МГУ, 1970.

Петров Ф. П. Научно-техническое сотрудничество социалистических стран в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. «Знание», 1970.

Пивоваров Ю. Л. Население социалистических стран зарубежной Европы. Структурно-географические сдвиги. «Наука», 1970.

Подписков Г. Современный этап экономического сотрудничества НРБ и СССР. Кишинев, 1970.

Попов И. В. Основные направления технического прогресса в странах СЭВ. «Мысль», 1969.

Попов И. В. Сотрудничество стран — членов СЭВ. «Знание», 1970.

Поспелова Л. В. Экономические закономерности развития мировой системы социализма. Пенза, 1970.

Раковский С. Н., Булавин В. И. По Югославии. Геогр. очерки. «Просвещение», 1970.

Рудаков Е. В. Хозрасчетные отношения в сельском хозяйстве европейских социалистических стран. М., 1969.

Рябушкин Т. В. Закономерности воспроизводства в социалистических странах. «Знание», 1970.

Симчера В. М. Межотраслевые балансы зарубежных стран и методологические проблемы их сопоставления. Докл. на симпозиуме по моделированию нар. хоз-ва (Новосибирск, 1970 г.), М., 1970.

Статистические сведения об электротехнической промышленности европейских социалистических стран. М., 1970.

Тимашев А. К. Проблемы экономики минерального сырья в научной литературе зарубежных европейских стран социалистической системы (1964—1967 гг.). Обзор. М., 1969.

Экономика СССР и зарубежных стран. Ч. 1—2. Социалистические страны. М., 1970.

Экономическая география зарубежных стран. Уч. пособие для средн. школы. «Просвещение», 1970.

Экономический механизм сотрудничества стран социализма. (Вопросы теории и методологии.) «Мысль», 1970.

Шарапов Г. В. Ленинский кооперативный план и его международное значение. «Экономика», 1970.

2. Партийная жизнь

Готвальд К. Избранные статьи и речи. Политиздат, 1970.

Заграва волі. З історії Ком. партії. Зах. України. (Сб. ст.) Львів, 1970.

Маршруты мира и дружбы. (Сб. ст.) Лениздат, 1970.

3. Государственное строительство, право

Свобода Людвик. Избранные статьи и речи. Политиздат, 1970.

Богуславский М. М. Правовое регулирование международных хозяйственных отношений. Очерки теории и практики эконом. сотрудничества стран социализма. «Наука», 1970.

Водное законодательство зарубежных стран. (Научн. обзор.) М., 1970.

Мазанов Г. Г. Международные расчеты стран — членов СЭВ. Вопросы развития и совершенствования. «Финансы», 1970.

Марышева Н. И. Кодификация международного частного права и процесса в европейских социалистических странах. М., 1970.

Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. Юрид. лит-ра, 1970.

4. Справочники

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970. Политиздат, 1970.

СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Стат. сб. «Статистика», 1970.

Страны мира. Краткий полит.-эконом. справочник. Политиздат, 1970.

Экономика стран социализма. 1968 г. «Экономика», 1970.

Экономика стран социализма. Эконом.-стат. справочник. «Статистика», 1969.

Украинская ССР в изданиях республик Советского Союза и стран социалистического содружества. Библиогр. ежегодник за 1969 г. Харьков, 1970.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Ист о р и я

Балканский исторический сборник, т. 2. Кишинев, 1970.

Бейлис А. С. Становление марксистской историографии в Болгарии (с конца XIX в. до соц. революции 1944 г.). Проблемы болгарского Возрождения. Львов, 1970. Братский союз. (Сборник.) Политиздат, 1970.

В едином строю. Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. 1941—1944. Минск, 1970.

В а л и а н и Л. Социалистическое движение в Европе после 1914 г. «Наука», 1970.

Великий Жовтень і розквіт воз'єднаного Закарпаття. Матеріали наук. сесії присвяч. 50-річчю Великої Жовтневої соц. революції 29 червня — 2 липня 1967 г. Ужгород, 1970.

Великий освободительный поход. (Сб. статей и воспоминаний сов. военачальников.) Политиздат, 1970.

Вопросы истории славян. Вып. 3, Воронеж, 1970.

Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. 36. документів. Київ, 1970.

Герои Сопротивления. «Просвещение», 1970.

Д ж у р и ч М. М. Образование многонационального государства Югославии (1918—1921 гг.). Изд-во МГУ, 1970.

Древние славяне и их соседи. (Сб. ст.). «Наука», 1970.

Дружба не знает расстояний. Сыктывкар, 1970.

Ж и г и л і й В. А. Краківський вал. Київ, 1970.

З о г р а ф с к и Д. Европейские державы и Балканы в начале XX в. (1900—1914 гг.). «Наука», 1970.

Інтернаціональна сила лєнінських ідей. В. І. Лєнін і рев. рух у країнах Центр. і Півден — Східн. Європи. Київ, 1970.

Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран). «Наука», 1970.

К а к о в с ь к и й К. Г. На шляху до Великого Жовтня. Страйковий рух в Галичині кінця XIX — початку XX ст. Львів, 1970.

К у х а р е н к о Ю. В. Археология Польши. «Наука», 1969.

Л е л ю ш е н к о Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. «Наука», 1970.

Ленин и исторические судьбы болгарского народа. М., Политиздат, 1970.

Ленин и Польша. Проблемы. Контакты. Отклики. «Наука», 1970.

Л і с е в и ч І. Т. Дружбі нашій жити у віках. (До 25-річчя радянсько-польськ. Договору про дружбу, взаємодопомогу і післявоен. співробітництво.) Київ, 1970.

М а к а р е н к о Я. М. С Россией в сердце. В. И. Ленин в Польше в 1912—1914 гг. Политиздат, 1970.

Международное, коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение. Уч. пособие, ч. 1 (60—80-е годы XVIII в.— 1939 г.) М., 1970.

М и р о ч и ц к и й Л. П. Дружба братских народов. (К 24-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.) Минск, 1970.

На вечные времена. Сб. «Советская Россия», 1970.

Наша дружба нерушима. Встречи сов. парт.-правительств. делегации в Праге. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. Прага — Москва, 1970.

Н и к и т и н С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. «Наука», 1970.

О к с е н ю к Р. Н. Нариси історії Волині. (Сов. економ. розвиток рев. та нац.-визвольний рух трудящих 1861—1939 г.) Львів, 1970.

Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. «Наука», 1970.

Они освобождали Европу. Воспоминания и очерки. Донецк, 1970.

Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов 1944—1945. «Наука», 1970.

От Волги до Эльбы и Праги. (Краткий очерк о боевом пути 5-й гв. армии.) Воениздат, 1970.

П а з д н я к Э. М. Суседзі і брати (Брацкія сувязі паміж БССР і Польщай.) Минск, 1970.

Питання нової та новітньої історії європейських соціалістичних країн (тематич. збірник). Ужгород, 1969.

Работы советских историков за 1965—1968 гг. «Наука», 1970.

Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. (Сб. статей.) «Наука», 1970.

Р а т н е р Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. «Наука», 1970.

Руководящая роль рабочего класса в социалистических странах. «Мысль», 1970.

- Самченко П. А. Полум'яне слово публіциста на сторожі дружби і співробітництва І. Франка у польск. прогресивній газеті «Львівський кур'єр». Київ, 1970.
- Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. «Наука», 1970.
- Семенов Г. Г. Наступает ударная. Воениздат, 1970.
- Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. «Наука», 1970.
- Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. «Наука», 1970.
- Сидельников С. И. Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872). Харьков, 1970.
- Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. «Наука», 1970.
- Славянская историография и археография. (Сб. ст. и мат.-лов.) «Наука», 1969.
- Табуга И. М. Польская Народная Республика. Тбилиси, 1970.
- Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии (август 1970). «Наука», 1970.
- Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рига). 1970.
- Туполев Б. М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. «Наука», 1970.
- Україна і зарубіжний світ. Київ, 1970.
- Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. «Наука», 1970.
- Христов Х. Идеологические течения в Юго-Восточной Европе в XIX—XX вв. до первой мировой войны. «Наука», 1970.

2. Культура

- Бухаровська Ю. Л. Творчість Леопольда Стаффа і стиліові пошуки польської поезії першої половини XX ст. Київ, 1970.
- Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. «Наука», 1970.
- Выставка пейзажей Владзимежа Закшевского. Каталог. Л.— М., 1970.
- Ганцкая О. А. Народное искусство Польши. «Наука», 1970.
- Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. (На материалах колхозов Болградского р-на Одес. обл.) Київ, 1970.
- Дунаевский А. И опять иду по следу. Новосибирск, 1970.
- Зарубежные литературы и современность. (Сб. ст.) Вып. 1. Худ. лит-ра, 1970.
- Зарубежные киносценарии. «Искусство», 1970.
- Зарубежные славянские литературы. XX век. «Наука», 1970.
- История словацкой литературы. «Наука», 1970.
- Колодяжная В. С., Трутко И. И. История зарубежного кино, т. 2, 1929—1945. «Искусство», 1970.
- Кушаков А. В. Из истории русско-польских литературных связей второй половины XIX — начала XX в. Орел, 1969.
- Лордкипанидзе Д. О. Ян Амос Коменский. 1592—1670. «Педагогика», 1970.
- Марков Д. Ф. Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур. «Наука», 1970.
- Мартынов И. Очерки о зарубежной музыке первой половины XX в. «Музыка», 1970.
- Мельник О. Ю. Словацько-українські пісенні зв'язки. Львів, 1970.
- Мордвицев А. А. Славянская антирелигиозная сказка. Київ, 1970.
- Моторний В. А. Сторінки чеської Ленініани. (Літ.-крит. нарис.) Львів, 1970.
- Польско-русские литературные связи. «Наука», 1970.
- Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. «Наука», 1970.
- Скрипка В. М. Українська, чеська та словацька народна лірика. (Іст.-порівняльне дослідження). Київ, 1970.
- Слов'янське літературознавство і фольклористика. (Зб. статей.) Вип. 5. Київ, 1970.
- Творческая встреча советских и болгарских кинематографистов 16 ноября 1970 г. (стенграмма). М., 1970.
- Трофимович К. К., Моторний В. А. Нариси з історії сербо-лужицької літератури. Львів, 1970.
- Трофимук С. М. Революційна поезія Західної України. 1917—1939. Львів, 1970.
- Чайковский и зарубежные музыканты. Избр. письма иностр. корреспондентов «Музыка», 1970.

Югославские средневековые фрески. Сербия. Македония. Черногория. (Копии фресок и слепков архит. деталей из собрания Галереи фресок в Белграде. Каталог.) «Аврора», 1970.

3. Языкознание.

Б у н и н а И. К. История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива. «Наука», 1970.

Вопросы балтийской и славянской антропонимики. Материалы межреспубл. конференции. Шауляй, 1970.

Г а б и н с к и й М. А. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. (К проблеме инфинитивности в балк. яз.) «Наука», Ленингр. отд-ние, 1970.

Граматика слов'янська І. Ужєвича. Київ, 1970.

Е л к и н а Н. М. Старославянский язык. Метод. указания для студ. заочн. II курса филол. фак-тов гос. ун-тов. М., 1970.

Е с е л е в и ч Э. И. Закон открытого слога и его отражение в старославянском языке. Казань, 1970.

И л ь я ш е н к о Т. П. Языковые контакты на материале славяно-молдавских отношений. «Наука», 1970.

Исследования по сербо-лужицким языкам. (Сб. ст.) «Наука», 1970.

К р е т о в а В. Н. Старославянский язык. (Уч. пособие для студентов.) Воронеж, 1970.

К р и в ч и к В. Ф., М о ж е й к о Н. С. Старославянский язык. Вышэйш. школа, 1970.

Л а г у т и н а А. В. Костянтин — Кипрло — творец слов'янского письма. Київ, 1969.

Л е о н и д о в а М. А. Карманный русско-болгарский словарь. 8200 слов. Сов. энциклопедия, 1970.

М и р о в и ч А. и др. Большой русско-польский словарь. В 2-х кн. Около 65 000 слов. Кн. 1—2. М.— Варшава, 1970.

Н е м ч е н к о В. Н. Историческая фонетика старославянского языка. Горький, 1970.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969. «Наука», 1970.

Р о ж н о в с к а я М. Г. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. «Наука», 1970.

С м и р н о в Л. Н. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. «Наука», 1970.

Т о л с т о й И. И. Сербскохорватско-русский словарь. 54 000 слов. Сов. энциклопедия, 1970.

Тезисы докладов совещания по общеславянскому лингвистическому атласу... 13—27 июня 1970. М., 1970.

Ч е ш к о Е. Б. История болгарского склонения. «Наука», 1970.

Этимология. 1967. Мат-лы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24—31 января 1967 г. «Наука», 1969.

*ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1970 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)*

**1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
ЕВРОПЫ**

Б п л я к В. Великий Октябрь — залог нынешних и грядущих побед. Парт. жизнь. 1970, № 23.

Историческое место социализма, этапы и критерии его развития. (Обзор материалов дискуссии ученых социалистических стран, состоявшейся в Праге 8—9 октября 1970 г.) «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 12.

П а в л о в Т. Ленинизм в битве за человека. (Перепечатано из «Проблемы мира и социализма», 1968, № 10—11.). В кн. Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом. М., 1970.

С а н т о Л. Великая Октябрьская социалистическая революция и ленинизм. (Сокращенный перевод статьи, опубликованной в журнале «Nowá mysl», 1969, № 1.4) В кн. Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом. М., 1970.

Т и т о И о с и ф Б. Ленин — мысли-

тель и стратег социалистической революции. В кн. Ленинизм живет и побеждает. М., 1970.

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Блатов А. Организация Варшавского договора — важный фактор мира и безопасности Европы. (К 15-летию Варшавского Договора.) В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970 г. М., 1970.

Гаврилов А. Мирное будущее и безопасность Европы (В частности, о позиции социалистических стран в этом вопросе. Коммюнике стран Варшавского Договора 20 авг. 1970 г.) Мировая экономика и междунар. отношения, 1970.

Гаевский В. П. Пролетарский интернационализм и военная защита социализма. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12.

Иванова И. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения в 1969 г. (В статье содержится материал об укреплении социалистического содружества). В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970 г., М., 1970.

Мирончук Д. И. Провал планов дипломатии западных держав использовать Совет министров иностранных дел для восстановления довоенного империалистического режима судоходства на Дунае. (СМИД — СССР, США, Великобритания, Франция, Китай.) В кн. Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск, 1970.

Новак Я.: В. И. Ленин и чехословацкое рабочее и коммунистическое движение. В кн. В. И. Ленин и международное движение. М., 1970.

Рышард Война. Шаг вперед к нормализации отношений в Европе. К итогам переговоров между Польской Народной Республикой и Федеративной Республикой Германии. «Новое время». № 47.

Свобода Л. Роль Советского Союза в современном мире. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 11.

Шуршанов В. М. Социалистический интернационализм и международное право. (Международные правовые формы сотрудничества социалистических стран). В кн. Московский институт международных отношений. Ученые записки. (Материалы конференции на тему: Великая Октябрьская соц. революция и междунар. право), 1969.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Абаджиев И. Аграрно-промышленные комплексы — новый этап развития сельского хозяйства Болгарии. «Про-

блемы мира и социализма». Прага, 1970, № 12.

Астахин Л. В. Внешняя торговля Польши и развитие экспортной специализации производства. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1970, № 6.

Афонин Н. Энергосистема «Мир». (О сотрудничестве стран СЭВ в области энергетики.) Внешн. торговля, 1970, № 11.

Балицкая П. Опыт введения платы за фонды в Польской Народной Республике. «Экономика Советской Украины», 1970, № 10.

Беляев Ю. Экономические интересы и сотрудничество стран — членов СЭВ. Вопросы экономики, 1970, № 12.

Богомолов О. Проблемы экономической интеграции социалистических стран. Проблемы мира и социализма. Прага, 1970, № 11.

Бутаков Д. Финансовые вопросы хозяйственных реформ в странах — членах СЭВ. Вопросы экономики, 1970, № 11.

Вайн П. Некоторые вопросы финансов и товарообмена в области сотрудничества между странами — членами СЭВ. «Ценообразование за рубежом» (НИИ по ценообразованию), 1970, № 3.

Вакс А. Централизованное планирование и инициатива предприятий в стимулировании научно-технического прогресса в европейских странах — членах СЭВ. В кн. Технический прогресс и эффективность социалистического производства, Понкар-Ола, 1970.

Вопросы методологии сопоставления стоимостных показателей развития народного хозяйства. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1970, № 5.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1970, № 4.

Дзюбко Г. С., Лопатова Д. Т. Проблемы международного социалистического поділу праці та матеріально-технічної бази країн соціалізму «Питання нової та новітньої історії». 1970, вип. 10.

Доценко А. П., Иванов И. Н. Радянсько-болгарське кооперування автотракторного виробництва. Вісн. Київськ. ун-ту, Сер. економіки, 1970, № 12.

Капистянский, А., Неребецкий Л., Вагнер Я. Проблемы энергетического хозяйства Польши в период 1964—1966 гг. и перспективы его дальнейшего развития. В кн. Энергетика мира и перспективы ее развития. М., 1970.

Колачек А. К вопросу изучения рынка в местах иностранного туризма. (Рассматривается также иностранный туризм в европейских социалистических странах). В кн. Рынок при социализме. М., 1970.

Комплексная программа развития сотрудничества в области водного хозяйства. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1970, № 5.

Король Э. На благо советского

и польского народов (О советско-польском экономическом и техническом сотрудничестве за 1966—1970 гг.). Внешн. торговля, 1970, № 10.

Костовицкий Е. Основные принципы и методы типологии сельского хозяйства. (Статья основана на результатах работы Международной комиссии по типологии сельского хозяйства, представителем которой является автор данной статьи.) Изв. АН СССР, Сер. геогр., 1970, № 6.

Кредисов А. Н. Трактровка теоретиками «конвергенции» проблем распределения и потребления при социализме. В кн. Борьба марксизма-ленинизма с буржуазными и мелкобуржуазными экономическими теориями социализма. Вып. 1, М., 1970.

Леоненко П. М. Критика взглядов теоретиков «рыночного самоуправляемого социализма» на планирование социалистической экономики. В кн. Борьба марксизма-ленинизма с буржуазными и мелкобуржуазными теориями социализма. Предварит. материалы. Всесоюз. научн. конференции. Вып. 2. М., 1970.

Лернер Ф. Ш. Критика модели «демократического социализма». В кн. Борьба марксизма-ленинизма с буржуазными и мелкобуржуазными теориями социализма. Вып. 1, М., 1970.

Макаров В. Контейнеризация внешнеторговых перевозок стран СЭВ. Внешн. торговля, 1970, № 12.

Малютина Н. Н. Совершенствование системы материального стимулирования в промышленности ПНР. Труд и зар. плата, 1970, № 4.

Маркович Р. Энергетические ресурсы и их использование в Югославии. В кн. Энергетика мира и перспективы ее развития. М., 1970.

Минеев В. Н. Социал-реформистский вариант теории конвергенции социализма и капитализма. В кн. Борьба марксизма-ленинизма с буржуазными и мелкобуржуазными экономическими теориями социализма. Вып. 1, 1970.

Митрофанова Н. Плата за фонды в условиях самофинансирования «Деньги и кредит», 1970, № 10.

Михайлов С. Материально-техническая база сельского хозяйства Болгарии. Экономика сел. хоз-ва, 1970, № 12.

Многостороннее научное и техническое сотрудничество в области информации. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1970, № 4.

Мошна З. Актуальные проблемы управления народным хозяйством в ЧССР. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1970, № 6.

Никольский А. С. Чехословацкая Социалистическая Республика: процессы политической и экономической консолидации. (Об экономике, внутренней и внешней политике в 1969 г.) В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970 г., М.

Никольский А. С. Развитие энергетической базы в Народной Республике Болгарии. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1970, 17 дек., № 151.

Новосельцева А. А. Экономические связи социалистических государств с развивающимися странами. В кн. Роль государства в экономическом развитии социалистического общества в современных условиях. М., 1970.

О новых формах сотрудничества в области приборостроения. Бюл. экон. информации (СЭВ), 1970, № 5.

Осьмова М. Н. Проблемы экономической интеграции социалистических стран — членов СЭВ. Изв. АН СССР, Сер. экон., 1970, № 6.

Пенков И. И. Новые города в Народной Республике Болгарии. Изв. Всесоюз. Геогр. о-ва. Л., 1970, т. 102, вып. 5.

Петрова Н. К. Производственные связи рабочего класса СССР с рабочими социалистических стран как проявление пролетарского интернационализма. В кн. Национальное и интернациональное в жизни народа. (Материалы межреспубликанской научной конференции). Вып. 3, Киев, 1970.

Роменская И. Н. Организация нормирования труда в некоторых зарубежных странах. В статье также содержатся данные по ГДР, ПНР и СРР. Экономика и общетранс. вопросы. 1970, вып. 46.

Сарай М. I. Здійснення ленінських принципів розвитку зовнішньої торгівлі СРСР з країнами-членами РЕВ. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. сусп. наук. 1970.

Семенов Н. Социалистическая Федеративная Республика Югославия в 1969 г. (Об экономике, внутренней и внешней политике.) В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970.

Семенова А. Определение эффективности научно-технической кооперации. (О сотрудничестве стран СЭВ.) Экономика стр-ва. 1970, № 10.

Сотрудничество в вопросах кооперации планов научно-исследовательских работ в области цветной металлургии. Бюл. экон. информации СЭВ, 1970, № 5.

Статистика научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности стран — членов СЭВ. Бюл. экон. информации СЭВ, 1970, № 4.

Токарева П. А. Международные союзы нового типа сотрудничества. (О международных организациях стран социализма.) В кн. Московский институт международных отношений. Ученые записки. Материалы конференции на тему «Великая Октябрьская соц. революция и междунар. право». М., 1969.

Хавина С. Буржуазные экономические теории социализма. «Вопросы экономики», 1970, № 11.

Хавина С. А. Критика антимарксистских концепций социалистической собственности на средства производства. В кн. Борьба марксизма-ленинизма с буржуазными и мелкобуржуазными экономическими теориями социализма. Предварит. материалы Всесоюзн. научн. конференци. Вып. 2, М., 1970.

Ходов Л. Об одном из аспектов экономических связей между странами двух мировых систем. Вопросы экономики, 1970, № 12.

Шелков О. М. Развитие международных банковских организаций стран — членов СЭВ. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1970, 3 дек, № 145.

3. Партийная жизнь

Аврамов Р. По ленинскому пути. (История создания и деятельности БКП на современном этапе.) В кн. В. И. Ленин и международное коммунистическое движение. М., 1970.

Гусак Г. Доклад Густава Гусака на пленуме ЦК КПЧ 10 декабря 1970 г. «Правда», 1970, 16 дек.

Легуров Э. И. Борьба Польской Объединенной рабочей партии за ленинские принципы идеологической деятельности, за идейную чистоту своих рядов. (Из истории борьбы ПОРП против ревизионизма и догматизма в 1955—1968 гг.) Уч. зап. Гос. ин-та физ. культуры. Л., 1970, вып. 15.

Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ. Изложение Документа, принятого декабрьским пленумом ЦК КПЧ 1970 г. «Правда», 1971, 15 янв.

4. Государственное строительство и право

Анисимов В. Польская Народная Республика в 1969 г. (Об экономике, внутренней и внешней политике.) В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970 г., М., 1970.

Бондаренко Е. Л. Внешнеэкономическая функция социалистического государства в рамках мировой социалистической системы. В кн. Роль государства в экономическом развитии социалистического общества в современных условиях. М., 1970.

Бурич О., Зечевич А. Семейные отношения и их место в системе социальных связей Югославии. В кн. Социальные исследования. Вып. 4, М., 1970.

Видершпиль С. Тенденция развития рабочего класса в период социалистического строительства в Польше. В кн. Руководящая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1970.

Гаврилов Э. П., Шатров В. П. О едином авторском свидетельстве на изобретения социалистических стран. «Вопросы изобретательства», 1970, № 12.

Гусак Г. Актуальность ленинских идей о государстве и демократии. В кн. Ленинизм живет и побеждает. М., 1970.

Живков Т. Ленинизм и проблемы строительства социализма в Болгарии. В кн. Ленинизм живет и побеждает. М., 1970.

Крамаренко Л. Викования судових рішень за законодавством Польської Народної Республіки. Рад. право, 1970, № 11.

Манев А. Сдумой о каждом. (Об организации социальной помощи в Болгарии.) Соц. обеспечение, 1971, № 1.

Савов М. Народная Республика Болгария: четверть века по пути социализма. (Об экономике, внутренней и внешней политике в 1969 г.) В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1970 г. М., 1970.

Сергієнко А. О. Загальні підстави цивільно-правової відповідальності за заподіяну шкоду в Польській Народній Республіці. (О гражданско-правовой ответственности за причиненный вред в ПНР: вред, причинная связь, вина.) «Проблемы правознавства», 1970, вып. 17.

Туманов Г. Роль органов юстиции в деятельности исправительно-трудовых учреждений Югославии. Сов. юстиция, 1970, № 22.

Штромас А. Ю. Уголовно-правовая охрана прав личности по законодательству СФРЮ. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства. 1970, вып. 22.

Юстицкий В. О современной польской социологии семьи. В кн. Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970.

Яницкий Я. Рабочий класс и интеллигенция в Народной Польше. (Характеристика изменения в системе взаимоотношений.) В кн. Руководящая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1970.

Ярошевский Т. Научно-техническая революция: перспективы развития рабочего класса и гуманизации отношений между людьми. В кн. Руководящая роль рабочего класса в социалистических странах. М., 1970.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Агаян Ц. П. Балканы и единство национально-освободительной борьбы угнетенных народов Османской империи. Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1970, № 10.

Алсупе А. П., Келембетова В. Е. Юбилейный съезд польских этнографов. Торунь, окт. 1969. (О 24 съезде Польского этнографического общества) Сов. этнография, 1970, № 6.

Антоневич Е. О балто-славянских соприкосновениях в Северной Польше в 6—8 вв. В кн. Археологические ис-

следования, посвященные памяти Харри Моора. Таллин, 1970.

Б а к а л е й к о С. В. Историчні корені болгаро-української дружби. Вісн. Київського ун-ту. Сер. історії, 1970, № 12.

Б а х м а т К. П. Українсько-болгарські наукові зв'язки (1958—1968 рр.) Вісн. Київського ун-ту. Сер. історії, 1970, № 12.

Б о б р о в а С. П. Дечанские сокальники. (Некоторые новые данные об этой категории сербского крестьянства XIV в.) Вопросы истории славян. Воронеж, 1970, вып. 3.

Б о р н и к о в А. И. К вопросу о роли декабристов как зачинателей русско-польского революционного союза. Вопросы истории славян. Воронеж, 1970, вып. 3.

В. Б. Дослідник давньої історії слов'ян. (До 70-річчя від дня народження М. Ю. Смішка.) Укр. іст. журн., 1970, № 11.

В а с ь к і в В., З л у п к о С. Внашування пам'яті вождя на Західній Україні. (О проведенні ленинських днів в 1925—30-е годы.) Нар. творчість та етнологія, 1970, № 5.

Восточные авторы о славянах и русах IX в. В кн. Сборник документов по истории СССР. Ч. I, IX—XIII вв., 1970.

Г а й д а й Г. А. Революційні зв'язки російських моряків Чорноморського торговельного флоту з болгарськими тіснями (1911—1913 рр.). «Питання нової та новітньої історії». 1970, вип. 10.

Г е р м а н А. А. Проблемы русско-польских революционных связей в 60-е годы XIX века в польской исторической литературе II половины XIX века. В кн. Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск, 1970.

Г о р ю н о в Е. А. Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе. Сов. археология, 1970, № 4.

Г р о с с м а н Ю. М. Висвітлення в історіографії питання про експорт хліба західноукраїнськими землями в XVI—XVII ст. (Обзор работ польских и советских авторов с начала XX в. до наших дней.) Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1970, вип. 6.

Ж и г у н о в В. М. Внешняя политика Польши кануна второй мировой войны в буржуазной историографии (Рассматриваются основные направления английской и американской историографии.) Вестн. Моск. ун-та, История, 1970, № 6.

З а й ц е в В. В. Провикнення британського капіталу в країни Балканського півострова наприкінці XIX — на початку XX ст. «Питання нової та новітньої історії», 1970, вип. 10.

З а х а р о в В. В. К вопросу о кре-

стьянском землевладении в Задарском округе в XI—XIV вв. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

З е л е н и н В. В., С л а в и н Г. М. Вклад народов Югославии в разгром фашизма. «Новая и новейшая история», 1970, № 6.

И в а н о в В. В. Болгарский историк Димитр Ангелов. «Вопросы истории славян». Воронеж, 1970, вып. 3.

К а л е н и ч е н к о П. М. Революційна боротьба сільськогосподарських робітників Польщі (листопад 1918—жовтень 1919 рр.). Укр. іст. журн., 1970, № 10.

К а с п ж а к Я. В. И. Ленин и польское рабочее движение. В кн. В. И. Ленин и международное коммунистическое движение. М., 1970.

К е л е м б е т о в а В. Двадцять четвертий з'їзд польських етнографів. (Горунь). Нар. творчість та етнологія, 1970, № 5.

К о с т е л ь н и к В. Югославські рушники-українці в боротьбі проти фашизму та в народній революції Югославії (1941—1945 рр.). Укр. іст. журн., 1970, № 11.

К р а в е ц ь М. М. Сервітутне питання в масових селянських виступах у Східній Галичині наприкінці 60-х років XIX ст. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст., 1970, вип. 6.

К у з ь м и н А. Братская помощь. (О помощи, оказанной Советским Союзом Народно-освободительной армии Югославии в 1944—1945 гг.) Воен.-ист. журн., 1970, № 10.

К у ц и н а С. М., Ч е р н и л о в с к и й З. М. «Польская правда» — важнейший памятник феодального права Польши. (О сборнике «Księga prawa zwyczajowego polskiego», открытым для науки в 1868 г.) Уч. зап. Всесоюз. юрид. заочн. ин-та, 1970, вып. 20, ч. I.

Л а п т е в а Л. П. Иероним Пражский в русской историографии XIX — начала XX в. (Дается оценка взглядов русских историков на Иеронима). Вестн. Моск. ун-та. История, 1970, № 6.

Л е в а ш е в а В. П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими. В кн. Древности Восточной Европы. М., 1969.

Л и в а н ц е в К. Е. Политическое учение польских ариан. Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение, Л., 1970, № 5.

М а к а р Ю. I. Братия допомога радянського народу варшавським повстанцям проти німецько-фашистських окупантів у 1944 р. «Питання нової та новітньої історії», 1970, вип. 10.

М а н а п ч и к о в а Н. П. Форма землепользования в Дубровнике второй половины XIII в. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

М е л ь ц е р Д. Б. Из истории бело-русско-болгарских связей (участие бе-

лорусского народа в освобождении Болгарии от оттоманского гнета). В кн. Вопросы истории БССР. Вып. 37, Минск, 1969.

Митев Й. Великая Октябрьская социалистическая революция и болгарская армия в 1917—1918 гг. Воен.-ист. журн., 1970, № 11.

Моц М. Чехословакия: выход из кризиса. (Анализ развития событий в стране в 1968—1969 гг.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1970, № 10.

Наумов Е. П. К истории аграрных отношений в Которском округе. (Вторая половина XIV в.) «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

Новак Я. В. И. Ленин и чехословацкое рабочее движение. В кн. В. И. Ленин и международное коммунистическое движение. М., 1970.

Оятева Е. И. Кожаная обувь из средневековых городов Польши. (Краткий обзор публикаций.) В кн. Археологический сборник, 12. Л. 1970.

Павелко В. У. Видатний діяч чехословацького і міжнародного комуністичного руху. (До 90-річчя від дня народження Б. Шмерала.) Укр. іст. журн., 1970, № 10.

Панкратий, митр. Старозагорский. Тысяча сто лет Болгарской православной церкви. Журн. Моск. Патриархии, 1970, № 10.

Петр Николаевич Третьяков. (К 60-летию ведущего археолога-слависта.) В кн. Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Петров Н. А. О деятельности Захария Захариева в гражданской авиации СССР. (Из истории советско-болгарской дружбы.) «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

Побал Л. Д. Симпозиум на славянской археологии у Балгарии. София, 22—23 апр., 1970 г. (О международном симпозиуме на тему «Славяне и средиземноморский мир») Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1970, № 5.

«Повесть временных лет» о ранней истории славян. В кн. Сборник документов

по истории СССР. Ч. I. IX—XIII вв. М., 1970.

Рикман Э. А. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. Сов. этнография, 1970, № 6.

Сапронова Н. Т. Международный комитет пропаганды и коммунистическая организация в Болгарии. (О деятельности представителей Учительской коммунистической организации в Болгарии, входившей в состав МКП.) «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

Сапронова Н. Т. «Учительская искра» в Болгарии о событиях Великой Октябрьской революции в культурном строительстве в Советской России (1917—1922). Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1970, т. 108.

Сахарчук И. М. Діяльність КПЗУ по пропаганді ленінських ідей серед трудящих (1929—1933 рр.) Наук. праці з історії КПРС, 1970, вип. 36.

Сегада В. М. З історії боротьби Комуністичної партії Чехословаччини за демократизацію народної освіти (1921—1924 р.) В кн. Питання нової та повітньої історії європейських соціалістичних країн. Ужгород, 1969.

Статуты факультета искусств Пражского университета. (Постановления факультетских собраний и советов с 1366 по 1471 г.) «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

Султанов В. П. О борьбе за болгарские железные дороги в первой половине 80-х годов XIX века. (Освещается позиция России в этой борьбе.) Уч. зап. Рязан. гос. пед. ин-та, 1969, т. 90.

Сьома В. «Республіканець» у боротьбі проти антинародної політики уряду ЗУНР. (О деятельности прогрессивной газеты в 1919 г. изд. Селянско-Робітничча спілька в Станиславе). «Архіви України», 1970, № 5.

Теодорович И. М. Критика В. И. Лениным политики центральных держав у польському питанні (1914—1916 рр.) «Питання нової та повітньої історії», 1970, вип. 10.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1970 № 5

И. Димитров. Народный союз «Звено» (1 октября 1944 — 19 февраля 1949 г.); Л. Живкова. Переход Англи к политике гарантий весной 1939 г.; С. Дойнов. Болгары и Первое сербское восстание; Е. Грозданова. Сбор налога джизье на болгарских землях в XVI—XVIII вв.; Г. Нешев. Новые данные о болгарском происхождении квартала Шкей в г. Брашове; И. Божидов. Печать Леона Сарацинопула — стратега Иоанопула и Доростола.

«Литературна мисъл», № 5

З. Петров. Богомил Райнов. Черты творческого портрета; П. Зарев. Творческий путь Христо Смирненского; А. Анчев. Духовное родство Йордана Йовкова с Львом Толстым; М. Жечев. Путешествие Никоса Казандзаниса в наше время; И. Пасп. Ирония; Д. Петканова-Тотева. Природа в древнеболгарской литературе; Б. Ничев. Проникновенный исследователь; Д. С. Димитров. Константин Константинов.

«*Език и литература*», 1970, № 5

В. Велчев. Русская и украинская литература и международное революционное социалистическое движение; В. Квачадзе. О некоторых типах словообразования в южнославянских языках в сравнении с русским языком; И. Сукиасова. Текстологическая работа над вариантом романа «Бегущая по волнам» А. С. Грина; С. Исаков. К вопросу о болгарско-эстонских литературных отношениях; И. Дурнданов. Южнославянские этимологии. О первоначальных опытах социалистического изображения человека у угнетенных народов; Н. Туни. Документ начальной Ленинианы; Д. Келер. Образ и прообраз «Революции» и «Революционера» в 1914—1921 гг. с точки зрения немецкого журнала «Die Aktion»; Х. Мейер. Новые славистические поступления в Немецкой государственной библиотеке (1967).

«*Български език*», 1970, № 5

Е. Демина. К истории модальных категорий болгарского глагола; К. Ивanova. Способы действия глаголов с приставками *о-* и *у-* (с учетом орфографии); М. Лакова. Структура и значение глаголов турецкого происхождения в болгарском языке; Д. Дончева. Русские неопределенные местоимения и наречия типа *-то, -нибудь (-либо), ...ни было* и их эквиваленты в болгарском языке; К. Илиева. О некоторых особенностях частиц как служебной части речи; А. Лазарова. Будущее время в подчиненном предложении (Употребление *ще* после *когато*); М. Младенов. Об одном новом значении слова *гора* 'поле'; М. Выгленов. О двух немецких словах в кондитерской терминологии; Р. Мутафчиева. Основные статистические характеристики в лингвистическом исследовании (Средние величины); Ж. Трайкова. Диалектные тексты из Костурского округа; Л. Андрейчин. Излишний иноязычный глагол («коствам») в нашем языке; Л. Андрейчин. *Ведомство, ведомствен*; Р. Русinov. О произношении и правописании прилагательного имени *адекватен*; А. Ничев. Не «Хрисанд», а *Хрисант!*; К. Иванова. Перфорированные карты в языкознании — реальность и перспективы.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1970, № 3

У. Леман. Вклад Иоанна Фридриха Гаркноха в изучении России в Германии в XVIII в.; Г. Ионас. К проблеме изображения человека в «Записках охотника» И. С. Тургенева; Н. С. Траувски и н. Социальный роман Ж.-Б. Швейцера в революционной России; Х. Ко-

рад. К характеристике ранних споров вокруг исторической и гуманистической концепции М. Шолохова; Т. Витковски. Мифологически мотивированные древнеполабские местные названия; Ф. Хинце. Кашубские названия частей озера Гардерзее в западной Померании; Ф. Хинце. Тысяча кашубских танцевальных припевок Яна Патока с переводом на немецкий язык и комментариями; Л. Роппель. Шесть писем Ф. Лоренца Яну Карновскому; С. Франкова. Иоанн Андреас Шмеллер — один из первых немецких славистов.

№ 4

А. Л. Дымшиц. Социализм и литературоведение; М. Енихен. О диалектике национального и интернационального в формировании европейской социалистической литературы (1918—1945); И. Идзиковски. Некоторые линии развития в социалистическом изображении человека у М. Горького; К. Зеехазе. Образ Ленина в ранних репортажах о Советской России как постоянный элемент создания социалистического образа человека; Я. Е. Эльсберг. Литература и Ленин о «силе привычки»; Г. Шауман. Маяковский и немецкий экспрессионизм; Х. Вальд. Х. Хупперт как переводчик поэмы «Ленин» В. Маяковского; Г. Дювель. К характеристике проблематики мировой литературы в творчестве Всеволода Вишневского; Е. Траутман. К диалектике индивидуального и общественного в советской драме 20-х годов; К. Глобиг. Человек и революция; Л. Рихтер. Партийность, народность и интернационализм; Б. Цитлов. От анархистской смуты к революционному действию; И. Зеехазе. Письмо Божены Немцовой.

«*Kwartalnik Historyczny*», 1970, № 4

К. Гурский. Отношение рыцарства и шляхты к мжновластью в XIV и XV веках; А. Собоуль. Герой и история; М. Згурняк. Перемены в военной ситуации Европы после Мюнхена, 1 X 1938 — 1 IX 1939; Г. Висневска-Бенек. Промышленность Лодзинского округа в последней фазе войны.

«*Z pola walki*», 1970, № 3

Б. Врублевская. Польская проблематика в германской публицистике Юлиана Мархлевского; Я. Томичкий. Попытка восстановления II Интернационала после первой мировой войны; Д. Лукач. Участие поляков в национально-освободительной войне в Югославии 1941—1945; М. Вилюш. Центральный Комитет Польской рабочей

партии (январь 1942 — июль 1944); Э. О л ь ш е в с к и й. Манифест Польского комитета национального освобождения.

«Pamiętnik Literacki», 1970, № 4

И. О п а ц к и й. «Уравнение с одним неизвестным» Словацкого (о лирических стихотворениях раннего периода); В. В е й н т р а у б. «Балладина» или игра Шекспира; М. П о д р а з а - К в я т к о в с к а. Символическая концепция поэзии; С. Б а л ь б у с. К проблемам ритмики стиха Зыгмунта Красиньского; Л. П ш ё л о в с к а. Вои за рифму; Э. К о п ч и н ь с к а. Значение выбора стихотворной формы (на примере польского восьмисложного стиха); Ч. З г о ж е л ь с к и й. Замечания о работе над текстами Мицкевича.

«Slavia Orientalis», 1970, № 3

А. К а у п у ж. О первом польском переводе «Дум» Рыльева; Б. Г а л ь с т е р. Об «идейном переломе» Гоголя; Я. О р л о в с к и й. Начало литературной популярности Некрасова в Польше; Е. Ф а р ь о. Избранные вопросы поэтики Бориса Пастернака; Е. Г о д в о д. Источники театра Евгения Шварца.

«Język Polski», 1970, № 4

Е. О с т р о в с к а я. Рей в оценке Кохановского; К. П и с а р к о в а. Названия молодежных музыкальных коллективов в Польше; Э. К л о н. *Katowice, Katowscy, Katowice* в свете геральдического материала и документов; Я. Т в а р д з и к о в а. Об отношении развертывания в сложно-подчиненном предложении; Э. И в т о н а ц и я; М. С х а б о в с к а я. Производные прилагательные, обозначающие форму предмета; Диалектные тексты; М. К у ц а л а. Древнепольские примеры удвоения подвижного окончания прошедшего времени; Ф. С л а в с к и й. *Prawidłnik* или *prawowiedlnik*?; Э. Б р е з а. Еще раз об усвоении орфографии...; М. К у ц а л а. [Дополнение].

№ 5

Я. О т р е м б с к и й. Польск. *hulać, hultaj, gulon* и др.; М. К у ц а л а. О прочтении апострофы Сказания о святом Алексии; Е. О с т р о в с к а я. Метод взаимной обусловленности (на примере прочтения фрагмента Сказания о св. Алексии); М. К а р а с ь. О слове *uniwersytet* не в первый раз; В. П и с а р е к. О делении слов — без полемики.

«Ceskoslovenský časopis historický», 1970, № 6

Б. К р з е м и е в с к а я. Кризис чешского государства на рубеже тысячелетия; В. П е ш а. Попытка основания социал-демократической партии в габсбургской монархии в 1868 г.; Д. У г л и р ж.

Конец правительства межнациональной коалиции и республиканская партия в 1929 г.

«Slovanský prehled», 1970, № 6

Л. Е. Г а в л и к. Начало государственной жизни балканских славян; М. К у д е л к а. История славяноболгарская — всё нерешенная проблема; И. К о л а р ж. Начало чехословацко-болгарских дипломатических отношений в 1919—1923 гг.; В. А т а н а с о в - В а с и л е в. Из болгарско-чехословацких дипломатических отношений между двумя мировыми войнами.

«Slovenská literatura», 1970, № 5

К. Б а р б о р и ц а. Из румынских контактов Ивана Краско; Ю. Ш п и т ц е р. Ондрей Браксаторис (1782—1845); В. Ц и г е р о в а. «Майская ночь» Мюссе в переводе Штефана Крчмери; В. Т у р ч а н и й. Об одном источнике од Яна Голдого; М. В ы в и я л о в а. Словацкие народные повины.

№ 6

В. П е т р и к. Словацкая проза до 1945 г.; Я. П о л я к. К проблемам развития словацкой литературы для юношества в 1918—1945 гг.; И. К у с ы. Словацкая литература в Воеводине; Я. В. О р м и с. Иван Лилге-Лисецкий; Я. М и ш и я п и к. Переписка между словаками и Лейбшицем; Ц. К р а у с. Альманах «Табор» 1870; Ю. Ш п и т ц е р. Поэт и фантазия.

«Slavia», 1970, № 3

Г. Н е в е к л о в с к и. Ударение в склонении существительных в словенском языке; Ф. К о п е ч н ы. Белор. *быццям*; Р. Я к о б с о н. Похвала Константина Философа Григорию Богослову; В. Б е х и н о в а. К. Эрбен и иллиризм; Р. Ш р а м е к. Проблематика образования демуниативных топонимов в чешском языке (на материале моравско-силезской топонимии); Р. Н и к о л а е в а. А. И. Герцен в чешских переводах и чешской печати; Я. И ш а. Вечное возвращение Велимира Хлебникова; М. В и в л я к о в а. Объяснение по поводу рецензии Рехарда Пражака.

№ 4

Я. Л ю д в и к о в с к и й. *Via Lucis* (Заметки о «Пути света» Коменского); Я. П а т о ч к а. О философии Я. Коменского; Д. Ч и ж е в с к и й. Произведения Коменского у восточных славян в XVII—XVIII вв.; С. К р а л и к. Чешский синтаксис сложного предложения в произведениях Я. Коменского; Й. В л а ш е к. Функции силлабизма и звуковых повторов в «Завещании» Коменского; К. Г о р а л е к. Фольклор у Коменского; Ю. Н о в а к о в а. Античные и среднелатинские пословицы в «Мудрости

древних чехов»; А. С. Мельников. К вопросу о формах проявления славянского самосознания в чешском обществе XVIII в.; М. Богатцова. Братская библиотека в Кралицах; М. Киралова. Панегирик Карлу-Густаву.

«*Slavica slovacca*», 1970, № 3

Ш. Ондруш. К пятидесятилетию Винченца Бланара; Л. Двонч. Список работ доц. Винченца Бланара за 1946—1969 гг.; О. Ахманова. К вопросу о «гиперграмматичности» речи; Я. Белич. Чешские диалектные беспредложные сочетания типа *šel sem taminkou, pudem Benešom, bil sem tam pátek*; Э. В. Браун. Закон ритмического сокращения долгот в словацком языке и фонологическая теория; И. Буюклиев. К развитию и установлению относительных предложений в древнеболгарском языке; Э. Эйхлер. Доля славянских фамилий в общем составе фамилий большого социалистического города; Й. Филипец. К вопросу об инварианте и варианте в лексической семантике; Э. Гораек. К характеристике дательного притяжательного в словацком и сербскохорватском литературных языках; А. В. Исаченко. К характеристике словацкой фразеологии: *psi tridsiatok*; И. Немец. Системное понимание лексики в ее лексикографической обработке; Ш. Ондруш. Лат. *nüpta* и праслав. *nevěsta*; В. Шмиллауер. О следах слов славянского происхождения в Трансильвании; Р. Шрамаек. Моравско-силезские топонимы с окончанием *-nice, -novice, ňovice*; Д. С. Ворт. О фонологии русского инфинитива; Г. Х. Ворт. O figurae etymologicae в русско-славянском языке; Г. Н. Акимова. Предикативная позиция падежных и предложно-падежных форм в языке середины XVIII в.

«*Slovo a slovesnost*», 1970, № 3

К. Гаузенблас. Работы В. Матезуса и чешская стилистика за истекшие 25 лет; И. Черны. О происхождении и развитии грамматических категорий; Д. Конечна, Л. Небески. Об одном выражении падежных отношений в современном чешском языке; А. Скоумал. Перевод начала романа (Из опыта переводчика).

№ 4

В. Скаличка. Коменский — лингвист; Ю. Новаклова. Гуманистический характер латыни Коменского; Б. Гавранек. О стилистической дифференциации сочинений Яна Коменского на чешском языке; И. Немец. Неологизмы Гуса и Яна Коменского; В. Хладкова, Э. Михалеков. К вопросу о библейских словах и выражениях в сочинениях Я. Коменского на чешском

языке; А. Фидлерова. О развитии несогласованного определения в древнем чешском языке и у Коменского; М. Павова. К характеристике чешской философской терминологии у Я. Коменского; Х. Мпрвальдова. Аллегоричность в «Лабиринте света и рае сердца». Я. Коменского; З. Горалкова. Лексика Коменского как источник этнографических сведений; П. Трост. Отношение Коменского к немецкому языку; С. Кралец. Языковое авторство некоторых немецких изданий сочинений Я. Коменского.

«*Slovenská reč*», 1970, № 4

П. Ондрус. Ленин о языке; Ш. Пеццар. Двадцать пять лет словацкого языкознания; Е. Йона. Участие М. М. Годжи в формировании словацкого литературного языка (окончание); Й. Млачек. Факультативные члены фразеологических единиц; М. Марсипова. Уместно ли в словацком языке наименование «*omaľovačka*»?; Й. Шкулетьы. Из словацкой хроматической терминологии; Ю. Рыбак. Об условном союзе *nech*; М. Иванова-Шалингова. Из проблематики числительных и числовых выражений; Й. Грбачек. Еще раз об однородных сказуемых.

№ 5

Ш. Ондруш. Значение и происхождение глагола *páčiť sa*; К. Палкович. Формы двойственного числа в словацком литературном языке, особенно у Я. Голлого и М. Кукучина; Я. Качала. Интенционная значимость глагола *opräť*; А. Габовштяк. Диалектные записи Шимона Золёми; Й. Млачек. Характеристика факультативных членов фразеологизмов как частей речи. Ш. Пеццар. Произношение и правописание (Заметки к дискуссии по словацкой орфоэпии); Л. Двонч. Снова о передаче русских названий городов (Marx, Engels — Marks, Engel's); Ф. Кочиш. Передвижение выражений и языковая адекватность в переводе (замечания к переводу романа «Эгоисты»).

«*Jezik in slovstvo*», 1970—1971, № 1—2

Э. Прунч. Предромантические национально-культурные идеи в каринтийском журнале «*Carinthia*»; Ф. Жагар. Упражнения по обогащению словарного состава; С. Маркович. Что представляет собой собственно детская литература; М. Роде. Род существительных в русском и словенском языках; Б. Голлоб. Чтобы не остались слишком долго новичками; Я. Чар, Ф. Варл. Знание грамматики у выпускников средних школ.

СОРОК ЛЕТ В СОВЕТСКОМ СЛАВЯНОВЕДЕНИИ

4 января 1971 г. состоялось совместное заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР и Ученого совета филологического факультета Московского университета, посвященное 40-летию научно-педагогической деятельности и 60-летию со дня рождения одного из ведущих славистов современности д-ра филол. наук, чл.-корр. Болгарской академии наук и Македонской академии наук и искусств проф. Самуила Борисовича Бернштейна.

Имя проф. С. Б. Бернштейна широко известно как в нашей стране, так и за ее пределами. Автор капитальных трудов в области сравнительного славянского языкознания, истории и диалектологии болгарского и других славянских языков, балканистики и лингвистической географии, он много внимания уделяет также исследованию важных проблем индоевропейского языкознания, вопросам истории румынского языка, тюркским языкам Балканского полуострова и их роли в формировании балканского языкового союза, вопросам лексикографии и истории славянской письменности, проблематике формирования литературных языков, истории отечественной и зарубежной славистики. Рассмотрение широкого круга лингвистических проблем позволило С. Б. Бернштейну внести существенный вклад в общую теорию языкознания, в частности в теорию сравнительного языкознания, лингвистической географии, теорию субстрата, языковых взаимовлияний и языковых союзов, теорию славянской морфологии, теорию двуязычных словарей. Перу проф. С. Б. Бернштейна принадлежит около двухсот научных работ, высоко оцененных советскими и зарубежными учеными, в том числе фундаментальные труды «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии» (1948), «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (1961), «Болгарско-русский словарь» (1966) и др. Один из инициаторов и участников таких крупных международных начинаний как «Болгарский диалектологический атлас» (т. I, София, 1964), выполненный совместно сектором славянского языкознания Института славяно-

ведения и балканистики АН СССР и Институтом болгарского языка БАН, «Общеславянский лингвистический атлас» и др.; руководитель больших научных коллективных трудов «Атлас болгарских говоров в СССР» (1968), «Карпатский лингвистический атлас» (1967), «Вопросы грамматики болгарского литературного языка» (1959) и др., редактор многих славистических изданий проф. С. Б. Бернштейн по праву пользуется авторитетом блестящего руководителя и организатора науки, воспитателя научных кадров.

Во вступительном слове директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. проф. Д. Ф. Марков кратко охарактеризовал научно-исследовательскую и организационную деятельность одного из старейших сотрудников Института, заведующего сектором славянского языкознания С. Б. Бернштейна и от имени всех собравшихся тепло приветствовал юбиляра.

Доклад чл.-корр. АН СССР проф. Р. И. Аванесова «Сорок лет в славистике» наряду с интересными воспоминаниями о совместно пройденном большом жизненном пути содержал глубокий анализ научного вклада проф. С. Б. Бернштейна в советское славяноведение и балканистику. Питомец Московского университета, ученик крупнейшего слависта-языковеда Афанасия Матвеевича Селищева С. Б. Бернштейн в послевоенный период возглавил в Советском Союзе работу по славянскому языкознанию, которое под его руководством в сравнительно короткий срок превратилось в одну из ведущих областей советской лингвистики. Охарактеризовав творческий метод ученого, теоретические принципы, положенные в основу его исследований, докладчик особое внимание уделил оценке результатов научной деятельности юбиляра в различных областях славистики и смежных областях языкознания. Основные направления исследовательской деятельности С. Б. Бернштейна — история болгарского языка, диалектология, лингвогеография и сравнительно-историческое изучение славянских языков — органически связаны между собой и объединены единством метода. С. Б. Бернштейн

всегда выступает как историк языка, основой интерес которого приковывают проблемы реконструкции не засвидетельствованных непосредственными источниками этапов исторического развития языков.

В докладе проф. А. Г. Широковой «С. Б. Бернштейн — профессор Московского университета» содержалась подробная характеристика научно-педагогической деятельности юбиляра, в течение 27 лет возглавлявшего кафедру славянской филологии МГУ. Автор многих вузовских учебников и словарей, прекрасный лектор и педагог, проф. С. Б. Бернштейн внес большой вклад в дело воспитания славистических кадров. За сорок лет своей педагогической деятельности (с 1931 г.) С. Б. Бернштейн подготовил и прочел более двадцати курсов лекций по славянскому языкознанию и филологии, составил вузовские программы по истории и современной грамматике болгарского, сербского, чешского языков, по сравнительной грамматике славянских языков и введению в славянскую филологию. Шесть докторов наук и тридцать кандидатов наук, работавших под его руководством, защитили свои диссертации.

Со словами приветствия от Советского комитета славистов к проф. С. Б. Бернштейну обратился ученый секретарь Комитета д-р филол. наук А. Н. Робинсон, отметивший большой вклад юбиляра в дело международного развития славистики и сотрудничества ученых славянских и неславянских стран.

Заведующий кафедрой славянской филологии Краковского университета, директор Института литературных исследований в Варшаве проф. Ст. Урбаньчик подчеркнул, что польские лингвисты высоко ценят в исследованиях С. Б. Бернштейна широту постановки проблем, которые часто связываются и с польским языкознанием.

Директор Института языкознания АН СССР чл.-корр. АН СССР проф. В. Н. Ярцева отметила, что проф. Бернштейн известен ученому миру не только как славист, но и как специалист по другим языкам, в частности тюркским, и напомнила об активной работе юбиляра в Гагаузоведческой комиссии, возглавлявшейся проф. Н. К. Дмитриевым, в которой разрабатывались вопросы письменности, истории и этнографии гагаузов, а также о вкладе ученого в изучение романских языков, особенно румынского и молдавского.

Выступившие от имени Ученого совета и коллектива филологического факультета МГУ чл.-корр. АН СССР Р. А. Будагов и проф. К. В. Горшкова охарактеризовали работу проф. Бернштейна не только как слависта-руководителя славянского отделения, но и как ученого широкого профиля, заботящегося об улуч-

шении подготовки студентов-филологов.

Доцент исторического факультета МГУ В. Г. Карасев отметил, что историкам-славистам особенно близки работы С. Б. Бернштейна, посвященные праславянскому языку, истории славяноведения и славянской филологии в России.

Проф. Ю. С. Маслов и доц. П. А. Дмитриев (Ленинградский университет) подчеркнули плодотворность научных контактов между учеными-славистами Ленинграда и возглавляемым проф. С. Б. Бернштейном коллективом московских славистов-языковедов.

Зав. редакцией славянских словарей издательства «Советская энциклопедия» Г. А. Мартынова отметила вклад С. Б. Бернштейна в отечественную лексикографию.

От имени Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Г. П. Шумилов вручил члену центрального правления Общества советско-болгарской дружбы С. Б. Бернштейну грамоту за активную работу по развитию и укреплению дружбы между советским и болгарским народами и ознакомил собравшихся с письмом председателя Президиума центрального правления Общества акад. А. Н. Туполева.

От имени учеников проф. С. Б. Бернштейна и коллектива Института славяноведения и балканистики АН СССР выступили Е. В. Чешко и Е. И. Демина. Г. К. Венедиктов сообщил о поздравительных телеграммах и адресах, полученных от Отделения литературы и языка АН СССР, президиума Болгарской академии наук, Македонской академии наук, Центрального Института языкознания Немецкой академии наук в Берлине, Ассоциации славистов Румынии, Белорусского, Черновицкого, Одесского, Львовского университетов, Института болгарского языка БАН, Института фольклора в Скопье, Института русского языка АН СССР, Института языка и литературы Молдавской АН, Института языкознания Белорусской АН, Института литовского языка и литературы Литовской АН, Института языкознания им. Потебни АН УССР, Львовского института общественных наук, Научно-методического центра русского языка при МГУ и многих других организаций и известных ученых-славистов.

Ближайшие годы проф. С. Б. Бернштейн думает посвятить изучению проблематики языковых контактов и интерференции языков Карпатского ареала и Дунайского бассейна, вплотную смыкающейся с решением многих кардинальных вопросов этногенеза славян. Коллектив Института славяноведения и балканистики АН СССР желает юбиляру новых успехов в развитии советского славяноведения и балканистики.

Е. И. Демина

ВСТРЕЧА СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ В ПОЗНАНИ

Совместное обсуждение актуальных научных проблем стало доброй традицией советских и польских ученых. На очередной сессии советско-польской комиссии историков, состоявшейся в Познани 12—13 ноября 1970 г., рассматривалась тема «Русско-польские революционные связи в XIX в.».

Сессию открыл ректор Познаньского университета проф. Ч. Лучак. О научной и политической значимости проблематики русско-польских революционных связей, взаимной заинтересованности в плодотворном обсуждении их говорил старейшина польских историков акад. Г. Ловмянский. Затем И. С. Миллер (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) выступил с докладом «Советские работы по истории русско-польских революционных связей в XIX в. (Состояние исследования, задачи, перспективы)». Выступивший в дискуссии по этому докладу Е. Скворонек (Варшавский университет) высказал мнение, что необходимо расширить изучение генезиса русско-польского революционного союза, выяснить, каким путем возникла и формировалась сама идея союза в русском и польском обществе в XVIII — начале XIX в. К. Гропёвский (Институт истории ПАН) отметил, что значительный вклад в решение затронутой докладчиком проблемы внесли работы, изданные Институтом славяноведения АН СССР (совместная с польскими историками публикация документов о восстании 1863 г., сборники статей и монографии). П. Лоссовский (Институт истории ПАН) рассказал о научной деятельности Польско-советского института, существовавшего в 50-е годы.

Содержательный доклад Г. Дылёновой (Люблинский католический университет) на тему «Патриотическое общество и декабристы» вызвал в своей заключительной части возражения отдельных участников дискуссии, которые, в отличие от докладчика, не считали бесплодными переговоры, имевшие место между русскими дворянскими революционерами и представителями польского конспиративного движения. На основе архивных материалов, не введенных еще в научный оборот, был построен доклад Б. Лопушаньского (Ягеллонский университет) «Организация Шимона Конарского и русское революционное движение». Ряд неизвестных высказываний П. Сцегенного содержался в зачитанном на сессии сообщении В. А. Дьякова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Идеи межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 40-х годов XIX в.»

Оживленный обмен мнениями вызвал доклад А. Ф. Смирнова (Институт истории СССР АН СССР) «Русские славянофилы и польский вопрос». В частности,

Е. Скворонек считает, что генезис славянофильства был представлен докладчиком дискуссионно, что в славянофильстве следует различать два течения: консервативное и прогрессивное. З. Я. Тальвирская (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) высказала мысль, что необходим дифференцированный подход при анализе взглядов славянофилов в отношении Польши, хотя последние, будучи либералами, в целом смотрели на польский вопрос с точки зрения интересов господствующего класса России.

В. Сливовская (Институт истории ПАН) в своем докладе обратилась к изучению публицистики Николая Сазонова и Ивана Головина, их контактам с польской политической эмиграцией и отношению к польскому вопросу.

В ряде выступлений участников сессии затрагивались проблемы истории восстания 1863 г. Акад. С. Кепевич (Варшавский университет) в своем докладе «Русско-польский революционный союз в период восстания 1863 г.» подчеркнул, что разработка данной проблемы ведется комплексно, усилиями советских и польских исследователей; важнейшим достижением такого сотрудничества он считает то, что польско-русский революционный союз рассматривается в современной историографии как существенная составная часть революционной ситуации в России и одновременно как одна из ключевых проблем восстания 1863 г. С докладом «Бронислав Шварце как историк восстания 1863 г. и русско-польских отношений 60-х годов» выступила О. П. Морозова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Л. Ратайчик (Военная политическая академия в Варшаве) коснулся вопроса об участии польских военных в русско-польских революционных связях XIX в.; А. А. Гиля (Институт истории АН Литовской ССР) — о связях выдающегося литовского писателя и ученого Микалоюса Акелайтиса с польскими политическими деятелями и деятелями культуры в 60-е годы XIX в.

Е. Борейша (Варшавский университет) затронул проблему связей польской и русской революционной эмиграции в период после восстания 1863 г. По его мнению, связи эти на всем протяжении 70-х годов носили характер личных контактов между отдельными деятелями, так как в атмосфере депрессии, вызванной поражением восстания, ни одна из польских эмигрантских организаций не видела перспектив дальнейшего сотрудничества с русскими революционными кругами. Е. Борейша полагает, что необходимо усилить изучение связей П. Л. Лаврова с польской эмиграцией, чтобы выяснить степень идейного влияния русского мыслителя на поляков.

Сопоставлению теоретических взглядов

первых польских социалистов и русских народников посвятила свое выступление М. Вавржкова (Варшавский университет). О связях польской рабочей партии «Пролетариат» с кружками революционных пародников на территории Белоруссии и Литвы говорили С. М. Самбук (Институт истории АН Белорусской ССР) и В. Ю. Меркис (Институт истории АН Литовской ССР). Докладчики считают, что именно благодаря «пролетариатам» белорусские и литовские революционеры

впервые познакомились с идеями марксизма.

Итоги работы конференции подвел акад. С. Кеневич. Он считает положительной чертой развернувшейся дискуссии то, что в ходе обмена мнениями участники касались не только проблем русско-польского союза, но и ряда важных вопросов истории общественного движения в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине.

А. О.

ЛЕТНИЙ СЕМИНАР СЛАВИСТОВ В БРНО

С 4 по 31 августа 1970 г. философский факультет Университета им. Я. Пуркине в г. Брно (ЧССР) в третий раз проводил летний семинар славистов. В работе семинара участвовали слависты Великобритании, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, США, Франции, ФРГ, Швейцарии и Югославии. Курсы семинара прослушали автор: тих строк и двое студентов-богемистов из Ленинграда.

Семинары в Брно, задуманные четыре года назад как филиал летних курсов славистов в Праге, стали самостоятельной летней школой славистов. Директору семинара проф. Й. Грабаку и его заместителю доц. Й. Кристинеку удалось составить для слушателей насыщенную и интересную программу, которая была успешно выполнена.

Тематический диапазон лекций, прочитанных на семинаре, был очень широк. Актуальные проблемы славянского языкознания, литературоведения и фольклористики, историографии, искусствоведения и музыковедения, вопросы культурно-политических взаимоотношений славянских стран — вот не полный перечень лекционной тематики семинара.

Некоторые лекции имели общесторический и культурно-политический характер. Сложные проблемы взаимоотношений славянских народов рассматривались в них с учетом этнографических, исторических, лингвистических и культурных факторов (например, лекции «Славянизм в чешской национальной истории» проф. Фр. Гейла и «Польско-чешские культурные отношения» доц. Й. Кристинека).

Поскольку большинство слушателей было богемистами, в центре внимания лекционного курса стояли проблемы чешского языка, литературы, истории и культуры, освещавшиеся обычно на широком славянском фоне. Так, в лекции проф. А. Лампрехта «Историческое развитие чешского языка» тонко прослеживалась эволюция общеславянских потенций в чешской фонологической системе. Большое внимание уделялось вопросам связи чешского языка с другими славян-

скими и неславянскими языками (лекции «Возникновение и развитие литературного языка в Чехии» проф. Й. Дангелки, «Влияние иностранных языков на чешский язык» проф. М. Елинека, «Славянские основы чешской письменности» доц. Р. Вечерки). В некоторых лекциях был дан исчерпывающий обзор главных разделов чешской языковой системы (лекции «Фонетика чешского языка» проф. К. Онезорга, «Стратификация чешского национального языка» доц. Я. Хлоупека, «Вопросы чешского синтаксиса» доц. М. Грепла).

Большой интерес у слушателей семинара вызвали две лекции по славянскому фольклору — лекции доц. Й. Кристинека «Народное творчество славян», в которой богатый фольклорный материал широко сопоставлялся в типологическом и генетическом плане, и лекция доц. Я. Бенеша «Фольклор в Чешской Социалистической Республике», которую докладчик украсил новыми колоритными записями, сделанными им в экспедициях.

Цикл литературоведческих лекций имел целью ознакомление слушателей с основными периодами в истории чешской литературы и с крупнейшими ее представителями. Лекции по истории литературы были хронологически и проблемно взаимосвязаны: «Древняя чешская литература» (доц. М. Копецкий), «Литературные фальсификации в чешском сентиментализме» (доц. К. Палас), «Чешская литература второй половины XIX века» (проф. Д. Ержабек), «Творчество К. Чапека» (проф. К. Кралик), «Современная чешская литература» (научный сотрудник АН ЧССР Ш. Влашин).

Представление о сложных путях развития чешского театрального искусства дали слушателям семинара две обзорные лекции проф. А. Завадского. Интересна была и лекция д-ра З. Смейкала о современном чешском киноискусстве. Проф. Б. Штедронь включил в свою живую и непринужденную лекцию «Мировые явления чешской музыки» яркие отрывки из популярных пьес чешских композиторов.

Участники семинара ежедневно имели практические занятия по чешскому языку, которые вели опытные и квалифицированные преподаватели философского факультета: д-р Ф. Бржезина; д-р Я. Бартушек, д-р М. Крчмова, д-р Я. Кристинова. Для слушателей, изъявивших желание совершенствоваться в русском языке, были организованы специальные занятия с д-ром Е. В. Пухляковой. Богемистам, посещавшим спецкурсы по чешской стилистике, надолго запомнятся остроумные, содержательные и оригинальные занятия у проф. К. Онезорга, учившего слушателей тонкому пониманию чешского слова.

Из лекций и семинаров участники семинара узнали много интересного о куль-

турных традициях Чехии и Моравии. Знакомство с национальной культурой продолжалось и во время многочисленных и увлекательных экскурсий по городу Брно и его окрестностям, по южной, западной и северной Моравии. Эти экскурсии неизменно возглавлял доц. Я. Венеш — большой знаток и патриот Моравии.

Дружеская атмосфера, насыщенная научная и учебная программа, четкая организация занятий и экскурсий обеспечили успешное проведение летнего семинара славистов в Брно в минувшем году.

В. Мокшенок

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЕТНИЙ СЕМИНАР ПО БОЛГАРСКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В СОФИИ

С 5 августа по 3 сентября 1970 г. в Софии проходил VIII летний семинар по болгарскому языку и литературе для иностранных болгаристов и славистов, организованный факультетом славянской филологии Софийского университета им. Климента Охридского. Семинаром руководил проф. Э. Георгнев.

Семинар по болгарскому языку и литературе организуется ежегодно, начиная с 1963 г., для преподавателей, научных работников, студентов и переводчиков с болгарского языка. Цель семинара состоит в том, чтобы дать возможность специалистам по болгаристике и вообще славистике укрепить знание болгарского языка и литературы, а также ближе познакомиться с социалистической культурой Болгарии, ее хозяйством, историческими памятниками, природой. Для осуществления этой цели программой семинара предусматриваются ежедневные практические занятия по болгарскому языку, проводимые опытными преподавателями, а также лекции по языкознанию и литературоведению, которые читают крупные болгарские ученые, разнообразные семинарские занятия по языку и литературе. Для участников семинара проводятся встречи с болгарскими писателями, посещения музеев, ознакомление с памятниками старины, поездки по Софии и ее окрестностям. Ежегодный семинар по традиции завершается экскурсией по стране.

Участники семинара побывали в Университете и библиотеках Софии, в Этнографическом музее, Национальной художественной галерее, в соборе Александра Невского и Крипте, познакомились с другими достопримечательностями Софии, выезжали на экскурсии на Витошу, в Боянскую церковь и Рильский монастырь.

Лингвистическая тематика в 1970 г. была

представлена несколькими направлениями. Разным проблемам древнеболгарского и современного болгарского языка были посвящены лекции акад. Вл. Георгиева — «Этимология болгарского языка», проф. Л. Андрейчина — «О диалектной основе современного болгарского языка», проф. С. Стоянова — «Современные фонологические законы в болгарском языке», проф. К. Попова — «Историческое значение болгарского языка», проф. И. Дуриданова — «Надпись Ивана Владислава», проф. И. Тылыбова — «Древнеболгарский и латинский — международные культурные языки средневековой Европы», доц. Д. Ивановой-Мирчевой — «Основные моменты и главные направления в развитии болгарского языка до XVIII в.». Общие вопросы языкознания рассматривались в лекциях проф. И. Леккова — «Единство традиционных и новых методов в изучении синтаксической структуры славянских языков», ст. н. с. А. Людсканова — «Моделирование в языкознании и вопросы перевода».

Вопросы болгарской литературы были предметом лекций проф. Г. Димова — «Основные моменты в развитии болгарского литературоведения», проф. Р. Ликовой — «Проблемы современной болгарской беллетристики», акад. П. Динкова — «Основные проблемы болгарской литературы XIX в.», проф. Г. Веселинова — «Критический реализм в болгарской литературе», проф. П. Русева — «Особенности реализма в болгарской литературе между двумя войнами», проф. Е. Каранфилова — «Проблемы современной болгарской литературы», проф. С. Каракостова — «Проблемы болгарской драматургии», акад. П. Зарева — «Народная психология и литература». Ст. н. с. С. Стойкова прочитала лекцию «Юнацкая эпическая традиция в Болгарии».

Более конкретные вопросы языкознания и литературоведения рассматривались на семинарских занятиях.

22—23 августа в Софии проходила научная сессия «Иван Вазов и славянские народы, языки и литература», посвященная 120-й годовщине со дня рождения писателя. Кроме докладов болгарских ученых, были прочитаны сообщения участниками семинара.

Каждый из участников семинара получил ценные книги, специально и удачно по-

добранные для него, диплом и памятные подарки. Затем состоялась пятидневная экскурсия по Болгарии.

Полезная традиция ежегодного семинара способствует установлению плодотворных научных контактов между его участниками, создает условия для бесед и консультаций по научным вопросам.

Т. В. Попова, К. И. Ходова

ПАМЯТИ ЕЖИ АНТОНЕВИЧА

27 июня 1970 г. безвременно скончался Е. Антоневич. Он родился 3 мая 1919 г. в Петркове в семье учителя. Двадцатилетним юношей он участвовал в обороне Варшавы от гитлеровских войск. После побега из плена участвовал в движении Сопротивления, ведал охраной культурных ценностей столицы во время Варшавского восстания.

После освобождения страны Е. Антоневич, магистр археологии, деятельно участвует в восстановлении Государственного музея археологии и в возвращении стране драгоценных музейных коллекций. Правительство награждает Е. Антоневича Крестом заслуг.

Воодушевленный желанием создать средневековую историю польско-прусского Поморья, а также изучить обширный регион взаимной славяно-литовско-прусской этнической и культурной инфильтрации Е. Антоневич от имени Белостокского научного общества организует комплексную Ятвяжскую экспедицию (1959 г.), в которой участвуют археологи, антропологи, языковеды, историки Польши, Белоруссии, Литвы, Швеции.

Круг разысканий исследователя непрерывно расширяется. Им опубликовано около ста трудов, относящихся к музееведению и охране памятников старины, к античной и раннесредневековой истории Мазовии, Куявии, Поморья, но главным образом его интересовала история земель Пруссии и, особенно, Ятвягии. Он задался трудной целью раскрыть ее догосударственную структуру, выявить ее связи с Польшей, Русью, Литвой... Этой теме

была посвящена и работа «Укрепленные поселения Пруссии эпохи раннего железа», за которую Краковский университет присудил в 1961 г. Антоневичу степень доктора. Подлинный переворот во взглядах на уровень земледельческой техники лесной зоны северо-восточной Европы произвела находка Е. Антоневича близ города Сувалки. В погребении ятвяжского земледельца II—III в. н. э. он обнаружил веслообразный паральник. Это сенсационное открытие навечно вписано в аграрную историю Европы.

Всегда деятельный, горячо захваченный идеей творческого интернационального сотрудничества ученых, он умел связывать воедино нити, пока еще, к сожалению, немногочисленные и тонкие, расходящиеся к ученым разных стран и континентов. Созданные при его деятельном участии Ольштынский (с 1958 г.) и Белостокский (с 1961 г.) ежегодники и Acta Baltico-Slavica (с 1964 г.) — ярчайшее тому свидетельство.

Участник международных археологических и славистических конгрессов, конференций и симпозиумов в Риме, Праге, Варшаве, Белостоке Е. Антоневич с честью представлял польскую археологию и медиэвистику в мировой науке. Широко эрудированный, общительный, сердечный человек он имел множество друзей в ученом мире. И советские историки потеряли в нем не только талантливого коллегу, но и преданного друга.

В. Т. Пауште

MATE ХРАСТЕ

29 ноября 1970 г. на 73 году жизни скончался профессор Загребского университета, действительный член Югославянской академии наук и искусств, известный хорватский лингвист Мате Храсте.

Мате Храсте родился в 1898 г. на Хваре — острове, население которого говорит на чакавском диалекте сербскохорватского языка. Интерес к языку в его литературной форме и диалектном разнообразии, любовь и привязанность к родному краю определили во многом творческую индивидуальность ученого и его путь в науке. Преподаватель сербскохорватского языка в гимназии, затем профессор университета, Мате Храсте отдал много внимания и сил проблематике литературного языка. В сотрудничестве с И. Брабцем и С. Живковичем он написал неоднократно перепедававшуюся «Граматику хорватского или сербского языка», принимал непосредственное участие в составлении единого Орфографического кодекса и орфографического словаря сербскохорватского языка, выпущенного в 1960 г., опубликовал ряд статей по грамматике и лексикологии.

Страстным увлечением и главным делом жизни стала для Мате Храсте диалектология. Его первой научной публикацией была статья о говоре местечка

Брусье — родины ученого. За ней последовала монография «Чакавский диалект острова Хвар» и серия описаний народных говоров на островах и побережье Адриатического моря, на полуострове Истрия. Современные представления о чакавском диалекте, материал которого широко используют историки языка и компаративисты, в значительной мере основываются на описаниях и обобщающих трудах Мате Храсте. В своих исследованиях Мате Храсте не ограничивался чакавским диалектом, он изучал все диалектные разновидности народной речи в западной части территории распространения сербскохорватского языка, писал о региональных литературных языках (кайкавском и чакавском). Огромное значение имеет опубликованная им в 1956 г. библиография работ по диалектологии, антропонимике, топонимике и гидронимике сербскохорватского языка.

Смерть Мате Храсте — большая утрата славянского языкознания. Умер талантливый, деятельный ученый, выдающийся диалектолог. Труды Мате Храсте снизили широкую известность и признание. Его заслуги не будут забыты.

В. П. Гудков

CONTENTS

- A. Klevanskij*. On the 50-ieth anniversary of the creation of the Communist Party of Czechoslovakia. *Dušan Živković* (Yugoslavia). Certain problems of the creation of the new Yugoslav state. *L. B. Valev*. The beginning of the Great Patriotic War of the Soviet Union and Bulgaria. *Stefan Kieniewicz* (Poland). The Polish-Russian revolutionary union in the 1863 Uprising. *M. M. Kučinko*. The population of the Upper San and the Wisłok basin in the IX—XIII centuries. *A. Lipatov*. The problems of periodisation in the literature of the Polish Enlightenment. *L. P. Zukovskaja*. Manuscript № 9 from the Grigorovič Collection 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- E. L. Nemirovskij*. On the historiography of the early Polish book-printing 92

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

- N. F. Filonenko-Alekseev*. «Sovetskoe slav'ovedenie». *Helena Georgieva* (Bulgaria). A new contribution to Bulgarian linguistics. *G. I. Cern'ovskij*, *V. T. Vyt'ažkov*. «Герои на антифашистката борба». *Nadežda Jovanović* (Yugoslavia). «Tokovi revolucije». *Ju. Smirnov*. On the folk culture of Gzechoslovakia 94

Bibliography

- Books of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet Union in 1970. The main articles and materials on present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1970 (continued). The contents of foreign periodicals 108

SCIENTIFIC LIFE

- E. I. Demina*. A forty years' in the Soviet Slavic studies. *A. O.* The Meeting between the Soviet and the Polish historians in Poznan. *V. Mokienko*. A Summer Slavicists' Seminar in Brno. *T. V. Popova*, *K. I. Xodova*. The VIII International Summer Seminar of the Bulgarian language and literature in Sofia 121
V. T. Pašuto. In Memoriam Jerzy Antoniewicz 126
V. P. Gudkov. Mate Hraste 127

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 11/II-1971 г.	Т-06469	Подписано к печати 22/IV-1971 г.	Тираж 1220 экз.
Зак. 1772. Формат бумаги 70×108 ² / ₁₆	Усл. печ. л. 11,2	Бум. л. 4	Уч.-изд. л. 12,6

Ж-17
БОЛЬШАЯ ОРАДНКА
34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ
70891
1-12

И
Цена 1 руб.
Индекс 70891

Издательство «Наука»

Центральная контора «Академкнига»

В магазинах «Академкнига» имеются в продаже книги:

- Восстание в Литве и Белоруссии. 1863—1864 гг. Материалы и документы. 1965. 587 стр. 2 р. 38 к.
- История Болгарии до 9 сентября 1944 года. Ч. 2. Литература. Искусство. Наука. Указатель литературы. (1945—1958 гг.). 1963. 307 стр. 1 р. 90 к.
- Лещиловская И. И. Иллиризм. К истории Хорватского национального возрождения. 1968. 339 стр. 1 р. 20 к.
- Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. 1968. 327 стр. 1 р. 68 к.
- Мельникова И. Н. Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг. 1962. 442 стр. 1 р. 90 к.
- Миско М. В. Польское восстание 1863 г. 1962. 336 стр., 1 вкл. 1 р. 28 к.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах.
Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 1964. 646 стр. 1 р. 52 к.
- Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии XIV — начала XV в. 1963. 451 стр. 2 р. 13 к.
- Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. Сборник статей и материалов. 1962. 611 стр., 1 вкл. 2 р. 70 к.
- Славяно-германские отношения. 1964. 296 стр. 1 р. 38 к.
- Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. 1963. 392 стр. 1 р. 82 к.
- Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами [1918—1939]. Из истории государственных, дипломатических, экономических и культурных связей. 1968. 228 стр. 1 р. 18 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.